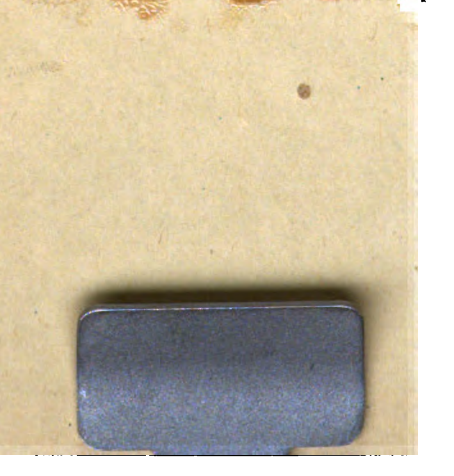

HD WIDENER
HW PPHL 8

SIGILLUM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV·ANG·
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

ФРИТІОФЪ

Jeremiah Curtin

СКАНДИНАВСКІЙ ВИТЯЗЬ

поэма Тегнера.

Съ шведскаго перевелъ

ЯКОВЪ ГРОТЪ.

3-е изд.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ

съ приложеніемъ перевода первоначальной саги.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Высочайше утвержденнаго Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1898.

Jeremiah Curtin

ФРИТІОФЪ

СКАНДИНАВСКІЙ ВИТЯЗЬ

поэма Тегнера.

ФРИТІОФЪ

СКАНДИНАВСКІЙ ВИТЯЗЬ

поэма Тегнера.

Съ шведскаго перевелъ

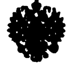
ЯКОВЪ ГРОТЪ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ

съ приложеніемъ перевода первоначальной саги.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 января 1898 года.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Высочайше утвержденнаго товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Настоящее, *третье* изданіе знаменитой поэмы Тегнѐра „Фритіофъ“ въ переводѣ Я. К. Грота печатается одновременно и въ І-мъ томѣ издаваемыхъ нынѣ „Трудовъ“ академика, и особой книжкой. Предыдущее изданіе (Воронежъ, 1874) уже вышло изъ продажи; между тѣмъ, европейская популярность этого высоко-художественнаго созданія скандинавскаго генія и признанныя достоинства перевода покойнаго академика служатъ, кажется, ручательствомъ, что спросъ на эту книгу въ средѣ нашей просвѣщенной публики, любителей художественной литературы, а особенно нашей читающей молодежи — и впредь не прекратится.

К. Гротъ.

Декабрь 1897.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Приложеніе.

Сага о Фритіофѣ Смѣломъ (Переводъ съ исландскаго).

ФРИТІОФЪ.

СКАНДИНАВСКІЙ ВИТЯЗЬ

Поэма Тегнера.

Переводъ съ шведскаго.

Предисловіе ко II-му изданію [1]).

Тегне́рова Frithiofs-saga давно сдѣлалась общимъ достояніемъ всего образованнаго міра. Съ самаго появленія этой поэмы въ 1825 году, въ Стокгольмѣ, ее переводили и до сихъ поръ вновь переводятъ на языки разныхъ народовъ. Сколько мнѣ извѣстно, она напечатана на десяти языкахъ; нѣмцы имѣютъ около двадцати переводовъ ея, изъ которыхъ многіе издавались по нѣскольку разъ; англичане и французы также переводили ее многократно.

Такой повсемѣстный и прочный успѣхъ произведенія литературы, обращающей на себя вообще мало вниманія, не могъ быть случайнымъ. Главная причина его заключается конечно въ талантѣ, съ какимъ поэтъ выполнилъ свою задачу; но къ распространенію „Фритіофссаги" много способствовало и оригинальное содержаніе этой яркой картины геройскаго быта древнихъ скандинавовъ.

Русскій переводъ „Фритіофа" первоначально былъ изданъ мною въ 1841 году, въ Гельсингфорсѣ. При изученіи скандинавскихъ литературъ я былъ пораженъ красотами этой въ то время еще вовсе неизвѣстной у насъ поэмы, и рѣшился познакомить съ нею русскую публику. Трудъ мой былъ встрѣченъ благопріятно почти всѣми тогдаш-

---

[1]) 1-е изд. вышло въ 1841 г. въ Гельсингфорсѣ; 2-е въ Воронежѣ въ 1874 г. въ *Сборникѣ* скандин. поэзіи, изд. „Филолог. Записокъ" и отдѣльно.—Срв. еще *„Переписка Г. съ П."* т. I, стр. 76, 134, 166, 187, 196, 204, 213, 225, 249, 355, 358, 365, 687 — 91 и слѣд. *Ред.*

ними органами нашей журналистики; критики различныхъ лагерей, Плетневъ, Бѣлинскій, Сенковскій, отозвались о немъ съ большимъ сочувствіемъ. „Фритіофъ“ разошелся довольно скоро и совершенно исчезъ изъ книжной торговли.

Новое изданіе подготовлялось мною давно съ нѣкоторыми измѣненіями въ текстѣ перевода и съ новыми приложеніями; но другія занятія мѣшали мнѣ приступить къ печатанію его и можетъ быть вовсе не дали бы осуществить эту мысль, еслибъ редакція „*Филологическихъ Записокъ*“ въ Воронежѣ не изъявила желанія перепечатать мой переводъ въ задуманномъ ею Сборникѣ Скандинавской поэзіи.

Этой же редакціи „Фритіофъ“ обязанъ своимъ вторичнымъ появленіемъ и въ отдѣльномъ видѣ. Къ переводу поэмы приложены тутъ разныя предварительныя свѣдѣнія, краткая біографія Тегнéра, письмо его о поэмѣ и наконецъ переводъ первоначальной исландской саги, служившей главнымъ источникомъ поэту.

Предварительныя свѣдѣнія.

Очеркъ быта, религіи и поэзіи древнихъ скандинавовъ [1]).

I.

Норманны и Скандинавія. — Родина Фритіофа. — Землевладѣльцы.

Въ средніе вѣка, особливо въ VII и VIII столѣтіяхъ, приморскія страны Европы были часто тревожимы норманнами. Эти отважные люди, которые въ русскихъ лѣтописяхъ называются варягами, являлись съ легкими судами своими на всѣхъ моряхъ, нападали на встрѣчные корабли и, приставая къ берегамъ или углубляясь рѣками во внутренность земель, опустошали города и села, основывали новыя государства.

Отечествомъ норманновъ была Скандинавія, т. е. та часть сѣверной Европы, въ составъ которой входятъ нынѣ Швеція съ Норвегіею и Данія. Страны эти раздѣлялись въ то время на множество мелкихъ владѣній, и въ каждомъ былъ свой король, или, какъ его тамъ называли, *конунгъ*, съ ограниченною властью; въ случаѣ войны онъ становился предводителемъ рати.

Раздробленіе на мелкія области достигло высшей степени въ Норвегіи (Нордландіи), и ея-то жители были самыми страстными море-

---

[1]) Заимствуется изъ 1-го изданія моего перевода съ нѣкоторыми прибавленіями преимущественно изъ сочиненія Вейнгольда „Altnordisches Leben“.

ходцами. Толпы, наводившія ужасъ на берега Европы, состояли преимущественно изъ норвежцевъ. Вотъ отчего названіе *норманновъ* и распространилось на всѣхъ вообще скандинавовъ. Въ югозападной части Норвегіи, на берегу Нѣмецкаго моря, находилась между прочимъ небольшая область *Согнъ*. Ее раздѣлялъ длинный и узкій заливъ (какими вся Норвегія изрѣзана съ запада), еще и теперь извѣстный подъ именемъ *Согнскаго* (Sognefjord). Въ этомъ-то краю родился знаменитый въ скандинавскихъ сказаніяхъ *Фритіофъ*.

Природа скандинавская сурова, но величественна и разнообразна. Гранитныя скалы и горы, въ нѣдрахъ своихъ скрывающія металлъ; озера, усѣянныя островами; рѣки быстрыя и часто пѣнящіяся водопадами; огромные лѣса, растущіе то въ долинахъ, то на высотахъ; наконецъ море, омывающее утесистые берега и передъ ними усѣянное скалами, которыя вмѣстѣ съ окружающею ихъ водою образуютъ такъ называемые шкеры или, правильнѣе, *шеры* (skär): таковы отличительныя черты тамошней природы. Припомнимъ сверхъ того, что на дальнемъ сѣверѣ солнце, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, совсѣмъ не заходитъ и при ясномъ небѣ бываетъ видно цѣлую ночь, почему и называется тамъ въ эту пору *полуночнымъ*. Пользуясь правами поэта, Тегнéръ и въ Согнскомъ, относильно южномъ краѣ предполагаетъ явленіе беззакатнаго солнца.

Главное сословіе народа у скандинавовъ составляли владѣльцы болѣе или менѣе обширныхъ участковъ земли, которыми они управляли независимо. Вся ихъ обязанность въ отношеніи къ конунгу состояла въ томъ, что они должны были слѣдовать за нимъ на войну. Они назывались крестьянами или *бóндами* (bonde), слово, которое раза два сохранено и въ моемъ переводѣ. Каждый бондъ носилъ оружіе, и, если былъ богатъ, держалъ при себѣ наемную дружину. Онъ нерѣдко бывалъ въ тѣсномъ союзѣ съ конунгомъ, но находиться въ его дружинѣ считалъ для себя унизительнымъ. Конунгъ всегда избирался народомъ, и съ саномъ своимъ соединялъ званіе верховнаго жреца. При религіозныхъ торжествахъ онъ самъ отправлялъ богослуженіе въ храмѣ. Его сыновья, еще при жизни отца, также назывались конунгами. Случалось, что отецъ съ сыномъ или два брата вмѣстѣ управляли краемъ. Владѣтельныя семейства обыкновенно съ гордостію вели свой родъ отъ боговъ. За конунгами, по знатности сана, слѣдовали *ярлы* (графы), которые и сами бывали иногда главами областей.

II.

Война и походы. — Морскіе вожди. — Братскіе союзы. — Воспитаніе. — Суда и оружіе. — Щиты.

Война была для норманна главнымъ и самымъ почетнымъ занятіемъ; но особенно уважались морскіе походы. Первоначально они служили

къ удовлетворенію торговыхъ потребностей, да и впослѣдствіи коммерческій интересъ оставался однимъ изъ сильнѣйшихъ побужденій къ такимъ странствованіямъ. Ихъ предпринимали, по большей части, младшіе сыновья конунговъ и бондовъ, т. е. люди, которые, не имѣя права на наслѣдство земли, хотѣли оружіемъ поправить обиду судьбы. Ихъ цѣлью было добыть себѣ имущество или область. Но иногда къ походу побуждало ихъ и одно удальство или славолюбіе. Такой воитель назывался *викингомъ* или *морскимъ конунгомъ*. Сначала онъ строго держался правилъ чести и великодушія, но позднѣе благородная война обратилась въ разбойничество. Сверхъ дружины, при викингѣ былъ неразлучный сподвижникъ, называвшійся его *братомъ по оружію* (vapeňbroder) или *по воспитанію* (fosterbroder).

Надобно объяснить начало и значеніе этого священнаго для норманновъ союза. Воинственному отцу некогда было самому заниматься воспитаніемъ дѣтей своихъ. Это, а можетъ быть и желаніе удалить ихъ отъ вредныхъ развлеченій, было причиною, что знатный скандинавъ часто отдавалъ сына или дочь въ домъ какого-нибудь старца, извѣстнаго своею мудростью и уединенною жизнью. Послѣдній становился для своихъ питомцевъ *отцомъ по воспитанію* (fosterfader) и навсегда принималъ въ отношеніи къ нимъ родительскія обязанности. Отсюда проистекало добровольное подчиненіе пѣстуна болѣе богатому довѣрителю; была поговорка: „кто воспитываетъ чужое дитя, тотъ бѣднѣе отца его“.

Между тѣмъ дѣти, соединенныя подъ однимъ общимъ надзоромъ, дѣлались *братьями по воспитанію*. Подростая вмѣстѣ, два мальчика, не смотря на разность своего состоянія, торжественно заключали другъ съ другомъ вѣчный союзъ. Обыкновенно, каждый изъ нихъ наносилъ себѣ по легкой ранѣ въ ладонь, и слитая на землю въ одну ямку кровь ихъ, тщательно перемѣшанная, служила символомъ братства: въ заключеніе обряда они подавали другъ другу руку. Съ той поры они уже никогда не разлучались: дѣлили веселье и горе, труды и опасности. Даже собственность была у нихъ общая. Если оба возвращались изъ своихъ странствованій, то и среди мира, иногда до глубокой старости, они продолжали жить вмѣстѣ и нерѣдко вмѣстѣ же умирали: въ послѣдній часъ богатый и знатный увлекалъ за собою бѣднѣйшаго, который при этомъ воображалъ, что перейдетъ съ своимъ товарищемъ-покровителемъ въ одно и то же мѣсто неземного міра. Если одинъ погибалъ отъ оружія, то другой мстилъ за смерть его кровью. Въ братскій союзъ вступали не только воспитывавшіеся въ одномъ домѣ, но и вообще люди, которыхъ сближала одинакая страсть къ славнымъ подвигамъ. Въ такомъ случаѣ сподвижники назывались *братьями по оружію*.

Суда, на которыхъ совершались морскіе походы, были гребныя ладьи

съ парусами и иногда вмѣщали въ себѣ до двухъ сотъ человѣкъ. Они строились большею частью въ видѣ драконовъ, улитокъ и т. п., отчего и обозначались именами этихъ животныхъ. Въ „Фритіофѣ“ названія *драконъ* и *шнекъ* (улитка) не разъ встрѣчаются вмѣсто слова *корабль*. Подъ дракономъ разумѣлось военное судно, большое, крѣпкое, съ высокими бортами и разными украшеніями. Оно получило это названіе отъ драконовой головы на носу корабля и отъ хвостообразной кормы. Несясь на распущенныхъ парусахъ, такое судно дѣйствительно напоминало летящаго змѣя. *Шнекъ* — общегерманское судно — отличался длинной, узкой формой, низкимъ бортомъ и долгимъ носомъ. По своему легкому, скорому ходу шнеки были особенно пригодны для быстраго нападенія; на нихъ и прибалтійскіе славяне успѣшно сражались съ норманнами. Разсказываютъ, что однажды король вендовъ Ратиборъ на 2500 шнекахъ поплылъ съ огромнымъ войскомъ къ берегамъ Норвегіи. Суда этого имени до сихъ поръ извѣстны у датчанъ и норвежцевъ, а отъ послѣднихъ заимствованы и русскими: на мурманскомъ (норманскомъ) берегу, по Сѣверному морю, лодку извѣстныхъ размѣровъ до сихъ поръ зовутъ *шнекомъ*. Корабль Фритіофа назывался *Эллидою*. Это было впрочемъ нарицательное имя, которымъ означалось крѣпкое, удобное для битвъ судно, иногда имѣвшее до тридцати веселъ и обитое желѣзомъ. Въ названіи его нѣкоторые видятъ родство съ славянскимъ словомъ *ладья*.

Вообще корабли въ Скандинавіи пользовались особеннымъ почетомъ: на нихъ смотрѣли какъ на живыя существа; ихъ уподобляли не только дракону, но также коню, оленю, волку и волу; на переднемъ концѣ судна являлись въ изваяніяхъ головы разныхъ животныхъ, иногда и человѣческія, и этимъ изображеніямъ приписывалась чудесная, не всегда дружелюбная сила. Какъ герой въ часъ битвы обращался съ просьбами и увѣщаніями къ мечу своему, такъ точно и мореплаватель среди бури и опасности взывалъ къ своему кораблю. Паруса на скандинавскихъ судахъ были часто изъ дорогихъ разноцвѣтныхъ тканей, нерѣдко съ шитьемъ: красивый парусъ считался почетнымъ подаркомъ. Норвежцы употребляли и черные паруса. У богатыхъ вождей ладьи бывали украшены между прочимъ позолотою, а по временамъ борты унизывались щитами, которые сверхъ того служили тутъ и для обороны. Когда не ожидали опасности, напр. ночью, то раскидывали на палубѣ шатры; а передъ битвой ихъ убирали. Черные шатры считались самыми щегольскими и преимущественно употреблялись на войнѣ, но люди, хвалившіеся храбростію, предпочитали устраивать надъ кораблемъ навѣсъ изъ щитовъ.

Оружіе скандинавовъ съ удивительною крѣпостью соединяло въ себѣ изящество отдѣлки. Древнѣйшимъ были копья разныхъ родовъ; позднѣе, когда развилось нравственное чувство и нападать неожиданно

сдѣлалось постыднымъ, стали употреблять мечи. Въ глубокой древности были только кремневые ножи, но уже рано приготовлялись также мечи стальные и мѣдные. Неудивительно, что скандинавы и въ мечѣ представляли себѣ затаенную жизнь. Его уподобляли змѣю, который, какъ мечъ изъ ноженъ, выскакиваетъ изъ своего убѣжища и вонзаетъ острый зубъ въ своего врага. Въ пѣсняхъ и сагахъ много разсказовъ о геройскихъ мечахъ. Естественно, что въ нихъ видѣли сокровища, что добивались узнавать ихъ происхожденіе и перечисляли всѣхъ ихъ владѣльцевъ. Такъ мечъ проходилъ часто чрезъ многія степени рода, а женскія украшенія доставались отъ матери дочкѣ, внукѣ и правнукѣ. На клинкѣ находились иногда таинственные знаки или *руны* (древнія буквы), которымъ приписывалось волшебное дѣйствіе. У норманновъ было повѣрье, что мечу посредствомъ чаръ можетъ быть сообщена сверхъестественная сила, и ничто, кромѣ колдовства же, не можетъ превозмочь ея. Вотъ отчего истинному герою недовольно было храбрости: ему необходимо было еще и умѣнье притуплять ворожбою или *усыплять* заколдованное оружіе. Мечъ былъ первымъ сокровищемъ скандинава и, по господствовавшему обычаю отличать драгоцѣнные предметы собственными именами, получалъ названіе, которое вмѣстѣ съ нимъ переходило изъ рода въ родъ и славилось наравнѣ съ именемъ самого героя. Такъ знаменитый мечъ Фритіофа назывался *Ангурваделемъ*.

Щиты, которыми норманны особенно щеголяли, были у богатыхъ то золотые или вызолоченные, то съ живописью или выпуклыми изображеніями, преимущественно представлявшими цвѣты. Простые воины носили щиты желѣзные, мѣдные, деревянные и даже кожаные. Величиной скандинавскій щитъ былъ обыкновенно въ ростъ воина и, независимо отъ прямого своего назначенія, употреблялся въ разныхъ случаяхъ. На щитѣ относили убитаго къ мѣсту погребенія; ударъ въ щитъ означалъ вызовъ на брань; поднятые щиты служили войску вмѣсто знаменъ для отличія отрядовъ. Красный, такимъ образомъ несомый щитъ былъ вѣстникомъ войны; напротивъ, бѣлымъ выражалось требованіе мира. Изъ щитовъ ратники составляли иногда родъ шатра или крѣпости (sköldborg) вокругъ вождя для огражденія его отъ врага или отъ ненастья. Наконецъ, палаты и корабли украшались развѣшенными щитами.

III.

Скандинавскія женщины. — Щитоносицы. — Хоромы, увеселенія, празднества.

Скандинавы любили одѣваться роскошно. Изготовленіе платья было дѣломъ однѣхъ женщинъ; вообще онѣ употребляли свои досуги на разныя рукодѣлья. Даже знатныя жены и дочери не чуждались такихъ занятій, ткали, вышивали шелкомъ и золотомъ. Дочь богатаго земле-

владѣльца жила въ отдѣльной, такъ называвшейся *дѣвической* палатѣ (jungfrubur), которая строилась въ самой отдаленной части двора. Такой обычай, конечно, былъ первоначально вызванъ необходимостью обезопасить женщину отъ господствовавшей грубости нравовъ.

Первою принадлежностью красоты и благороднаго происхожденія у скандинавовъ, какъ и вообще у германскаго племени, считался свѣтлый цвѣтъ кожи, глазъ и волосъ. Не даромъ и прекраснѣйшій богъ Бальдеръ сіялъ бѣлизною тѣла, и ярко-бѣлая трава называлась бровью Бальдера. Русые и даже рыжіе волосы нравились норманнамъ; черные же волосы и глаза и обыкновенный при нихъ смуглый цвѣтъ кожи не цѣнились, потому что служили отличительными чертами другихъ племенъ, на которыя скандинавы смотрѣли съ презрѣніемъ. Особенно дорожили они густыми свѣтлыми кудрями; впослѣдствіи ими гордились, какъ признакомъ нравственнаго достоинства; только свободный мужъ и дѣвушка безукоризненныхъ нравовъ носили длинные волосы; ихъ остригали у рабовъ и у женщинъ, запятнавшихъ свою честь. Но мужчины носили гладкіе волосы; кто являлся съ длинными кудрями, того считали женоподобнымъ. Дѣвушки ходили съ распущенными волосами; невѣсты подбирали ихъ сѣткой; замужнія женщины надѣвали на голову платокъ, покрывало или шапку. Въ „Фритіофѣ“, какъ и вообще въ скандинавскихъ сагахъ, эпитетъ *желтый*, *золотой* часто придается, въ смыслѣ похвалы, слову *кудри*.

Норманны уважали женщину; никогда не запирали ее, не обращали въ рабыню. Пиры свои они умѣли украшать ея присутствіемъ. Тутъ вмѣстѣ съ хозяиномъ сидѣли передъ гостями жена его и дочери: тутъ и прислуга была женская. Вообще обхожденіе съ женщиною имѣло у норманновъ нѣсколько романическій, рыцарскій характеръ. Скандинавскія женщины любили употреблять ожерелья, кольца, запястья (браслеты) изъ дорогихъ металловъ. Всѣ эти сокровища отличались утонченною работой и носили на себѣ разнаго рода мудреныя изображенія, свидѣтельствовавшія о ихъ глубокой древности. То же надобно разумѣть и о другихъ драгоцѣнностяхъ, составлявшихъ домашнюю утварь. Золото и серебро норманны въ изобиліи добывали на югѣ оружіемъ, а отчасти и торговлею. Торговля, какъ и вездѣ, заключалась въ мѣнѣ, и такъ какъ самою обыкновенною собственностью былъ скотъ, то онъ и служилъ деньгами. Рядомъ съ нимъ ходили въ этомъ значеніи куски драгоцѣнныхъ металловъ. Кольца, которыя носились какъ украшенія на шеѣ и на рукахъ, выше и ниже локтя, представляли, смотря по ихъ цѣнности и вѣсу, денежную единицу. Для мелкихъ платежей ихъ разбивали или разрубали на куски. Золотымъ кольцамъ такъ же, какъ мечамъ и кораблямъ, давались собственныя имена; въ родѣ владѣльца сохранялось преданіе о ихъ происхожденіи и переходѣ отъ одного поколѣнія къ другому. Высоко

цѣнились также пояса, то серебряные, то оправленные въ золото и осыпанные дорогими каменьями. Искусствомъ ковать металлы скандинавы издревле обладали въ высокой степени и видѣли въ томъ благородное занятіе. У нихъ между богами былъ, какъ и у древнихъ грековъ, хромоногій богъ-ковачъ: ихъ Вулканъ назывался Ваулундомъ (въ переводѣ чудодѣемъ).

Когда нужно было, скандинавскія женщины не уступали самымъ грознымъ витязямъ въ воинственномъ духѣ и свирѣпости. Для отмщенія за убитыхъ родственниковъ онѣ готовы были на ужаснѣйшія дѣла. Были и такія, которыя, увлекаясь отвагой, спѣшили въ доспѣхахъ на поле брани и съ губительнымъ оружіемъ отчаянно бросались въ толпу сражающихся. Это сѣверныя амазонки, извѣстныя въ сагахъ подъ именемъ *дѣвъ-щитоносицъ* (sköldmör).

Было замѣчено, что дѣвическая палата строилась отдѣльно. Вообще каждая комната хоро́мъ или чертоговъ составляла особый домъ. Строенія были обыкновенно деревянныя (сосновыя), но внутри представляли великолѣпное убранство. Главнымъ зданіемъ была храмина для пировъ. Скандинавъ любилъ пиры почти такъ же, какъ и битвы. Онъ всегда чувствовалъ потребность въ тревогѣ и шумѣ, и когда вокругъ него не стучало оружіе, не раздавались воинскіе клики, онъ хотѣлъ слышать по крайней мѣрѣ стукъ заздравныхъ кубковъ и клики веселья, хотѣлъ упиваться медомъ, если не кровью. Любимыми удовольствіями его были, кромѣ того, бѣганье, борьба, катанье на120 конькахъ и лыжахъ, особливо же охота. Такимъ образомъ онъ съ дѣтства развивалъ въ себѣ необыкновенную тѣлесную силу и ловкость, пріобрѣталъ удальство и неустрашимость въ борьбѣ съ опасностями. Саги разсказываютъ о смѣльчакахъ, которые безъ оружія побѣждали медвѣдей. Медвѣжье мясо цѣнилось не только по своему вкусу, но и какъ добыча, купленная побѣдой надъ грознымъ врагомъ. Норманну были знакомы и умственныя забавы. Онъ искалъ развлеченія въ рѣшеніи загадокъ и въ шахматной игрѣ; жадно слушалъ пѣсни и разсказы о геройскихъ подвигахъ предковъ.

Побѣда, смерть героя и другіе торжественные случаи служили поводомъ къ роскошнымъ пирамъ. Сверхъ того были въ году два срока, праздновавшіеся такимъ же образомъ, именно лѣтнее и зимнее солнцестояніе. Конунги и знатные иногда приглашали на пиръ нѣсколько сотъ гостей, не считая домашней дружины, которая всегда въ немъ участвовала. Легко судить о величинѣ палаты, въ которой собиралось такое множество людей. Это была обыкновенно продолговатая зала. По обѣимъ главнымъ стѣнамъ ея шли двѣ широкія скамьи, и въ серединѣ каждой возвышалось почетное мѣсто, похожее на престолъ. Одно занималъ самъ хозяинъ, другое знатнѣйшій гость. По одну сторону отъ каждаго почетнаго мѣста садились мужчины, по

другую женщины. Въ двухъ поперечныхъ стѣнахъ были двери; иногда же дверь находилась только въ одной, а у противоположной стѣны стояла скамья для женщинъ, которыхъ въ такомъ случаѣ уже не было на другихъ мѣстахъ. Вдоль скамей тянулись столы. Впрочемъ, не всегда устройство палаты для пировъ было одинаково: иногда почетнѣйшее общество съ хозяиномъ помѣщалось за особымъ столомъ, стоявшимъ на возвышеніи. Такое расположеніе пирующихъ встрѣчается и въ поэмѣ Тегнéра.

Убранство пиршественной храмины состояло въ развѣшенныхъ по стѣнамъ щитахъ и мечахъ (Валгаллу, рай храбрыхъ, представляли себѣ построенною изъ одного оружія). Кромѣ того стѣны покрывались иногда обоями, т. е. узорчатыми тканями или позолоченными кожами. По обѣ стороны почетнаго мѣста возвышались два столба, либо изваянные въ видѣ истукановъ, либо только увѣнчанные ликами боговъ и по большей части украшенные рѣзьбой. Скамьи, которыхъ ширина позволяла сидѣвшему положить за собою и оружіе, устилались разноцвѣтными коврами, а мѣста важнѣйшихъ гостей — подушками. Для освѣщенія палаты разводился огонь середи пола, на небольшомъ каменномъ возвышеніи. Дымъ выходилъ въ круглыя отверстія, сдѣланныя въ крышѣ. Въ странахъ болѣе богатыхъ становились вокругъ пирующихъ мальчики съ смоляными факелами, вмѣсто которыхъ позднѣе, при распространеніи роскоши, появились на столахъ канделябры изъ дорогихъ металловъ. Полъ на время пира посыпаемъ былъ соломою. Слѣдъ этого обычая до сихъ поръ остается на скандинавскомъ и финскомъ сѣверѣ: о святкахъ тамъ и въ самой грязной избѣ полъ устилается соломой.

На пирахъ у норманновъ вино почти всегда замѣнялось медомъ, любимымъ напиткомъ всѣхъ арійскихъ народовъ, издревле знакомыхъ съ пчеловодствомъ. Міровой ясень, который, по общегерманскому повѣрью, проходитъ чрезъ девятиярусное зданіе вселенной, каждое утро стряхиваетъ съ своихъ листьевъ сладкую медвяную росу, собираемую пчелами. Медомъ не пренебрегали и сами боги. Въ большомъ почетѣ было также пиво, которое варили женщины, стараясь угождать искусствомъ въ приготовленіи его мужьямъ и женихамъ своимъ. Вино, получавшееся изъ Германіи и Англіи, употреблялось только самыми богатыми людьми; даже изъ боговъ только Одинъ пьетъ благородный виноградный сокъ, а у людей этотъ напитокъ первоначально былъ доступенъ только королямъ и ихъ семействамъ.

Съ самой отдаленной древности кубками служили изящно отдѣланные звѣриные, особенно буйволовые или турьи рога. Богатые люди обивали ихъ драгоцѣнными металлами, украшали хранительными рунами и разными изображеніями. Такіе кубки оставались у германскихъ народовъ въ употребленіи до позднѣйшихъ временъ. У скандинавовъ

рогъ имѣлъ видъ круто - согнутой дуги и утверждался на ножкахъ, придѣланныхъ къ нижней части его.

Любимымъ обычаемъ было пить вдвоемъ (tvêmennind) или по двое: мужчина и женщина, случайно сидѣвшіе рядомъ на пиру, пили вмѣстѣ. Только викинги, не допускавшіе въ свое общество женщинъ, пили не такъ, а пускали рогъ кругомъ по всему собранію въ знакъ того, что оно составляетъ одно нераздѣльное цѣлое. Но вообще участвовать въ попойкахъ было для женщинъ дѣломъ привычнымъ: къ этому способствовало сперва то, что рогъ подносила хозяйка или ея дочь, а потомъ обыкновеніе пить попарно съ мужчинами. Медъ часто разливали и разносили прислуживавшія за столомъ дѣвушки.

На пирахъ пили иногда изъ освященнаго кубка въ жертву богамъ, особенно Одину, Тору и Фрею. Въ то же время ходилъ кругомъ кубокъ Брага (бога пѣсенъ), надъ которымъ произносили обѣты. Это продолжалось въ нѣсколько измѣненномъ видѣ еще и послѣ введенія христіанства. Такъ поступали особенно на праздникахъ зимняго солнцестоянія (jul), но иногда и при другихъ торжественныхъ случаяхъ, напр. при помолвкахъ и при полученіи наслѣдства. Произнесеніе обѣтовъ надъ кубкомъ Брага сопровождалось различными обрядами. Очень древенъ былъ обычай провести откормленнаго вепря передъ скамьями пирующихъ: кто хотѣлъ принесть какой-нибудь обѣтъ, бралъ звѣря одной рукой за голову, а другую клалъ на щетину и высказывалъ свою клятву. Дѣло шло обыкновенно о сватовствѣ, о совершеніи мести, о воинскихъ или хищническихъ предпріятіяхъ. Въ поэмѣ Тегнéра Фритіофъ произноситъ обѣтъ мщенія надъ заколотымъ вепремъ, поданнымъ на столъ въ видѣ жаркого.

IV.

Поэзія и скальды. — Берсерки. — Кровавая месть. — Поединки. — Смерть на соломѣ. — Честное самоубійство. — Адъ и рай.

Скальды были поэты-импровизаторы, которыхъ народъ любилъ слушать и на пирахъ, и въ сраженіяхъ. Скальдъ былъ самъ героемъ; онъ жилъ въ чертогахъ конунга, служилъ ему другомъ и совѣтникомъ, украшалъ пиры его звуками и вмѣстѣ съ нимъ отправлялся на поле брани. Тамъ онъ не только воодушевлялъ дружины воинскими пѣснями, но и самъ бился въ первыхъ рядахъ, чтобъ быть свидѣтелемъ подвиговъ и послѣ увѣковѣчить ихъ стихами. Званіе скальда было весьма почетно: имъ гордились мужи высокаго происхожденія, знаменитые вожди и даже конунги. Иногда пѣвецъ странствовалъ изъ края въ край, отъ одного двора къ другому, и вездѣ находилъ блестящій пріемъ. Онъ пѣлъ (или вѣрнѣе, говорилъ на распѣвъ) съ арфою въ рукахъ, славилъ боговъ и героевъ, восхвалялъ храбрость или изрекалъ правила

глубокой мудрости, которая считалась драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ скальда.

Такъ въ поэзіи скандинавовъ соединялись и религія, и исторія, и философія ихъ. Такъ скальдъ былъ не только пѣснопѣвцемъ и героемъ, но также витіею, лѣтописцемъ, музыкантомъ. Первоначально въ этой поэзіи сила сопровождалась высокою простотой, но впослѣдствіи эти качества уступили мѣсто изысканности образовъ и множеству околичныхъ выраженій. Между разными родами пѣсенъ особенною торжественностію отличалась такъ называвшаяся *драпа*, или смертная пѣснь. Ее на погребальномъ пиру возглашали собранные скальды въ похвалу усопшему. Въ ихъ пѣсняхъ не было риѳмы, но она замѣнялась тѣмъ, что въ двухъ рядомъ стоящихъ стихахъ нѣсколько словъ начинались одною и тою же буквою. Созвучіе этого рода называется *аллитераціей* — Тегнéръ въ одной изъ пѣсенъ „Фритіофа" (XXI) сдѣлалъ опытъ употребленія *аллитераціи*. Я не счелъ нужнымъ жертвовать вѣрностію перевода соблюденію этой игры звуковъ, очень трудной въ русскомъ языкѣ; однакожъ она мѣстами сохранена мною какъ въ XXI пѣсни, такъ и въ нѣкоторыхъ стихахъ X-й, гдѣ она и въ подлинникѣ встрѣчается рѣдко.

Самымъ рѣзкимъ выраженіемъ воинственнаго характера скандинавовъ были люди, въ которыхъ боевой жаръ доходилъ до настоящаго изступленія. Они не носили панцыря, почему и назывались на языкѣ норманновъ *берсерками*, т. е. воинами въ одной сорочкѣ. Въ припадкѣ бѣшенства берсеркъ не щадилъ ни людей, ни предметовъ неодушевленныхъ. Съ обнаженнымъ мечемъ бросался онъ на все, что ему ни встрѣчалось, или грызъ собственный щитъ свой, и неистовствовалъ, пока его не укрощали насильно: способъ, употреблявшійся къ этому, состоялъ въ томъ, что его стѣсняли щитами. Берсерки жили, въ качествѣ тѣлохранителей, при дворѣ многихъ конунговъ. Были въ скандинавскихъ нравахъ и другія черты суровости. Такова была, напримѣръ, кровавая месть. Особенно ужасенъ былъ одинъ видъ ея: врагу взрѣзывали спину и выгибали оттуда ребра въ видѣ крыльевъ. Это называлось — рѣзать кроваваго орла. Впрочемъ, только гнуснѣйшія преступленія наказывались такимъ обрезомъ. Иногда дѣло между двумя врагами рѣшалось поединкомъ, который обыкновенно происходилъ на какомъ-нибудь небольшомъ островѣ или на скалѣ въ морѣ (отчего и назывался holmgång): такимъ выборомъ мѣста предупреждались и обманъ, и помощь, и бѣгство. Подобно этому цѣлыя рати сражались иногда въ зимнее время на льду морскомъ, представлявшемъ имъ равнины, какихъ въ Скандинавіи, при гористой почвѣ ея, мало.

Первою добродѣтелью для скандинава была храбрость; первою заслугою — смерть въ бою; а трусость — самымъ низкимъ порокомъ,

естественная смерть — позоромъ и бѣдствіемъ. На этомъ основывалось понятіе народа о будущей жизни: *рай* былъ наградою храбрыхъ, падшихъ отъ оружія, *адъ*—наслѣдіемъ робкихъ, умершихъ отъ старости или болѣзни. Естественная смерть презрительно называлась „смертью на соломѣ“ (strådöd). Чтобы избѣгнуть ея, храбрый, которому не удавалось пасть отъ руки непріятеля, считалъ священнымъ долгомъ самоубійство. Оно совершалось особымъ торжественнымъ образомъ. Чувствуя приближеніе кончины, воинъ облекался въ свои богатѣйшіе доспѣхи и, обнаживъ себѣ грудь и руки, *копьемъ* вырѣзалъ на тѣлѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ таинственные знаки, послѣ чего истекалъ кровью. Наносить себѣ такую смерть называлось — „чертить себя концомъ копья“ (marka sik geirsoddi). Было преданіе, что древній вождь *Одинъ*, именемъ котораго означали впослѣдствіи отца боговъ, подалъ первый примѣръ подобной смерти. Оттого избиравшій ее скандинавъ говорилъ также, что онъ изрѣзаетъ себя „для Одина“.

Но въ чемъ полагалъ онъ блаженство рая и муки ада? Битвы и пиры — первыя свои наслажденія въ здѣшней жизни — признавалъ онъ и лучшими украшеніями будущей. Онъ вѣрилъ, что на небѣ есть огромная и великолѣпная палата — по имѣни *Валгалла*, — въ стѣнахъ которой устроены цѣлыя сотни широкихъ воротъ, ведущихъ на неизмѣримую долину. Въ палатѣ той храбрые пируютъ за роскошными столами и пьютъ медъ, подаваемый имъ дѣвами; въ долинѣ же они сражаются, падаютъ, но не умираютъ отъ ранъ, и, вставъ исцѣленными, вновь отправляются пировать.

Адомъ, напротивъ, служитъ глубочайшая подземная область; здѣсь властвуетъ богиня смерти *Гела*, представляемая въ образѣ полубѣлой и полусиней женщины. Сюда, какъ уже замѣчено, попадаютъ трусы, вообще — умершіе тихою смертью. Есть еще особый адъ для клятвопреступниковъ и безчестныхъ убійцъ: это большая палата, вымощенная змѣями; ядъ извергаемый ими, образуетъ въ ней цѣлыя рѣки. Имя ея — *Настрандъ*.

V.

Могилы. — Народныя собранія. — Скандинавскій календарь. — Письмена. — Могильные камни. — Домы Солнца.

Въ Скандинавіи, какъ и во многихъ мѣстностяхъ Россіи, встрѣчаются древнія насыпи изъ земли и камней. Это курганы, могилы вождей и героевъ. Подъ такою насыпью устраивали одинъ или нѣсколько покоевъ со сводами, куда клали, а часто и сажали умершаго мужа или постепенно цѣлое семейство. Вмѣстѣ съ покойникомъ, богато одѣтымъ и съ ногъ до головы вооруженнымъ, хоронили предметы, добытые имъ въ бояхъ, и вообще любимыя его сокровища. Въ числѣ ихъ обыкновенно бывалъ и *конь*, котораго убивали передъ курга-

номъ, а потомъ съ сѣдломъ и сбруею, украшеннаго золотомъ и серебромъ, ставили близъ господина. Нерѣдко при погребенномъ человѣкѣ помѣщали и корабль его со всѣми его снастями. Случалось, что воитель желая скрыться, еще при жизни поселялся съ своею дружиною, подъ курганомъ.

Могильные холмы знаменитыхъ вождей служили часто сборнымъ мѣстомъ народа, который сходился для совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ, для выслушиванія законовъ, для суда и расправы. Такое собраніе или вѣче называлось *тингомъ* (ting). Конунгъ или, по смерти его, тотъ, кому наслѣдство давало право искать этого сана, занималъ на вершинѣ холма возвышенный круглый камень, а народъ стоялъ кругомъ и спускался по скатамъ до самой подошвы кургана. Всѣ были тутъ въ полномъ вооруженіи.

Для оповѣщенія народа употреблялся особенный способъ, который отчасти и теперь еще въ обыкновеніи на сѣверѣ Скандинавскаго полуострова и Англіи. Онъ состоитъ въ томъ, что изъ селенія въ селеніе переносится небольшой деревянный жезлъ (budkafle), иногда съ надписью.

Въ домашнемъ быту скандинавовъ обращались еще другого рода жезлы съ разными начертаніями. Они служили календарями и до XVII столѣтія были въ употребленіи подъ именемъ руническихъ жезловъ (runstaf). Рунами, какъ извѣстно, назывались буквы скандинавскаго письма. Ихъ было 16-ть. Въ сѣверной Норвегіи есть мѣста, гдѣ народъ понынѣ разбираетъ руны. Первоначально подъ словомъ *руна* (runa) разумѣли, по всей вѣроятности, *таинство*. Знаки, такъ называвшіеся, составляли одно изъ орудій чародѣйства и были извѣстны только жрецамъ. Письмена въ началѣ были также достояніемъ однихъ жрецовъ и оттого получили то же названіе.

Впрочемъ, ошибочно было бы думать, что у норманновъ въ отдаленной уже древности письмо имѣло такое же обширное примѣненіе, какъ у новѣйшихъ народовъ. Книгъ на сѣверѣ тогда еще не сочиняли. Сперва руны служили только для начертанія краткихъ надписей, законовъ, пѣсенъ и развѣ для переписки. Руническіе манускрипты большого объема принадлежатъ позднѣйшей эпохѣ. Скандинавы, какъ и древніе германцы, писали на деревѣ. Законы изображаемы были на доскахъ. Оттого и теперь еще отдѣлы или главы въ скандинавскихъ уложеніяхъ называются *досками* (balk).

Надписи вырѣзывались и на камняхъ. На или при могильномъ курганѣ ставился такъ называвшійся руническій камень (runsten), возвѣщавшій имя и подвиги покойника. Надпись начертывалась обыкновенно въ видѣ змѣя, свернувшагося кольцомъ. Впрочемъ, иногда мавзолей воителя состоялъ въ узкомъ и довольно высокомъ каменномъ обрубкѣ безъ всякой надписи (bautasten); онъ ставился или также при

курганѣ, или чаще одиноко, особливо при какой-нибудь людной дорогѣ, и такимъ образомъ замѣнялъ курганъ. Это бывало въ такомъ случаѣ, когда хотѣли почтить память героя, павшаго на чужбинѣ. Замѣтимъ кстати, что и у древнихъ римлянъ существовалъ обычай хоронить покойниковъ при дорогахъ, — вѣроятно съ цѣлію, чтобы могила тѣмъ чаще напоминала объ усопшемъ. Оттуда непремѣнное восклицаніе старинныхъ эпитафій: *прохожій, стой* (siste, viator)!

Камней послѣдняго рода, по простотѣ ихъ формы, сохранилось въ Скандинавіи очень мало; напротивъ того, руническіе встрѣчаются въ необыкновенномъ множествѣ.

Изъ всего сказаннаго видно, что скандинавы, при всей суровости своихъ нравовъ, не были народомъ невѣжественнымъ. Употребленіе ими календарей доказываетъ, что они имѣли уже нѣкоторыя свѣдѣнія въ астрономіи. Они воображали, что боги ихъ живутъ на небѣ въ двѣнадцати крѣпостяхъ, называемыхъ *домами солнца.* Сквозь этотъ вымыслъ ясно просвѣчиваетъ понятіе о 12-ти знакахъ зодіака, чрезъ которые проходитъ солнце. Донынѣ почти *всякій* крестьянинъ на Скандинавскомъ полуостровѣ знаетъ важнѣйшія созвѣздія и по ихъ теченію распредѣляетъ свои работы, а рыболовъ направляетъ свое плаваніе въ морѣ.

VI.

Религія. — Храмы и жертвоприношенія. — Происхожденіе человѣка. — Жилища боговъ. — Древо времени. — Небесный мостъ. — Великаны, враги боговъ. — Стражъ неба. — Богъ войны и его дѣвы. — Источникъ мудрости. — Осьминогій конь. — Богъ силы съ его принадлежностями. — Богъ плодородія и празднества въ честь его.

Храмы у скандинавовъ, такъ же, какъ и чертоги, были обширны и великолѣпны. Собственно молитвенный домъ составлялъ только малую часть капища; въ цѣлости же служило оно какъ-бы сборнымъ мѣстомъ жителей всего окрестнаго края. Въ большія празднества тамъ не только поклонялись богамъ, но и пировали вокругъ жертвенниковъ. Подобный же обычай существовалъ не только у другихъ языческихъ народовъ, но и въ самой христіанской церкви въ первые вѣка ея. Каждый храмъ у скандинавовъ былъ посвященъ одному какому-нибудь богу, котораго истуканъ стоялъ внутри его. При капищѣ была священная роща для жертвоприношеній; алтаремъ служилъ круглый камень; онъ обагрялся кровью соколовъ, коней (преимущественно бѣлыхъ) и другихъ животныхъ. По ихъ внутренностямъ жрецы прорицали будущее. Древнѣйшій скандинавскій храмъ былъ въ Упсалѣ; преданіе говоритъ о немъ, какъ о чудѣ великолѣпія и искусства.

Религія скандинавовъ, во многихъ частяхъ своихъ, исполнена глубокаго значенія и является плодомъ мудрыхъ соображеній о человѣ-

ческой жизни и мірѣ вообще. Если разсматривать сѣверные миѳы во всей ихъ чистотѣ, какими находимъ ихъ въ первобытныхъ памятникахъ, безъ позднѣйшей примѣси, то надобно согласиться, что это ученіе представляетъ изумительную силу, важность и послѣдовательность мысли, свойственныя миѳологіи немногихъ лишь народовъ древности. Особенно замѣчательна проникающая скандинавскую религію основная идея борьбы добра со зломъ и окончательной побѣды добра. Но съ другой стороны, эта религія въ отношеніи къ стройности и пластической красотѣ образовъ, конечно, не выдерживаетъ сравненія съ греческимъ богоученіемъ. Есть однако же и въ нѣкоторыхъ миѳахъ скандинавовъ какая-то особенная свѣжесть и прелесть.

Здѣсь неумѣстно было бы излагать подробно скандинавскую миѳологію: выберу изъ нея только главныя, моей цѣли нужныя черты.

Вселенная происходитъ отъ вѣчнаго безтѣлеснаго существа, которое потому и называется Всемірнымъ Отцомъ, Альфáдеромъ. Земля и небо созданы изъ тѣла великана Имера. Человѣкъ есть преображенное дерево: мужчина сотворенъ изъ ясеня (ask), женщина изъ ольхи (embla). Надъ предѣлами видимаго міра есть два враждебныя между собою племени: боги и великаны.

Боги, которые, нося человѣческій образъ, не должны быть смѣшиваемы съ Альфáдеромъ, живутъ на небѣ. Ихъ край отдѣленъ рѣкою отъ міра великановъ и иногда весь называется по имени рая, Валгаллою. Главныхъ боговъ и богинь по 12-ти, и у каждаго своя крѣпость (домы солнца). Вселенная осѣнена исполинскимъ Ясенемъ, древомъ времени. У корней его есть источникъ мудрости и другой, именуемый Урда. Надъ послѣднимъ боги каждый день собираются для совѣщаній. Небо соединяется съ землею огромнымъ мостомъ, являющимся въ образѣ радуги.

Великаны всячески стараются вредить богамъ, и дѣйствительно, мало-по-малу одерживаютъ надъ ними верхъ по мѣрѣ того, какъ боги измѣняютъ добру и нарушаютъ миръ. Нѣкогда великаны совершенно истребятъ ихъ, но сами никогда не овладѣютъ небомъ, а возникнетъ новое, очищенное племя міроправителей. Боги, предвидя открытое нападеніе со стороны великановъ, содержатъ при вратахъ Валгаллы стража съ громозвучною трубою, которой гулъ возвѣститъ имъ приближеніе опасности.

Отецъ боговъ и главный владыка міра есть мудрый Одинъ, не имѣющій ничего общаго съ Альфадеромъ. *Одинъ* въ особенности богъ войны. Есть преданіе, что первоначально имя его принадлежало вождю, подъ предводительствомъ котораго предки норманновъ завоевали Скандинавію. Будучи родомъ изъ Азіи, они назывались асами. Воспоминаніе объ Одинѣ-вождѣ было, какъ полагаютъ, началомъ вымысла объ Одинѣ-богѣ. Оттого, какъ онъ, такъ и вообще тѣ

изъ скандинавскихъ боговъ, которые отличаются силою, извѣстны подъ именемъ *Асовъ*.

Одинъ управляетъ боями; при немъ дѣвы-щитоносицы, Валкиріи: когда на землѣ сражаются, то онъ посылаетъ этихъ дѣвъ на поля битвъ. Тамъ онѣ выбираютъ достойныхъ славной смерти, и падшихъ уносятъ въ Валгаллу. Въ качествѣ бога войны Одинъ иначе называется Валфадеромъ: значеніе слова *вал* во всѣхъ этихъ именахъ трудно опредѣлить съ точностію.

Красота рѣдко бываетъ соединена съ мудростію: оттого и Одинъ безобразенъ. У него только *одинъ глазъ*, да и тотъ на лбу. Другой его глазъ сверкаетъ на днѣ источника мудрости, и вотъ по какой причинѣ. Источникъ этотъ принадлежитъ богу Мимеру. Одинъ просилъ у него позволенія испить благотворной воды, но Мимеръ не иначе согласился на то, какъ съ условіемъ, что богъ войны отдастъ ему одинъ изъ глазъ своихъ въ залогъ.

Чтобы знать обо всемъ, что происходитъ въ мірѣ, Одинъ не слишкомъ надѣясь на свой единственный глазъ, держитъ двухъ вороновъ. По волѣ его, они каждое утро отправляются на землю и, облетѣвъ ее, возвращаются вечеромъ къ отцу боговъ, садятся ему на плечи и разсказываютъ на ухо все, что ни провѣдали.

Другую принадлежность Одина составляетъ восьминогій конь *Слейпнеръ*. Глава боговъ настолько выше другихъ, что даже не довольствуется общимъ ихъ напиткомъ, медомъ, и пьетъ только вино. Супругу его зовутъ Фриггой.

Одинъ былъ представителемъ высшей духовной силы, по понятіямъ скандинавовъ, т. е. воинственности, соединенной съ мудростью; напротивъ, олицетвореніемъ силы тѣлесной былъ Торъ, могучій владыка грома. Онъ вооруженъ древнѣйшимъ оружіемъ — молотомъ, для котораго носитъ желѣзныя рукавицы, сверхъ того есть у него поясъ, удвоивающій силу. Торъ часто ходилъ войною на великановъ, и въ странѣ ихъ прославился множествомъ подвиговъ, но сила его не разъ была побѣждаема хитростью враговъ.

Важнымъ богомъ былъ также Фрей: въ его власти погода и солнечное сіяніе, почему онъ и считается богомъ плодородія. Символъ его находили въ солнцѣ, когда оно послѣ зимняго поворота начинаетъ какъ-бы новый путь и приноситъ землѣ возрожденіе. Оттого праздники зимняго солнцестоянія и были посвящены Фрею. Время ихъ называлось: *юль* (jul), и такъ какъ впослѣдствіи Рождество Христово стало праздноваться около той же эпохи, то это языческое имя въ Скандинавіи перешло на святки, которыя тамъ и понынѣ называются jul.

VII.

Бальдеръ, богъ добра и свѣта. — Погибель его отъ боговъ зла и мрака. — Вдова Бальдера. — Празднества въ честь его. — Храмъ Бальдера.

Самое замѣчательное и вмѣстѣ свѣтлое явленіе въ скандинавской миѳологіи есть богъ Бальдеръ. Онъ исполненъ любви и кротости. Трудно объяснить, какимъ образомъ въ мысляхъ народа суроваго могло возникнуть понятіе о такомъ идеалѣ благости. Все преданіе о Бальдерѣ дышитъ поэзіей.

Онъ — богъ добра и свѣта, видимый въ лучезарномъ солнцѣ, и столь же прекрасный тѣломъ, какъ и духомъ. Цвѣтъ лица его нѣженъ, волосы свѣтлы и покрыты блескомъ, весь онъ какъ-будто облитъ сіяніемъ. Пока онъ живъ между богами, имъ неопасны козни великановъ, но его утрата рѣшитъ ихъ гибель. Вотъ отчего всѣ боги впадаютъ въ уныніе, когда его начинаютъ тревожить зловѣщіе сны. Самъ Одинъ, отецъ его, ѣдетъ на своемъ осьминогомъ конѣ въ область Гелы или смерти узнавать грядущее. Онъ будитъ отъ мертваго сна блѣдную прорицательницу или *Валу*, но слышитъ въ ея дикомъ голосѣ одни страшныя предвѣщанія. Тогда Асы, для отвращенія бѣдствія, заклинаютъ всѣ вещества не вредить тому, отъ кого зависитъ счастіе небесъ.

Но великаны не перестаютъ помышлять о погибели Бальдера. Въ числѣ ихъ есть одинъ, составляющій съ нимъ совершенную противоположность. Это Локъ, представитель зла, который подъ прекраснымъ образомъ скрываетъ глубокое коварство. Онъ всячески преслѣдуетъ и осмѣиваетъ Асовъ. У Бальдера же есть слѣпой братъ, Гедеръ (Höder) богъ мрака, въ которомъ Локъ можетъ найти себѣ помощь.

Увѣренные, что по заклятіи всего въ природѣ Бальдеръ неуязвимъ, боги предлагаютъ ему однажды игрище: онъ станетъ посреди ихъ, а они для забавы будутъ поражать его своимъ оружіемъ. Съ притворнымъ гнѣвомъ наносятъ ему удары и Одинъ, и Торъ. Но Бальдеръ остался невредимъ.

Локъ, глядя на игрище, занятъ лукавою мыслію. Къ западу отъ Валгаллы растетъ слабый отпрыскъ [1]), оставленный безъ вниманія при заклятіи природы. Провѣдавъ это, Локъ спѣшитъ сорвать забытую вѣтку и, подавъ ее слѣпому Гедеру, хитро уговариваетъ его, чтобы по примѣру другихъ боговъ и онъ поразилъ брата безвреднымъ оружіемъ. Гедеръ съ вѣтвію въ рукахъ бѣжитъ на Бальдера, и прекрасный

---

[1]) *Омела* (viscum album), чужеядное растеніе, встрѣчающееся на разныхъ деревьяхъ и всегда зеленое; оно производитъ бѣлыя ягоды, изъ которыхъ получается птичій клей, отчего и самое растеніе иногда называется птичьимъ клеемъ.

богъ, пронзенный роковымъ растеніемъ, падаетъ къ ногамъ обманутаго брата. Тѣнь жертвы переходитъ во владѣніе *Гелы*.

Смерть Бальдера повергаетъ боговъ въ отчаяніе: они рѣшаются просить Гелу о возвращеніи его небу. Богиня смерти обѣщаетъ это только подъ тѣмъ условіемъ, если всѣ существа, безъ исключенія, станутъ оплакивать Бальдера. И все зарыдало, кромѣ одной старой женщины, въ которой узнали преобразившагося Лока. Итакъ любимецъ вселенной долженъ былъ остаться во власти смерти: паденіе Асовъ было неизбѣжно.

У Бальдера была страстно любившая его супруга *Нанна*. Когда тѣло его предали сожженію, она не могла перенести своего горя; у ней, по словамъ преданія, разорвалось сердце, и одинъ костеръ принялъ останки обоихъ супруговъ.

Бальдеру, какъ богу свѣта, были посвящены пиршества лѣтняго солнцестоянія. Въ это время въ храмѣ, при богослуженіи, зажигаемъ былъ костеръ, какъ символъ сгарающаго бога. Въ цѣломъ миѳѣ о Бальдерѣ, жертвѣ злобы Лока и слѣпоты Гедера, нельзя не видѣть олицетворенія солнца или дня, умирающаго въ пламени заката, будто на кострѣ жертвою сумерокъ и ночи. Въ „Фритіофѣ“ Бальдеръ является главнымъ, по участію въ событіяхъ, божествомъ. Храмъ, находящійся въ области Согнъ, посвященъ ему и украшенъ его истуканомъ. Этотъ храмъ, по свидѣтельству сагъ, принадлежалъ къ числу великолѣпнѣйшихъ: онъ былъ обведенъ широкою оградой и состоялъ изъ многихъ богато построенныхъ зданій.

VIII.

Богъ пѣсенъ. — Богъ морей.—Богиня красоты. — Богиня рока. — Погибель и возрожденіе міра.—Баснословныя существа на землѣ.—Волхвы и вѣщуньи.—Чародѣйство.

Богомъ пѣснопѣнія, богомъ-скальдомъ былъ *Брагъ*, мудрый и краснорѣчивый старецъ съ длинною снѣжнобѣлой бородой и златострунною арфой; языкъ его покрытъ таинственными рунами. Источникъ мудрости служитъ и источникомъ поэзіи. Не глубокая ли мысль заключается въ этомъ понятіи? Но вотъ другая, не менѣе разительная: супруга Брага, *Идуна*, есть богиня юности. Она хранитъ золотыя яблоки, которыми обновляетъ юность боговъ и особенно своего супруга.

Моремъ владѣетъ *Эгиръ* съ своею супругой, коварною *Раной*, въ которой собственно олицетворена обманчивая бездна морская. Волны почитаются морскими дѣвами, дочерьми Эгира.

Любовь и красота олицетворены также особою богиней: это главная изъ всѣхъ небесныхъ женъ, *Фрея*, которой не должно смѣшивать съ *Фреемъ*, богомъ плодородія: онъ братъ ея. Фрея живетъ въ обшир-

номъ и прекрасномъ чертогѣ, куда поступаетъ половина убитыхъ на полѣ брани. Она въ замужествѣ съ богомъ *Одеромъ* и такъ любитъ его, что однажды, когда онъ не возвращался изъ дальняго странствованія, она приняла образъ сокола и долго летала за нимъ изъ края въ край.

Изъ богинь замѣтимъ еще прекрасную, стыдливую *Герду*, супругу бога Фрея, и *Сагу*, богиню исторіи, которая, сидя въ своемъ чертогѣ, разсказываетъ Одину судьбы народовъ.

Въ племени великановъ (*Іотовъ*), кромѣ Лока, особенно важны три дѣвы-щитоносицы, три сестры, *Норны*. Въ началѣ вѣковъ были у Асовъ залогомъ ихъ благоденствія золотыя скрижали съ таинственными начертаніями. Но впослѣдствіи онѣ утратились и ими овладѣли Норны. Эти дѣвы перенесли начертанія скрижалей на свои щиты и такимъ образомъ стали богинями судьбы, страшными для самихъ Асовъ. У каждой особое имя, взятое отъ прошедшаго, настоящаго и будущаго. Онѣ живутъ въ богатомъ чертогѣ надъ источникомъ *Урдой*, который орошаетъ одинъ изъ корней древа временъ. Впрочемъ, есть еще Норны низшаго разряда, и число ихъ неограниченно: всякій новорожденный поступаетъ въ вѣдѣніе одной изъ нихъ, и, смотря по жребію, какой ему достается, находитъ въ ней добрую или злую Норну.

Съ погибелью Бальдера началось торжество зла: могущество боговъ поколебалось, въ небѣ и на землѣ вспыхнула война, утвердилось насиліе, и хотя боги успѣли схватить и оковать своего ненавистника Лока, ничто ужъ не можетъ отвратить ихъ паденія.

Предтечею страшной годины, называемой *сумерками боговъ* (Ragnarök), будетъ трехлѣтняя зима съ кровопролитными войнами; тогда сынъ возстанетъ на отца и братъ на брата; то будетъ вѣкъ сѣкиръ, мечей, бурь и волковъ. Наконецъ запоютъ вмѣстѣ три пѣтуха вселенной; въ Валгаллѣ пѣтухъ съ золотымъ гребнемъ, на землѣ огненно-красный, въ преисподней блѣдный пѣтухъ. Этотъ крикъ будетъ вѣстію всеобщаго разрушенія: земля заколеблется и море выступитъ изъ береговъ своихъ. Грозная рать огней поплыветъ на кораблѣ, построенномъ изъ ногтей мертвецовъ. Предводителемъ ея будетъ Черный Великанъ (Surtur), одѣтый въ пламя, вооруженный мечемъ, ярче солнца сверкающимъ. Вдругъ разорвется небо, мостъ его сокрушится подъ тяжестью враговъ, чуткій стражъ Валгаллы затрубитъ въ свой рогъ и звуками его потрясетъ вселенную. Тогда Одинъ ополчится со всѣми богами и героями, и на неизмѣримой долинѣ, окружающей Валгаллу, грянетъ рѣшительный бой. Асы погибнутъ, свѣтила небесныя померкнутъ, море поглотитъ землю. Но вскорѣ міръ возродится прекраснѣе прежняго. Падшихъ суровыхъ боговъ замѣнитъ воскреснувшій Бальдеръ съ братомъ своимъ; они найдутъ золотыя скрижали, нѣкогда утраченныя Асами, и на обновленной землѣ утвердится вѣчное царство мира и правосудія.

*

Не только небо, но и разныя части видимаго міра воображеніе скандинавовъ населило баснословными существами. Въ глубинѣ водъ, во мракѣ пещеръ и лѣсовъ живутъ *троллы*, — духи, враждебные человѣку, принимающіе разные чудовищные образы и называемые также великанами. Подъ вымысломъ великановъ, какъ небесныхъ, такъ и земныхъ, скрывается, вѣроятно, воспоминаніе о тѣхъ рослыхъ и упорно защищавшихся людяхъ особаго племени, которыхъ предки норманновъ нашли въ Скандинавіи при ея завоеваніи. Въ нѣдрахъ земли, во внутренности горъ водятся *карлы*, существа безобразныя, хитрыя, но чрезвычайно искусныя въ разработкѣ металловъ и приготовленіи изъ нихъ утонченныхъ издѣлій. Въ воздухѣ, при свѣтѣ луны, особливо на берегахъ рѣкъ и въ рощахъ, являются маленькіе, крылатые *альфы* или *эльфы*, прелестные жители одного изъ небесныхъ чертоговъ, свѣтлое, воздушное племя.

У скандинавовъ, какъ и у другихъ народовъ, суевѣріе породило волхвовъ и предвѣщательницъ (послѣднія назывались Валами), съ которыми совѣтовались въ затруднительныхъ случаяхъ. Большимъ уваженіемъ пользовались также колдуны и колдуньи, обладавшіе чарами разнаго рода. Множеству знаковъ приписывалось таинственное вліяніе: такъ изображеніе дракона считалось надежнѣйшимъ стражемъ лежавшихъ подъ нимъ сокровищъ. Таково было вообще понятіе о змѣяхъ въ древности; вотъ откуда старинное повѣрье многихъ народовъ о драконахъ, покоящихся на кучахъ золота.

IX.

Эдда, собраніе древнихъ пѣсенъ. — Саги. — Исландскій языкъ. — Затѣйливыя выраженія.

Боги и вообще горній міръ были однимъ изъ главныхъ предметовъ поэзіи скандинавовъ. Пѣсни скальдовъ о богахъ и герояхъ, да еще разсказы о приключеніяхъ и подвигахъ славныхъ мужей составляли всю словесность древняго Сѣвера; но высшей степени своего развитія достигла она не въ самой Скандинавіи, а на островѣ Исландіи, открытомъ и заселенномъ въ исходѣ IX-го столѣтія норвежцами, недовольными новымъ порядкомъ вещей въ своемъ отечествѣ.

Древнѣйшій памятникъ исландской словесности — довольно большой сборникъ старинныхъ пѣсенъ, частію миѳологическаго, частію героическаго содержанія. Сборникъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ поэтической *Эдды* [1]), — *поэтической*, потому что есть еще другая

[1]) Эдда, по мнѣнію однихъ, значитъ прабабушка, а по мнѣнію другихъ, — стихотворство. Поэтическая Эдда называется Семундовою, по имени ея собирателя, жившаго въ XI-мъ и въ началѣ XII-го вѣка.

Эдда, излагающая въ прозѣ скандинавскую миѳологію и составленная гораздо позднѣе ученымъ Снорре Стурлесономъ. Изъ многочисленныхъ пѣсенъ, составляющихъ старую Эдду, назову только двѣ, какъ главныя и притомъ упоминаемыя въ „Фритіофѣ". Одна—*Видѣніе Вáлы* (Völu spa), краеугольный камень скандинавской миѳологіи. Эта пѣснь носитъ на себѣ несомнѣнные признаки глубокой древности. Здѣсь мудрая Вала, въ пророческомъ восторгѣ, сперва повѣдываетъ богамъ таинственное рожденіе временъ, потомъ изображаетъ невидимый міръ и наконецъ грозно предвѣщаетъ паденіе боговъ. Сила и безпорядокъ выраженій Валы придаютъ *Видѣнію* характеръ потрясающаго величія, которое еще возрастаетъ отъ часто повторяемаго провозвѣстницею вопроса: „Понимаете или нѣтъ"? Другая пѣснь Эдды есть такъ называемая *Высокая пѣснь* (Hávamàl): она содержитъ рядъ просто и кратко выраженныхъ, но глубокихъ истинъ житейской мудрости. Подразумѣвается, что самъ Одинъ провозглашаетъ ихъ предъ лицомъ человѣчества. Эта пѣснь есть драгоцѣнный для всѣхъ народовъ памятникъ первобытной философіи. Отсюда Тегнéръ искусно заимствовалъ большую часть II-й пѣсни „Фритіофа".

Столь же почтенны, какъ скальды, были у скандинавовъ разсказчики: часто и то и другое искусство соединялось въ одномъ лицѣ. Героическіе разсказы или *саги* чрезвычайно размножились и развились въ Исландіи. Благодаря латинскому письму, которое тамъ введено было въ XII-мъ вѣкѣ, до насъ дошло большое число сагъ разнаго рода и разнаго достоинства. Началомъ многихъ изъ нихъ послужило поэтическое преданіе, древняя пѣснь, которую замысловатый разсказчикъ развивалъ и украшалъ по-своему, прерывая иногда свой разсказъ, какъ-бы для подкрѣпленія его, стихами изъ этой пѣсни. Если онъ былъ скальдомъ, то вѣроятно вплеталъ въ свое повѣствованіе и свои собственные стихи. Въ самомъ дѣлѣ, почти во всѣхъ сагахъ проза смѣшана съ стихотворными отрывками. Скандинавскій языкъ, сперва называвшійся *дáнскимъ* и *норрéнскимъ,* а потомъ *исландскимъ*, и до сихъ поръ еще употребляемый въ Исландіи, богатъ и самобытенъ; но скальды не всегда умѣли пользоваться имъ какъ должно, и, особливо въ позднѣйшую эпоху, искажали пѣсни свои безобразною изысканностію въ выраженіяхъ или, вѣрнѣе, въ названіи предметовъ. Они ничего не хотѣли называть настоящимъ именемъ и безпрестанно придумывали фигуры. Многіе такіе обороты были однакожъ удачны и предпочтительно употреблялись всѣми поэтами. Для означенія золота существовала тьма синонимовъ; между прочимъ оно называлось то змѣинымъ родомъ (см. выше), то дневнымъ сіяніемъ карловъ, оттого что карлы живутъ въ нѣдрахъ горъ, и сіяніе золота какъ-бы замѣняетъ имъ лучи солнечные. Вмѣсто: *мечъ* встрѣчается нерѣдко: ненавистникъ брони. Привожу эти выраженія потому, что ими и Тегнéръ воспользовался въ своей поэмѣ.

X.

Сага Фритіофа. — Когда онъ жилъ? — Имя его. — Тегнéръ. — Литература поэмы „Фритіофъ“. — Отчетъ русскаго переводчика.

Каждая изъ сагъ носитъ имя своего героя. *Сага Фритіофа Смѣлаго* (Fridthjófs Saga ens froekna) окончательно образовалась, какъ полагаютъ, въ концѣ XIII-го или въ началѣ XIV-го столѣтія; но нѣтъ сомнѣнія, что въ основаніи ея заключается одно изъ древнѣйшихъ, какъ и изъ самыхъ народныхъ преданій сѣвера. Уже одни стихи, которыми и въ ней перемѣшанъ разсказъ, свидѣтельствуютъ о ея раннемъ происхожденіи. Время жизни Фритіофа въ точности неизвѣстно, но по достовѣрнѣйшимъ изслѣдованіямъ можно отнести ее къ VIII-му вѣку. Имя его состоитъ изъ двухъ исландскихъ словъ (Frid и Thiofr) и въ переводѣ значитъ *воръ мира*. Оно въ подлинникѣ содержитъ въ себѣ только два слога, отчего правописаніе его по-русски довольно затруднительно. Его должно произносить такъ, какъ еслибъ было написано: *Фритьёфъ*. Ясно, что писать: *Фритіофъ*, какъ прежде у насъ дѣлалось, совершенно ошибочно.

На *сагѣ Фритіофа*, и въ Даніи и въ Швеціи, уже не разъ старались основать художественныя произведенія; но Тегнéръ, создавъ изъ нея поэму, заставилъ забыть всѣ прочія попытки въ томъ же родѣ. Чтó ему подало мысль разработать исландскую сагу, кáкъ онъ ею воспользовался и какимъ правиламъ слѣдовалъ въ своемъ трудѣ, — все это можно видѣть изъ собственныхъ его словъ въ письмѣ, которое ниже прилагается въ переводѣ. Его поэма, въ подлинникѣ озаглавленная, какъ и источникъ ея, *сагою Фритіофа* (Frithiof's saga), въ первый разъ была вполнѣ напечатана въ Стокгольмѣ въ 1825 году. Успѣхъ ея въ самой Швеціи лучше всего доказывается тѣмъ, что она тамъ, въ продолженіе первыхъ 15-ти лѣтъ послѣ своего появленія, была издана шесть разъ, каждый разъ въ числѣ 2—3 тысячъ экземпляровъ. Но еще поразительнѣе необыкновенное счастіе, которое досталось ей на долю въ остальной Европѣ и какого, конечно, ни одно произведеніе сѣверной литературы въ такой степени не испытывало. Нѣмцы, датчане, англичане, французы имѣютъ по нѣсколько переводовъ ея, изъ которыхъ иные издавались уже по два, по три и болѣе разъ. Есть также исландскій, польскій, голландскій, финскій и мадьярскій переводы „Фритіофа“. Сверхъ того, въ европейскихъ журналахъ разсѣяны отрывки, въ разное время изъ него переведенные. Почти всѣ пѣсни этой поэмы положены на музыку; многія послужили предметами для живописи и литографіи. Переводами Фритіофа богата особенно нѣмецкая литература. Первый и, по мнѣнію многихъ, лучшій нѣмецкій переводъ ея, начатый еще въ то время, когда изъ

„Фритіофа“ въ самой Швеціи были извѣстны только немногія пѣсни принадлежитъ дамѣ, Амаліи Гельвигъ, рожденной Имгофъ. Замѣчательно, какъ Гёте, въ то время издававшій критическій журналъ, привѣтствовалъ начало этого труда своей соотечественницы: „Не считаемъ нужнымъ въ подробности объяснять нашимъ знающимъ сѣверъ читателямъ, какъ превосходны эти пѣсни. Желаемъ, чтобы сочинитель какъ можно скорѣе окончилъ свою поэму, а почтенная переводчица съ любовью продолжала трудъ свой: тогда мы получимъ весь этотъ морской эпосъ въ одинаковомъ духѣ и тонѣ. Прибавимъ только, что здѣсь древняя, могучая, исполински-дикая поэзія, по неизъяснимому превращенію, очаровательно является намъ въ новомъ, мечтательно-нѣжномъ и однакожъ вовсе не искаженномъ видѣ“. (См. Göthes Werke, 46-r Band).

Въ русскомъ переводѣ я старался воспроизвести поэму Тегнéра съ возможною точностью, тщательно сохраняя не только каждую мысль, но и каждую черту въ полной обстановкѣ мѣстныхъ красокъ. — Съ собственными именами и вообще непереводимыми словами скандинавскими обращался я осмотрительно и сохранялъ ихъ настоящее удареніе, измѣняя только окончаніе ихъ, когда оно противно русскому уху. Имена: *Локе*, *Браге*, *бонде*, напримѣръ, являются у меня въ формѣ: Локъ, Брагъ, бондъ, подобно тому, какъ мы поступаемъ, напримѣръ, съ римскими именами, и говоримъ: *Цицеронъ*, *Венера*, *патрицій* — вмѣсто: *Цицеро*, *Венусъ*, *патриціусъ*. Что касается до внѣшней формы „Фритіофа“, то и ее старался я удержать безъ измѣненій: каждая пѣснь переведена у меня тѣмъ же размѣромъ, какимъ написана въ подлинникѣ. Два-три отступленія отъ принятаго однажды числа стопъ допущено самимъ Тегнéромъ, и я не счелъ нужнымъ быть въ этихъ немногихъ случаяхъ строже его. Нѣкоторые изъ употребленныхъ мною, по его примѣру, метровъ могутъ показаться новыми; но внимательный читатель легко откроетъ въ ихъ составѣ общепринятое у насъ построеніе стиха. Я тѣмъ менѣе усомнился удержать ихъ въ переводѣ, что попытка моя была одобрена тонкимъ слухомъ Жуковскаго, который читалъ мой переводъ въ рукописи. Послѣдняя пѣснь написана размѣромъ древнихъ трагедій греческихъ, — *сенаріемъ*, т. е. шестистопнымъ ямбомъ мужского окончанія, безъ риѳмы и безъ постоянной цезуры [1]).

[1]) Въ I изданіи перевода „Фритіофа“ переводчикъ, обращаясь къ А. О. Ишимовой, которой онъ и посвятилъ свое предисловіе съ предварительными свѣдѣніями (въ видѣ „Писемъ“), распространился въ этой главѣ нѣсколько подробнѣе о своемъ переводѣ и особенно о томъ, что его побудило за него приняться. Считаемъ долгомъ привести здѣсь эти объяснительныя его строки, невошедшія во II-ое изданіе. —*Ред.*

„Наконецъ, М—ая Г—ня, посылаю вамъ переводъ мой, и теперь позволю себѣ сказать нѣсколько словъ собственно о немъ. Первымъ поводомъ къ его началу былъ

Очеркъ біографіи Тегнера.

Исаія Тегнéръ родился ²/₁₃ ноября 1782 года. Отецъ его, бывшій пасторомъ въ Смоландіи (въ южной Швеціи), вышелъ изъ крестьянскаго сословія; онъ умеръ уже въ 1792 году, оставивъ нѣсколько человѣкъ дѣтей. Мать, овдовѣвъ, поселилась въ тихомъ уголкѣ Вермландіи; но даровитый Исаія вскорѣ оставилъ родительскій домъ, получивъ мѣсто писца у коронна́го фохта Брантинга, пріятеля отца его. Тогда уже въ немъ развилась страсть къ чтенію; особенно нравились ему разсказы о подвигахъ скандинавскихъ героевъ; иногда онъ самъ пробовалъ описывать дѣла ихъ, но чаще воспѣвалъ въ стихахъ маленькія мѣстныя событія.

Къ счастію, Брантингъ умѣлъ оцѣнить дарованія и любознательность мальчика. Разъ, когда они въ звѣздную ночь вмѣстѣ ѣхали

маловажный случай. Въ 1837-мъ году посѣщалъ я гимнастическую залу покойнаго Паули въ Петербургѣ и тамъ услышалъ въ первый разъ шведскіе звуки. Во мнѣ родилось любопытство узнать этотъ языкъ, и я началъ изучать его съ „Фритіофомъ“ въ рукахъ. Совершенно новый міръ, который открылся мнѣ въ поэмѣ *Тегнѐра*, очаровалъ меня. О переводѣ всей поэмы я еще не смѣлъ думать, и хотѣлъ передать на русскій языкъ только нѣкоторыя пѣсни, связавъ ихъ объясненіями въ прозѣ. Но мало-по-малу предпріятіе такъ завлекло меня, что я поставилъ себѣ цѣлію перевести всего „Фритіофа“. Тутъ предстоялъ мнѣ собственно троякій трудъ; мнѣ надлежало: сперва, вполнѣ овладѣть шведскимъ языкомъ,—въ этомъ помогло мнѣ сосѣдство Финляндіи; потомъ, изучить скандинавскую древность, которой я почти вовсе не зналъ,—это было мнѣ облегчено постепеннымъ сближеніемъ съ шведскою литературой, и наконецъ, разрѣшить переводомъ главную мою задачу,—для этого требовалось постоянство и терпѣніе. Долго однакожъ работа моя была прерываема занятіями совершенно другого рода, а трудности, которыя неопытное перо безпрестанно встрѣчало въ возсозданіи красотъ подлинника, еще болѣе замедляли ее. Такъ росъ переводъ мой три года, то отдыхая по цѣлымъ мѣсяцамъ, то переходя изъ одного образа въ другой: нѣкоторыя пѣсни передѣлывалъ я по нѣскольку разъ, пока наконецъ приближался къ тому, чего хотѣлъ. Между тѣмъ тетради моей суждено было напитаться воздухомъ самой Скандинавіи. Въ 1838-мъ году *В. А. Жуковскій*, отъѣзжая за границу въ свитѣ Его Высочества Государя Наслѣдника и предполагая увидѣть въ Швеціи *Тегнѐра*, изъявилъ лестное для меня желаніе взять съ собою еще не конченный въ то время переводъ мой, чтобы черезъ него уже предварительно ознакомиться сколько-нибудь съ славнымъ пѣвцомъ *Фритіофа*. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, рукопись возвратилась изъ Венеціи при письмѣ къ *П. А. Плетневу*, гдѣ Василій Андреевичъ, ободряя меня къ продолженію труда, совѣтовалъ однакожъ „не выпускать его изъ рукъ, пока“ моя „поэтическая совѣсть не будетъ совершенно въ ладу сама съ собою“.

Я старался исполнить совѣтъ: послѣ того многое въ переводѣ было передѣлано, и вотъ онъ передъ вами таковъ, какимъ только, по всей „поэтической совѣсти“, могъ я его сдѣлать. Трудностей, съ которыми долженъ былъ бороться, исчислять не стану: вамъ до нихъ нѣтъ нужды. Во всякомъ художественномъ произведеніи любитель хочетъ видѣть только *побѣду*, а отъ *борьбы* не должно быть замѣтно и слѣда“.

домой, между ними завязался разговоръ о небесныхъ тѣлахъ, и 14-тилѣтній Тегнéръ удивилъ собесѣдника своими познаніями. Рѣшено было послать его учиться, и онъ былъ отправленъ къ старшему брату своему, который жилъ наставникомъ въ частномъ домѣ. Исаія съ жаромъ принялся за ученье и, благодаря своимъ способностямъ, легко вознаградилъ потерянное время.

Когда черезъ два года братъ его перешелъ въ другое семейство, молодому Исаіи пришлось также послѣдовать за нимъ. Въ заводчикѣ, горномъ совѣтникѣ Мюрманѣ (Myhrman), нашелъ онъ необыкновенно предпріимчиваго и вмѣстѣ ученаго человѣка съ благороднымъ и твердымъ характеромъ. Особенно порадовали Тегнéра въ этомъ домѣ книжные шкапы, наполненные греческими, римскими, французскими и англійскими писателями; изъ нѣмцевъ не было ни одного, такъ какъ въ то время германская литература почти вовсе не была еще извѣстна въ Швеціи. До тѣхъ поръ, изъ иностранныхъ поэтовъ одинъ Оссіанъ производилъ на Тегнéра сильное впечатлѣніе; теперь онъ узналъ Гомера, съ которымъ ознакомиться стоило ему тѣмъ болѣе труда, что онъ былъ совершенно не приготовленъ къ тому и не имѣлъ нужныхъ пособій. Тѣмъ не менѣе онъ тогда же прочелъ по нѣскольку разъ Иліаду и Одиссею, а между тѣмъ занимался также чтеніемъ Виргилія, Горація и Овидія. Нѣмецкому языку, за недостаткомъ книгъ, онъ выучился по однимъ учебникамъ; англійскимъ овладѣлъ онъ также, благодаря Оссіану, безъ помощи учителя.

Поддерживаемый Брантингомъ и Мюрманомъ, 17-тилѣтній Тегнéръ осенью 1799 г. отправился въ Лундъ для посѣщенія тамошняго университета. На пріемномъ экзаменѣ оказалось, что онъ по-гречески и по-латыни зналъ болѣе, нежели сколько требовалось для экзамена на званіе кандидата. Первоначально онъ, какъ бѣдный молодой человѣкъ, хотѣлъ въ университетѣ приготовить себя только къ низшей гражданской службѣ; но ему вздумалось представить образчикъ своихъ свѣдѣній въ древнихъ языкахъ, и онъ написалъ по-латыни разсужденіе объ Анакреонѣ (Vita Anacreontis). Съ этимъ опытомъ явился онъ къ знаменитому профессору Норбергу, который, занимая каѳедру восточныхъ языковъ, преподавалъ въ то же время и греческую литературу. Норбергъ посовѣтовалъ ему оставить слишкомъ легкій первоначальный планъ ученія и готовиться къ экзамену на степень магистра. Это рѣшило судьбу Тегнéра. Въ продолженіе двухъ семестровъ онъ занимался неутомимо, большею частью дома, отъ 18-ти до 20-ти часовъ въ сутки; принимая рѣдко участіе въ веселой студенческой жизни, онъ прослылъ нелюдимымъ и чудакомъ. Чтобъ не быть долѣе въ тягость своимъ благодѣтелямъ, онъ весною 1800 года взялъ мѣсто наставника у барона Лейонгувуда въ Смоландіи, гдѣ продолжалъ ту же тихую, трудолюбивую жизнь. Пробывъ въ деревнѣ все лѣто, онъ, по

возвращеніи въ Лундъ, получилъ при университетской библіотекѣ должность помощника библіотекаря, что̀ было необыкновеннымъ отличіемъ для 18-тилѣтняго студента, еще не имѣвшаго ученой степени.

Для достиженія ея онъ сталъ съ новымъ усердіемъ заниматься науками, между прочимъ и философіей, которую изучалъ въ Разговорахъ Платона, въ сочиненіяхъ Канта и Фихте. Изъ собственныхъ словъ его извѣстно, что онъ вовсе не чувствовалъ склонности къ отвлеченнымъ умозрѣніямъ и что на него наводили скуку длинныя систематическія разсужденія, не представлявшія пищи для фантазіи. Его университетскія диссертаціи доказываютъ однакожъ, что онъ легко и ясно понималъ философскіе вопросы.

Получивъ на кандидатскомъ экзаменѣ почти отъ всѣхъ профессоровъ высшую отмѣтку (laudatur), Тегнéръ былъ *примусомъ* на промоціи въ магистры, не смотря на случившееся передъ тѣмъ обстоятельство, которое едва не удалило его изъ университета: это было невольное участіе въ студенческой шалости (Pereat ректору). Къ счастію, однакожъ, за него вступились многіе изъ профессоровъ, и дѣло осталось безъ послѣдствій. Получивъ свой лавровый вѣнокъ [1]), новый магистръ отправился въ Вермландію къ роднымъ.

Лундскій университетъ поспѣшилъ залучить бывшаго своего питомца въ ряды своихъ преподавателей. Изданная имъ диссертація о *Езоповой баснѣ* доставила ему въ началѣ 1803 года званіе доцента эстетики, а вскорѣ потомъ онъ за другое разсужденіе получилъ кандидатуру на должность адъюнкта, въ которую и вступилъ 1805 года по каѳедрѣ эстетики. Не смотря на незначительное жалованье, присвоенное этой должности, онъ въ слѣдующемъ году женился на дочери своего благодѣтеля Мюрмана; они давно любили другъ друга и втайнѣ вырѣзывали свои имена рядомъ на деревьяхъ.

Передъ этимъ любовь каждое лѣто влекла молодого поэта въ Вермландію. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ Тегнéръ познакомился съ извѣстнымъ впослѣдствіи шведскимъ историкомъ Гейеромъ, который жилъ у своего отца въ той же провинціи. Онъ былъ въ то время еще только студентомъ Упсальскаго университета, но уже заслужилъ отъ Шведской академіи награду за похвальное слово Стенъ-Стуру. Оба впослѣдствіи разсказывали о впечатлѣніи, произведенномъ на каждаго этою встрѣчей; оба цѣнили и уважали другъ друга, но, при рѣзкой противоположности во взглядахъ того и другого, не могли сойтись. „Уже тогда, говоритъ Тегнéръ, обнаружилось въ нашихъ понятіяхъ о жизни и литературѣ то несходство, которое съ лѣтами болѣе и

[1]) Это относится къ торжественнымъ обрядамъ университетскихъ *промоцій*, оставшимся отъ среднихъ вѣковъ и до сихъ поръ соблюдаемымъ въ Швеціи и въ Финляндіи.

болѣе выказывалось. Наша бесѣда была непрерывнымъ споромъ, однакожъ безъ всякой горечи и вражды". Они никогда не могли вполнѣ понимать другъ друга.

Въ Лундѣ былъ другой человѣкъ, съ которымъ отношенія нашего поэта стали не совсѣмъ дружественныя, именно Лингъ, нашедшій въ немъ опаснаго соперника, знаменитый сколько своимъ поэтическимъ даромъ, столько и тѣмъ, что въ основанномъ имъ гимнастическомъ заведеніи онъ создалъ новую отрасль врачебной науки. Для поэзіи Лингъ и Тегнéръ, вмѣстѣ съ Гейеромъ, сдѣлали въ Швеціи то же, что Эленшлегеръ и Грундтвигъ въ Даніи: они пробудили въ литературѣ новую жизнь, воспользовавшись скандинавскими сагами и миѳологіей. Но Лингъ, подобно Грундтвигу, воскрешая передъ современниками древній героическій вѣкъ сѣвера, болѣе сохранялъ въ немъ первобытный характеръ дикой силы и грознаго величія. Зато Тегнéръ, такъ же, какъ Эленшлегеръ, передавая образы старины въ прекраснѣйшемъ и болѣе идеальномъ свѣтѣ, умѣлъ сильнѣе привлечь къ нимъ всеобщее вниманіе. Еще до того времени, когда труды Линга и Тегнéра сдѣлались извѣстны, между ими обоими не было настоящаго согласія. Довольно странно, что поэтъ-фехтмейстеръ, который обнажалъ грудь свою для принятія ударовъ не рапиры, а острой шпаги, былъ въ душѣ чрезвычайно раздражителенъ и обидчивъ. Впрочемъ, при благородствѣ и чистосердечіи обоихъ, вспышки между ними не могли вести къ серіозному раздору.

Женитьба пересоздала Тегнера. Не имѣя болѣе надобности предаваться усиленнымъ трудамъ для обезпеченія своей будущности, онъ сдѣлался самымъ веселымъ собесѣдникомъ, котораго желали видѣть во всѣхъ обществахъ; его игривое, непринужденное остроуміе было неистощимо, шутки его и неожиданныя выходки разносились по всему краю. Эта перемѣна въ Тегнéрѣ подѣйствовала и на его поэзію, которая сдѣлалась свободнѣе, разнообразнѣе и живѣе. Къ 1808 году относится первое стихотвореніе, обратившее на него вниманіе всей Швеціи, — воинственный диѳирамбъ на ополченіе (För det skonska Landtvärnet). Тогда же онъ своими лекціями по эстетикѣ сдѣлался извѣстенъ какъ университетскій преподаватель, и въ 1810 году получилъ званіе профессора. Въ 1811 г. Шведская академія присудила ему высшую свою награду за большое стихотвореніе *Свея* (Швеція), замѣчательное не только по своему патріотическому духу, но и по необыкновенной художественной красотѣ. Публика приняла съ восторгомъ это великолѣпное поэтическое видѣніе, гдѣ баснословные образы древняго сѣвера служатъ только оболочкой современныхъ думъ, чувствъ и надеждъ.

Съ этой поры Тегнéръ впродолженіе многихъ лѣтъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе популярности новыми произведеніями, передъ блес-

комъ которыхъ всѣ другія свѣтила на поэтическомъ горизонтѣ Швеціи мало-по-малу меркли. Важнѣйшими изъ его стихотворныхъ трудовъ были: *Первое причащеніе* (Nattvardsbarnen) 1820, *Аксель* (Axel) 1822 и наконецъ *Фритіофъ* (Frithiof's saga) 1825. Послѣднее произведеніе было вѣнцомъ его славы; оно читалось съ восторгомъ по всей Швеціи и имѣло въ короткое время шесть изданій, а вскорѣ стало являться и въ переводахъ на всѣ образованные языки Европы; самъ престарѣлый Гёте привѣтствовалъ эту поэму своимъ одобреніемъ, и она распространилась по обѣ стороны Атлантическаго океана.

Новое поприще для дѣятельности Тегнéра при университетѣ открылось въ 1812 году, когда греческая литература отдѣлилась отъ каѳедры восточныхъ языковъ. Послѣдняя осталась за Норбергомъ, а профессоромъ первой назначенъ былъ Тегнéръ, какъ отличнѣйшій въ Лундѣ эллинистъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, въ видѣ прибавки къ содержанію, получилъ пасторатъ, бывъ около того же времени посвященъ въ пасторы. Въ профессорской дѣятельности его замѣчательно, что онъ не только развивалъ въ своихъ слушателяхъ знаніе литературы и эстетическое чувство, но требовалъ также основательнаго изученія греческаго языка и возвелъ свою каѳедру на такую высоту, какой она прежде никогда не достигала въ Лундѣ. Но ректорства онъ никогда не хотѣлъ принять. Черезъ нѣсколько лѣтъ и Шведская академія избрала его въ свои члены. Онъ занялъ въ ней мѣсто Оксенштерны и при вступленіи своемъ произнесъ въ честь умершаго рѣчь, которая доказывала силу автора и въ области прозы. Въ 1818 году онъ былъ возведенъ въ Упсалѣ на степень доктора богословія.

Въ томъ же (1824) году, когда *Фритіофъ* довершилъ литературную славу Тегнéра [1]), ему въ духовномъ управленіи неожиданно ввѣрена была почетная должность: когда открылось мѣсто епископа въ Векшё (Vexiö, въ Смоландіи), духовенство единодушно избрало его первымъ кандидатомъ на эту вакансію, и онъ былъ облеченъ въ высшій духовный санъ. Всегда добросовѣстный въ исполненіи своихъ обязанностей, онъ углубился въ изученіе богословія и усердно посвящалъ свою дѣятельность управленію епархіей и учебными заведеніями, которыя въ Швеціи издавна подчинены духовному вѣдомству; сослуживцы уважали его, народъ полюбилъ своего архипастыря. Сильное дѣйствіе на молодежь и на преподавателей въ училищахъ производилъ онъ своими рѣчами, въ которыхъ, при торжественныхъ случаяхъ, съ оригинальнымъ остроуміемъ излагалъ свѣтлыя мысли по разнымъ вопросамъ, относящимся къ воспитанію и ученію. Рѣчи эти, переведенныя на нѣмецкій языкъ, пріобрѣли известность и въ другихъ

[1]) До полнаго изданія этой поэмы, изъ нея печатались въ журналахъ отдѣльныя пѣсни.

странахъ. Важная ли должность Тегнéра отвлекла его отъ поэзіи, или поколебавшееся здоровье повредило его настроенію, только послѣ изданія *Фритіофа* онъ уже рѣдко принимался за стихи и не кончилъ предпринятой поэмы: *Герда*.

Взглянемъ теперь на его положеніе въ литературѣ. Тотчасъ по полученіи академической преміи за поэму *Свея*, онъ отправился въ Стокгольмъ, сблизился съ замѣчательнѣйшими дѣятелями Шведской академіи и сдѣлался членомъ незадолго передъ тѣмъ основавшагося *Готскаго общества*, главной задачей котораго было изученіе скандинавскихъ сагъ и миѳовъ и приложеніе ихъ къ искусству.

Надобно замѣтить, что тогда въ Швеціи были еще двѣ другія литературныя школы, которыя вели между собой ожесточенную борьбу. Ветераномъ поэтовъ былъ Леопольдъ, человѣкъ даровитый, но совершенно подчинившійся вліянію французскихъ писателей. Онъ пользовался громкою славой и имѣлъ множество приверженцевъ, особенно въ академіи, когда вдругъ при Упсальскомъ университетѣ нѣсколько литераторовъ объявили войну старому направленію и составили школу, поставившую себѣ цѣлью самобытность и народность. Органомъ ея сдѣлался новый журналъ, принявшій вмѣстѣ съ красной оберткой названіе *Фосфора*, по имени котораго и послѣдователи самой школы назывались фосфористами. Въ *Свеѣ* Тегнéра слились, вѣроятно безсознательно для него самого, оба направленія. Не унижая старой словесности, онъ приготовилъ зарожденіе новой, но никогда не приставалъ къ фосфоризму. Самымъ торжественнымъ образомъ выразилъ онъ свое негодованіе противъ усилій этой школы унизить прежнихъ шведскихъ стихотворцевъ, особенно Леопольда, въ которомъ онъ видѣлъ послѣдняго представителя литературы временъ Густава III. Точка зрѣнія Тегнéра ясно видна изъ собственныхъ словъ его: „Теоріи нѣмцевъ съ господствовавшею въ ихъ поэзіи таинственностью были мнѣ противны. Переворотъ въ шведской поэзіи считалъ и я необходимымъ, но его можно и должно было произвести болѣе самостоятельнымъ образомъ. Новая школа казалась мнѣ слишкомъ отрицательною, а ея критическіе набѣги слишкомъ несправедливы. Потому я не принималъ участія въ войнѣ, за исключеніемъ развѣ кое-какихъ шутокъ, которыя позволилъ себѣ частью на письмѣ, частью на словахъ“. Поэзію фосфористовъ упрекали въ мечтательной плаксивости; они съ своей стороны хоть и уважали недавно пробудившуюся любовь къ отечественной старинѣ, но находили, что *готскій* духъ иногда выражается уже черезчуръ рѣзко, грубо и нахально. Между фосфористами и готами не было однакожъ настоящей полемики. Фосфористы, какъ и всѣ другіе, восхищались поэмами Тегнéра и преклонялись передъ новымъ свѣтиломъ. Впослѣдствіи установилась личная пріязнь между нимъ и упсальскими литераторами, и эта связь съ каждымъ

годомъ укрѣплялась по мѣрѣ того, какъ Тегнéръ сближался съ ними во взглядахъ на политику, воспитаніе и другіе предметы. Между тѣмъ и съ другой стороны положеніе дѣлъ измѣнилось: въ Шведской академіи старые члены уступили мѣсто болѣе юнымъ подвижникамъ съ большею широтою во взглядахъ и терпимостью въ правилахъ; причины несогласія между обѣими школами мало-по-малу исчезли.

Съ 1833 года здоровье Тегнéра стало колебаться. Послѣ того онъ ѣздилъ нѣсколько разъ къ минеральнымъ водамъ, то заграничнымъ, то шведскимъ, но безъ пользы. Въ 1840 году, во время собранія государственныхъ чиновъ, въ числѣ которыхъ онъ и самъ находился, почувствовалъ онъ припадки меланхоліи, обратившейся потомъ въ кратковременное помѣшательство; посѣтивъ лѣчебное заведеніе въ Шлезвигѣ, онъ возвратился исцѣленнымъ, такъ что могъ опять вступить въ должность. Но неоднократные нервическіе удары сокрушили его силы и погасили то внутреннее пламя, которое само по себѣ конечно много способствовало къ разрушенію тѣлесной оболочки этого мощнаго духа. Провидѣніе однакожъ послало ему счастіе пользоваться въ послѣдніе годы жизни спокойствіемъ и самосознаніемъ. Онъ умеръ въ ночь на 2-е ноября 1846 г., во время сѣвернаго сіянія.

Единственная дочь Тегнéра была замужемъ за профессоромъ Упсальскаго университета Бёттигеромъ, извѣстнымъ писателемъ и отчасти поэтомъ. Она умерла нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Письмо Тегнера о его «Фритіофссагѣ».

Въ то время, когда я писалъ „Фритіофссагу", шведскіе литераторы — для примѣра довольно назвать одного Леопольда — были увѣрены, что такъ называемая готическая поэзія, какой бы талантъ ни взялся за нее, ошибочна въ самомъ началѣ своемъ. Утверждали, что она основывается на нравахъ и понятіяхъ столь грубыхъ и на общественномъ порядкѣ столь несовершенномъ, что съ ними невозможно согласить поэзію настоящаго времени. Послѣднюю считали по справедливости дочерью новѣйшаго просвѣщенія, въ которой нашъ вѣкъ узнаетъ свои собственныя черты, но только украшенными, идеализированными. И точно, всякая поэзія должна выражать духъ своей эпохи и степень ея образованности; однакожъ, есть общія отношенія и страсти человѣческія, которыя во всѣ времена должны оставаться неизмѣнными и могутъ быть названы основнымъ капиталомъ поэзіи. Еще Лингъ [1]), хотя не всегда съ одинакимъ успѣхомъ, пользовался сѣвер-

[1]) Шведскій поэтъ, умершій въ 1839 г.

ными преданіями, по большей части для драмъ. Было замѣчено, что въ высокомъ дарованіи его лирическое настроеніе преобладаетъ надъ драматическимъ и что онъ внѣшнюю природу лучше изображаетъ, нежели внутреннюю со всѣми ея оттѣнками. Что тѣмъ не менѣе сѣверная сага *можетъ* быть удачно облекаема даже въ драматическую форму, — доказываютъ трагедіи Эленшлегера, и я долженъ сознаться, что первоначальную идею „Фритіофа" подалъ мнѣ его „Гелгъ".

Цѣль моя въ этой поэмѣ состояла однакожъ не въ томъ — какъ многіе повидимому думаютъ, — чтобы переложить сагу въ стихи. Самое бѣглое сравненіе могло бы удостовѣрить всякаго, что не только развязка совершенно другая въ сагѣ и въ поэмѣ, но даже многіе отдѣлы, наприм. II, III, V, XV, XXI, XXIII, XXIV, не имѣютъ никакого, или почти никакого основанія въ сагѣ. Нѣтъ, не въ этой именно, но въ разныхъ исландскихъ сагахъ, вмѣстѣ взятыхъ, можно бы найти источникъ развитыхъ мною подробностей. Я хотѣлъ создать поэтическую картину геройской жизни древняго скандинавскаго сѣвера. Не *Фритіофа* самого по себѣ хотѣлъ я изобразить, но тотъ вѣкъ, представителемъ котораго онъ можетъ быть названъ. Въ этомъ отношеніи я конечно сохранилъ остовъ или существенное очертаніе саги, но въ то же время счелъ себя въ правѣ дополнять и сокращать ее согласно съ моею цѣлью. Это, казалось мнѣ, принадлежитъ къ той поэтической свободѣ, безъ которой въ области искусства нельзя произвести ничего самобытнаго.

Въ сагѣ встрѣчается много такого, что во всѣ времена останется величественнымъ и геройскимъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ иное отзывается въ ней невѣжествомъ, дикостью, варварствомъ: все это надлежало или совершенно устранить, или по крайней мѣрѣ смягчить. Итакъ, въ нѣкоторой степени необходимо было примѣниться къ духу новѣйшаго времени; но здѣсь предстояла большая трудность въ соблюденіи настоящей мѣры. Съ одной стороны, поэма не должна была слишкомъ оскорблять нашихъ болѣе утонченныхъ нравовъ и менѣе суровыхъ понятій; но съ другой — не слѣдовало жертвовать ничѣмъ національнымъ, животрепещущимъ, вѣрнымъ природѣ. Поэму долженъ былъ проникать холодный зимній воздухъ, свѣжій сѣверный вѣтеръ (ибо таковы и климатъ и характеръ сѣвера), но не съ такою силой, чтобы самая ртуть замерзала и всѣ нѣжнѣйшія ощущенія сердца пропадали.

Эту задачу старался я разрѣшить собственно въ развитіи характера *Фритіофа*. Безъ сомнѣнія, онъ непремѣнно долженъ былъ соединять въ себѣ благородство, величіе души, храбрость, какъ существенныя черты всякаго героизма, и элементы для того находятся какъ въ этой, такъ и во многихъ другихъ сагахъ. Но сверхъ такого общаго геройства старался я придать характеру *Фритіофа* кое-что исключительно-скандинавское: эту жизненную свѣжесть, эту отвагу, эту дер-

зость, которыя принадлежатъ или по крайней мѣрѣ нѣкогда принадлежали къ національному духу. *Ингеборга* говоритъ о *Фритіофѣ:*

Какъ веселъ онъ, какъ смѣлъ, какъ полнъ надежды!
Онъ къ сердцу Норны твердо приложилъ
Конецъ меча, и говоритъ: назадъ!

Эти строки носятъ въ себѣ ключъ къ характеру *Фритіофа* и даже къ цѣлой поэмѣ. Самъ кроткій, миролюбивый, богатый друзьями старый конунгъ Рингъ не отрицаетъ собою этой національной особенности, по крайней мѣрѣ, по избранному имъ роду смерти; не безъ причины заставилъ я его „чертиться копьемъ“, — обычай, безъ сомнѣнія, варварскій, но рѣзко обозначающій духъ времени и народа.

Другую особенность жителей сѣвера составляетъ нѣкоторое расположеніе къ унынію и задумчивости, болѣе или менѣе свойственное всякому глубокому характеру. Оно, какъ основной элегическій тонъ, проникаетъ всѣ старинныя наши національныя мелодіи и вообще все существенное въ нашихъ бытописаніяхъ, потому что мы носимъ это расположеніе въ самой глубинѣ души. Я гдѣ-то сказалъ о Бельманѣ, самомъ національномъ поэтѣ нашемъ:

Замѣтьте на лицѣ унынія черту,
Знакъ сѣверныхъ пѣвцовъ, — печаль на аломъ полѣ!

ибо это уныніе, вовсе не убивая жизненной веселости и свѣжести въ характерѣ, только придаетъ ему болѣе внутренней силы и упругости. Есть веселость (и въ этомъ общее мнѣніе укоряетъ французовъ), которая проистекаетъ изъ легкомыслія; напротивъ, веселость сѣверная основывается на степенности. Вотъ почему я старался обозначить и въ *Фритіофѣ* эту задумчивую тоску. Его раскаяніе въ неумышленномъ сожженіи храма, терзающій его страхъ мести Бальдера, который

„... въ тучахъ сидитъ и заботы мнѣ шлетъ,
и печалью мой духъ омраченъ“,

его пламенное стремленье къ окончательному примиренію и душевному покою доказываютъ не только религіозную потребность, но еще болѣе свойственную всѣмъ умамъ степеннымъ, по крайней мѣрѣ на скандинавскомъ сѣверѣ, наклонность къ унынію.

Меня упрекали (кажется, неосновательно) въ томъ, что я любви *Фритіофа* и *Ингеборги* придалъ (напр. въ „Прощаніи“) характеръ слишкомъ мечтательно-нѣжный, принадлежащій собственно нашему времени. Противъ этого я долженъ замѣтить, что племена германскія съ незапамятныхъ временъ и задолго до распространенія христіанства уважали женщину. Оттого легкомысленное, чувственное понятіе о любви, существовавшее даже у просвѣщеннѣйшихъ народовъ древ-

ности, было чуждо скандинавамъ. Преданія наполнены разсказами о самой романической любви на нашемъ сѣверѣ гораздо прежде, нежели рыцарство обратило женщину въ предметъ обожанія на югѣ. Итакъ, мнѣ кажется, что любовь *Фритіофа* и *Ингеборги* утверждается на достаточномъ историческомъ основаніи, если не въ ихъ собственномъ лицѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ нравахъ и понятіяхъ вѣка. Тонкое чувство обязанности, съ какимъ *Ингеборга* отказывается послѣдовать за своимъ возлюбленнымъ и лучше хочетъ пожертвовать страстью, нежели выйти самовольно изъ-подъ власти своего брата и опекуна, — это чувство, по моему мнѣнію, удовлетворительно объясняется свойствами женщины возвышенной, которыя во всѣ времена неизмѣнны.

Особенность, заключающаяся такимъ образомъ и въ самыхъ характерахъ, предписывала или по крайней мѣрѣ допускала отступленіе отъ обыкновеннаго эпическаго однообразія въ изложеніи. Всего удобнѣе казалось мнѣ разбить эпическую форму на непринужденные лирическіе романсы. Я видѣлъ передъ собою примѣръ Эленшлегера въ „Гелгѣ“, а впослѣдствіи нашелъ, что многіе воспользовались тѣмъ же пріемомъ. Съ нимъ соединена та выгода, что можно измѣнять размѣръ сообразно съ содержаніемъ, и я сомнѣваюсь, чтобы наприм. *Плачъ Ингеборги* (IX) можно было на какомъ бы ни было языкѣ удачно передать экзаметромъ или пятистопнымъ ямбомъ съ риѳмами или безъ риѳмъ. Знаю, что такая форма, по мнѣнію многихъ, противорѣчитъ эпическому единству, которое впрочемъ такъ легко переходитъ въ однообразіе но полагаю, что здѣсь единство съ лихвою вознаграждается просторомъ и разнообразіемъ. Только правильное употребленіе этой свободы требуетъ особеннаго старанія, ума и вкуса, потому что надобно заботиться о прiисканіи для каждаго отдѣла приличной формы, не всегда уже готовой въ языкѣ. Оттого я сдѣлалъ опытъ (съ бóльшимъ или меньшимъ успѣхомъ) ввести въ мою поэму нѣкоторые чужіе, особенно древніе размѣры. Таковы пятистопный ямбъ съ лишнимъ въ третьей стопѣ слогомъ (II), ямбъ двустопный (XIV), Аристофановы анапесты (XV), дактило-трохеическій тетраметръ (XVI) и трагическій сенарій (XXIV), которые до меня или вовсе не были извѣстны, или мало употреблялись въ шведской поэзіи.

Что касается до самаго языка, то древность содержанія побуждала меня пользоваться по временамъ архаизмами, преимущественно такими, которые, не будучи непонятны, казались мнѣ особенно выразительными, — трудъ, во всякомъ случаѣ потерянный для иностранцевъ, а иногда и для самихъ соотечественниковъ. Онъ требуетъ однакожъ большой осторожности, ибо существенною формой новѣйшаго произведенія, какъ само собою разумѣется, долженъ все-таки оставаться языкъ общеупотребительный, хотя онъ въ извѣстныхъ случаяхъ и можетъ приближаться къ устарѣлому.

Лица поэмы.

Белъ, конунгъ приморской области Согнъ въ Норвегіи.
Гелгъ,
Га́льфданъ, } сыновья и наслѣдники Бела.
Ингеборга, дочь Бела.
То́рстенъ Викингсонъ, богатый землевладѣлецъ (бондъ), братъ по оружію съ Беломъ.
Фритіофъ, сынъ Торстена.
Гильдингъ, воспитатель Фритіофа и Ингеборги.
Вьёрнъ, сынъ Гильдинга, братъ по оружію съ Фритіофомъ.
Рингъ, конунгъ близлежащей области.
Ангантиръ, ярлъ на Оркнейскихъ (нынѣ Оркадскихъ) островахъ.
Атлій, берсеркъ въ дружинѣ Ангантира.
Жрецы, воины, скальды, народъ и пр.

Событія происходятъ въ Норвегіи, въ области Согнъ (или въ Ринговой землѣ), на Оркнейскихъ островахъ и на морѣ.

1.

Фритіофъ и Ингеборга.

Въ своей долинѣ Гильдингъ честный
Дубокъ и розу воспиталъ;
Еще такой четы прелестной
Дотолѣ Сѣверъ не видалъ.

Отважно росъ дубокъ: онъ стволомъ
Подобенъ былъ копью бойца,
И будто шлемъ, висѣлъ надъ доломъ
Широкій кругъ его вѣнца.

Стыдливо роза возрастала:
Зима прошла ужъ, а весна,
Въ той розѣ скрытая, не встала
Еще изъ почки ото сна.

Но буря надъ землей помчится, —
Съ ней дубъ начнетъ борьбу тогда;
Но въ небѣ солнце загорится, —
Раскроетъ алый цвѣтъ уста.

Они втиши росли на волѣ:
То не дубокъ, — то Фритьофъ росъ,
И съ нимъ цвѣла не роза въ полѣ,
А Ингеборга, краше розъ.

Увидѣвъ днемъ питомцевъ милыхъ,
Чертогъ бы Фреи [1]) вспомнилъ ты,
Гдѣ златокудрыхъ, алокрылыхъ
Малютокъ носятся четы.

Но при лунѣ, въ сѣни древесной
Увидѣвъ пляшущихъ дѣтей,
Ты бъ думалъ: альфовъ [2]) царь прелестный
Съ подругой рѣзвится своей.

Какъ счастливъ Фритьофъ! онъ въ восторгѣ,
Что руны [3]) первыя узналъ;
Онъ ихъ толкуетъ Ингеборгѣ,
Знатнѣе конунга онъ сталъ.

Какъ любитъ онъ, поднявъ вѣтрило,
Носиться съ ней надъ бездной волнъ!
Какъ бьетъ она въ ладоши мило,
Когда онъ правитъ легкій чёлнъ!

Какъ высоко гнѣздо ни свито,
Онъ ей достать его готовъ,
И у орлицы, въ тучахъ скрытой,
Легко отнять ему птенцовъ.

И какъ ни быстръ потокъ сердитый,
Онъ радъ нести подругу въ бродъ:
Прелестной ручкою обвитый,
Смѣется Фритьофъ шуму водъ.

Ей съ поля первый цвѣтъ душистый,
Ей земляники первый пукъ,
Ей первый колосъ золотистый
Приноситъ рѣзвый, вѣрный другъ. —

Но дѣтство мчится мимо: вскорѣ
Цвѣтетъ ужъ юноша — съ мольбой,
Съ надеждой пылкою во взорѣ,
И дѣва блещетъ красотой.

Ужъ Фритьофъ ходитъ на ловитву;
Въ глуши лѣсной, не трепеща,

---

[1]) Фрея, богиня красоты.

[2]) Альфы или Эльфы — фантастическія воздушныя существа, о которыхъ упоминается и въ предыдущемъ куплетѣ.

[3]) Руны — скандинавскія буквы.

Вступаетъ онъ съ медвѣдемъ въ битву
И безъ копья, и безъ меча.

Грудь съ грудью бьются; но со славой
Смѣльчакъ, хоть раненъ, прочь идетъ;
У ногъ подруги даръ кровавый:
Она ли имъ пренебрежетъ?

Нѣтъ, женамъ мужество любезно,
И сила стоитъ красоты:
Чело бойца и шлемъ желѣзный, —
Вотъ образъ дружной ихъ четы!

Когда же въ поздній часъ зимою
Предъ очагомъ читалъ онъ стихъ
Про всѣхъ сіяющихъ красою
Богинь въ чертогахъ золотыхъ,

Онъ мыслилъ: „Свѣтлы кудри Фреи,
Какъ жатва зыбкая полей;
Чтожъ? сѣть златая вкругъ лилеи —
Вотъ кудри дѣвицы моей.

Идуны [1]) перси ярко блещутъ,
Дрожа подъ тканью шелковой;
Я знаю ткань: подъ ней трепещутъ
Два альфа съ пышной полнотой.

У Фригги [2]) очи такъ же ясны,
Какъ небо синее весной;
Я знаю очи: день прекрасный
Предъ ними будто мракъ ночной.

Ланиты Герды [3])—снѣгъ, горящій
Сіяньемъ сѣверныхъ огней;
Ланиты есть: то день, всходящій
Съ двойною утренней зарей.

Есть сердце: какъ у Нанны [4]), страстно —
Хоть и не славится — оно;
Тебѣ, о Бальдеръ, не напрасно
Похвалъ такъ много воздано!

---

[1]) Идуна — богиня юности.
[2]) Фригга — супруга Одина, главнаго бога скандинавовъ.
[3]) Герда — супруга Фрея, бога жатвы.
[4]) Нанна — супруга Бальдера, бога свѣта и добра.

О, еслибъ я, какъ ты сраженный,
Подругой могъ оплаканъ быть, —
Какъ Нанна нѣжной, неизмѣнной, —
Я былъ бы радъ у Гелы [1]) жить".

А дѣва, съ пѣснью про героя,
Безпечно ткала, — въ свой узоръ
Перенося картину боя
И волны синія и боръ.

Средь бѣлой шерсти вырастаютъ
Щиты златые, день за днемъ,
И копья красныя летаютъ,
И латы блещутъ серебромъ.

Герой же битвы непримѣтно
Все съ нимъ становится сходнѣй;
Вотъ онъ съ ковра глядитъ привѣтно:
Ей любо, но и стыдно ей.

Межъ тѣмъ въ лѣсу мечтатель юный
Врѣзаетъ всюду *И* да *Ф*;
Слились ихъ души: вотъ и руны
Растутъ, сплетясь, въ корѣ деревъ.

Стоитъ ли День на небосводѣ —
Сей златовласый царь земли —
И жизнь кипитъ въ обычномъ ходѣ,
Другъ другомъ заняты они.

Стоитъ ли Ночь на небосводѣ —
Мать темновласая земли —
И все молчитъ при звѣздномъ ходѣ,
Другъ другомъ заняты они.

„Земля! цвѣтами молодыми
Свое чело ты убрала:
Отдай мнѣ лучшіе, чтобъ ими
Я увѣнчать его могла". —

„Ты Море, перлами обило
Свой влажный, сумрачный чертогъ:
Отдай мнѣ лучшіе, чтобъ милой
Я ожерелье сдѣлать могъ". —

---

[1]) Гела — богиня смерти.

„Златое Солнце, міра око,
Звѣзда съ Одинова чела!
Будь ты моимъ, — твой кругъ широкой
Ему бы я на щитъ дала!" —

„О Мѣсяцъ, Мѣсяцъ серебристый
Свѣча Одиновыхъ палатъ!
Будь ты моимъ, — твой обликъ чистый
Я милой далъ бы на нарядъ". —

„Мой сынъ!" такъ молвилъ Гильдингъ [1]) строгій:
„Забудь любовь свою. Удѣлъ
Неравный вамъ послали боги;
Родитель дѣвы — конунгъ Белъ.

Къ звѣздамъ восходитъ родъ ихъ славный, —
Въ чертоги, гдѣ Одинъ живетъ.
О, уступи судьбинѣ: равный
Лишь съ равнымъ счастіе найдетъ".

А Фритьофъ шутитъ: „Родъ мой славный
Нисходитъ въ страны мертвецовъ:
Сраженный мною царь дубравный
Мнѣ завѣщалъ своихъ отцовъ.

Нѣтъ, вольный мужъ не уступаетъ;
Ему весь міръ въ наслѣдье данъ:
Судьба неравное равняетъ;
Вѣнцомъ надежды я вѣнчанъ.

Знатна могущества порода:
Живъ Торъ [2]) среди своихъ палатъ;
Онъ хочетъ доблести, — не рода;
Товарищъ-мечъ—вѣрнѣйшій сватъ.

Я-бъ за невѣсту, не блѣднѣя,
И противъ бога грома сталъ.
Цвѣти, цвѣти, моя лилея;
А кто разрознитъ насъ, — пропалъ!"

---

[1]) Гильдингъ, какъ воспитатель Фритіофа, считался его отцомъ по воспитанію. Оба они принадлежали къ сословію свободныхъ землевладѣльцевъ-крестьянъ.

[2]) Торъ — богъ грома и силы.

II.

Конунгъ Белъ и Торстенъ Викингсонъ.

Стоитъ въ чертогѣ конунгъ, подпертъ мечемъ;
Серебровласый Торстенъ одинъ при немъ,—
То братъ-сподвижникъ Бела, согбенъ лѣтами
И, какъ могильный камень, покрытъ рубцами.

Такъ, вѣки переживши, стоятъ въ горахъ
Два капища, готовыхъ упасть во прахъ,
Но гдѣ словами мудрыхъ покрыты своды
И въ начертаньяхъ живы былые годы.

„Къ закату", началъ конунгъ, „мой день пришелъ;
Мнѣ медъ уже не вкусенъ, мнѣ шлемъ тяжелъ.
Во взорахъ мракъ скрываетъ юдоль земную;
Валгалла ярче блещетъ; то смерть я чую.

Моихъ сыновъ велѣлъ я призвать съ твоимъ;
Подобно намъ, быть вмѣстѣ прилично имъ,
Хочу орлятъ наставить, пока есть сила
И смерть совѣтовъ старца не усыпила".—

И вотъ сыны явились въ чертогъ на зовъ:
Межъ ними Гелгъ шелъ первый, угрюмъ, суровъ.
Съ волхвами онъ при жертвахъ искалъ забавы,
И на его ладоняхъ былъ слѣдъ кровавый.

Свѣтлокудрявый Гальфданъ за нимъ вошелъ.
Онъ нѣжно-величавой красою цвѣлъ:
Онъ мечъ носилъ, казалось, лишь для потѣхи,
Былъ съ дѣвой схожъ, одѣвшей себя въ доспѣхи.

Подъ синей мантьей Фритьофъ потомъ вступилъ.
Онъ головою выше обоихъ былъ.
И между нихъ стоялъ онъ, какъ день роскошный
Стоитъ межъ алымъ утромъ и мглой полночной.

„Друзья", сказалъ имъ конунгъ: „день меркнетъ мой.
Въ согласьи братскомъ правьте моей страной:
Гдѣ нѣтъ его, въ разстройство союзъ впадаетъ;
Такъ безъ кольца всю крѣпость копье теряетъ.

Пусть будетъ сила стражемъ земли родной
И миръ за неприступной цвѣтетъ стѣной,

И лишь къ отпору служатъ меча удары,
Щитъ какъ замо́къ висячій хранитъ амбары.

Одинъ безумецъ, дѣти, свой край гнететъ:
Тамъ немощенъ правитель, гдѣ слабъ народъ.
Вѣнецъ древесный вянетъ въ безплодномъ полѣ,
Чуть только сердцевина изсохнетъ въ стволѣ.

На четырехъ опорахъ вся твердь лежитъ [1]),
Но на одномъ законѣ престолъ стоитъ.
Когда судьей пристрастье, шатка держава;
Лишь въ правдѣ благо края и трона слава.

Живутъ во храмѣ боги; но такъ ли въ немъ
Имъ тѣсно, какъ улиткѣ въ жильѣ своемъ?
Гдѣ только день сіяетъ и слышны клики,
Гдѣ мысль паритъ, присущи вездѣ Владыки.

Соколъ окровавленный бываетъ лживъ,
Не всякій знакъ въ скрижаляхъ, о Гелгъ, правдивъ,
Но въ сердце непорочныхъ Одиномъ вложенъ
Завѣтъ священный въ рунахъ: ихъ смыслъ не ложенъ.

Не будь жестокимъ, конунгъ, — лишь твердымъ будь;
Чѣмъ мечъ острѣй, тѣмъ легче его согнуть.
Вѣнчанныхъ краситъ благость, какъ щитъ твой розы.
Весна живитъ всю землю, — мертвятъ морозы.

Погибнетъ тотъ могучій, съ кѣмъ нѣтъ друзей,
Какъ стволъ, коры лишенный, среди степей.
Но съ кѣмъ — друзья, тотъ крѣпокъ какъ дубъ, стоящій
Вдали отъ бурь надъ токомъ въ прохладѣ чащи.

Не славься славой предковъ: то блескъ чужой.
Когда стрѣлять не можешь, твой лукъ не твой.
Что мертвыхъ честь? своими гордись дѣлами:
Большія рѣки мчатся чрезъ море сами.

Стяжанье мудрыхъ, Гальфданъ, веселый нравъ;
Но да стыдится конунгъ пустыхъ забавъ!
Въ меду и хмѣль бываетъ, не только сладость;
Въ мечъ сталь кладутъ: степенность мѣшай ты въ радость.

И мудрый не съ избыткомъ богатъ умомъ,
Но тотъ ужъ слишкомъ бѣденъ, кто простъ во всемъ.

---

[1]) Небо поддерживаютъ Востокъ, Западъ, Сѣверъ и Югъ.

Въ пиру на первомъ мѣстѣ невѣжду презираютъ;
Гдѣ свѣдущій ни сядетъ, ему внимаютъ.

Дорога къ брату, къ другу, мой сынъ, кратка,
Хотя его обитель и не близка.
Но отдаленъ домъ вражій; онъ за горами,
Хотя и на дорогѣ стоитъ предъ нами.

Не всякъ, кто дружбы ищетъ, есть другъ прямой;
Богатый домъ затворенъ, открытъ пустой.
И помни: быть друзьями должны лишь двое:
Весь міръ то знаетъ, Гальфданъ, что знаютъ трое". —

Потомъ всталъ Торстенъ; началъ онъ рѣчь вести:
„Къ богамъ не долженъ конунгъ одинъ итти;
Мы въ жизни шли, владыка, рука съ рукою:
Дай раздѣлить мнѣ нынѣ и смерть съ тобою.

О Фритьофъ! много истинъ и думъ благихъ
Мнѣ старость нашептала: наслѣдуй ихъ.
Одина вранъ на хо́лмы отцовъ садится [1]),
Совѣтъ же мудрый старцу въ уста ложится

Сперва боговъ страшися: отъ неба лишь
Исходятъ зло и благо, какъ вѣтръ и тишь.
Богамъ открыты се́рдца глухіе своды,
И за вину мгновенья имъ платятъ годы.

Чти власть. Разумно править лишь одному дано:
Очей у ночи много, у дня — одно.
Высокій передъ высшимъ пускай смирится:
Къ чему безъ рукояти клинокъ годится?

Даруютъ боги силу; но знай: она,
Коль умъ не правитъ ею, не въ прокъ дана.
Медвѣдь ловца сильнѣе, но уступаетъ;
Щитъ отъ меча, — отъ силы законъ спасаетъ.

Кто гордъ, не многимъ страшенъ, всѣмъ ненавистенъ тотъ;
Паденіе, вотъ, Фритьофъ, гордыни плодъ.
Иной леталъ, а нынѣ бредетъ съ клюкою;
Какъ жатвой, вѣтръ играетъ судьбой людскою.

---

[1]) По скандинавской миѳологіи, у Одина было два ворона, которые летали по свѣту и передавали ему все, что тамъ дѣлается.

Хвали ты день, о Фритьофъ, какъ ночь придетъ;
Совѣтъ — на дѣлѣ; выпивъ, хвали ты медъ.
Кто молодъ, тотъ довѣрчивъ, боязни чуждый;
Мечъ въ битвѣ познаётся, а другъ — въ часъ нужды

Обманчивъ снѣгъ весенній и змѣя сонъ,
И свѣжій ледъ и лепетъ прекрасныхъ жёнъ.
На колесѣ, знать, боги ихъ грудь точили!
Въ ней скрыта коловратность подъ блескомъ лилій.

Умрешь, и все, что звалъ ты своимъ, пройдетъ;
Но, сынъ, одно я знаю, что ввѣкъ не мретъ:
То судъ надъ мертвецами; бѣги-жъ за славой;
Желай всего благого, твори что право“. —

Такъ старцы наставляли своихъ дѣтей,
Такъ скальдъ въ Высокой Пѣсни [1]) училъ позднѣй,
И шли изъ рода въ роды совѣты сильныхъ;
Еще ихъ шопотъ слышенъ въ холмахъ могильныхъ.

Потомъ бесѣду мужи вели вдвоемъ
О дружбѣ знаменитой своей; о томъ,
Какъ были оба въ счастьи и въ дни страданій,
Всегда другъ съ другомъ будто двѣ сжатыхъ длани.

„Тылъ съ тыломъ мы стояли: отколѣ къ намъ
Ни шла бы Норна [2]), щитъ былъ и здѣсь, и тамъ.
Теперь грядемъ въ Валгаллу: тамъ ждетъ награда:
Но духъ отцовъ да будетъ надъ вами, чада!“ —

О Фритьофѣ сталъ конунгъ бесѣду весть,
О томъ, что не въ породѣ, — въ геройствѣ честь.
О конунгахъ сталъ Торстенъ вѣщать, о мощныхъ,
Покрытыхъ славой внукахъ боговъ полнощныхъ.

„Живите же въ союзѣ, друзья, безъ насъ,
И никого не будетъ сильнѣе васъ.
Санъ царскій, съ крѣпкой мощью надежно слитый —
Какъ щитъ златой, желѣзнымъ кольцомъ обитый.

„Скажите Ингеборгѣ мое „прости“.
Досель дано ей было втиши цвѣсти:
О, будьте ей покровомъ, да вихрь мятежный
На шлемъ свой не наколетъ сей розы нѣжной.

---

[1]) Высокая пѣснь (Havamal) содержала въ себѣ правила Одиновой мудрости.
[2]) Норнами назывались три богини, управлявшія судьбами боговъ и людей.

Ты, Гелгъ, меня замѣнишь: люби ее
Отнынѣ какъ родное дитя свое.
Жестокость только злобу въ сердцахъ раждаетъ,
А кротость къ благородству, къ добру склоняетъ. —

Насыпьте два кургана вы намъ, сыны,
На двухъ брегахъ залива вблизи волны.
Напѣвъ ея отраденъ еще и духу,
Ея плесканье сладко, какъ драпа [1]), слуху.

Когда на скалы мѣсяцъ свой блескъ прольетъ,
И на могильный камень роса падетъ,
Мы изъ холмовъ, о Торстенъ, у водъ воспрянемъ
И о грядущемъ въ полночь шептаться станемъ.

Теперь простите, дѣти! оставьте насъ.
Къ Альфадеру [2]) стремимся (о дивный часъ!)
Какъ въ море мчатся рѣки, ища простора:
За васъ мы молимъ Фрея [3]), Одина, Тора!“

III.

Фритіофъ наслѣдуетъ отцовское имѣніе.

Вотъ подъ курганы посажены [4]) Белъ державный и Торстенъ.
Гдѣ указали они: съ двухъ сторонъ залива холмы ихъ
Высились розно, какъ двѣ разлученныя смертію груди.
Гелгъ и Гальфданъ, съ согласья народа, вдвоемъ въ обладанье
Края вступили; Фритьофъ же, бывшій единственнымъ сыномъ,
Занялъ спокойно, ни съ кѣмъ не дѣляся, имѣніе Фрамнесъ.
На три мили въ три стороны зѐмли его простирались, —
Долы, холмы и горы; четвертой касалося море.
Лѣсъ березовый росъ на вершинахъ холмовъ, а по скатамъ
Стлались ячмень золотой и рожь въ вышину человѣка.
Тамъ зеркалами лежали озера межъ горъ и межъ рощей,
Гдѣ круторогіе лоси гуляли царственнымъ шагомъ
И изъ несчетныхъ потоковъ студеную черпали воду.
Въ злачныхъ долинахъ кругомъ стада паслися привольно,
Шерсть лоснилась у нихъ и сосцы дойниковъ ожидали.

---

[1]) Хвалебная пѣснь падшимъ героямъ.
[2]) Міроправителю.
[3]) Богъ урожая.
[4]) Знатные скандинавы были погребаемы въ сидячемъ положеніи.

Тысячи бѣлыхъ овецъ разсѣяны были межъ ними
Будто на вешнемъ небѣ гряды облачковъ бѣловатыхъ.
Дважды двѣнадцать коней — стремительныхъ, скованныхъ вихрей —
Топая, въ стойлахъ рядами стояли предъ кормомъ обильнымъ;
Алыми лентами гривы, желѣзомъ блистали копыта.
Пирная храмина домъ составляла отдѣльный, сосновый.
Слишкомъ пятьсотъ человѣкъ (по десятку дюжинъ на сотню) [1])
Въ ней помѣщались просторно, стекаясь къ праздникамъ зимнимъ.
Вдоль, отъ стѣны до стѣны, тамъ столъ тянулся дубовый,
Вылощенъ, свѣтелъ какъ сталь; на одномъ его краѣ стояли
Два столба у почетнаго мѣста, — два бога изъ ильмы:
Съ царственнымъ взоромъ Одинъ и Фрей съ сіяньемъ на шляпѣ.
Между обоихъ недавно еще на кожѣ медвѣжьей
(Черной съ малиновой пастью, въ сребро оправлены когти)
Торстенъ съ друзьями сидѣлъ, какъ будто радушье съ весельемъ.
Часто, когда плылъ мѣсяцъ межъ облакъ, разсказывалъ старецъ
Много чудесъ о далекихъ краяхъ, гдѣ бывалъ онъ, о смѣлыхъ
Странствіяхъ въ Западномъ морѣ, въ Восточныхъ водахъ [2]) и въ Гандвикѣ [3]).
Гости молча внимали; къ устамъ его льнули ихъ взоры,
Словно къ розѣ пчела; а скальду мечталося, будто
Брагъ [4]) съ серебристой брадой, съ языкомъ, письменами покрытымъ,
Сидя подъ букомъ густымъ надъ немолчнымъ Мимера [5]) токомъ,
Сагу сказывалъ дивную, самъ живущая Сага.
Полъ былъ устланъ соломой; въ срединѣ его надъ плитою
Весело пламя горѣло; а сверху въ окно дымовое
Звѣзды, друзья неземные, въ палату привѣтно глядѣли.
Вкругъ, по стѣнамъ, на стальныхъ гвоздяхъ развѣшаны были
Подвое брони и шлемы; межъ ними же кое-гдѣ ярко
Мечъ опущённый сверкалъ, какъ звѣзда падучая въ полночь.
Но еще болѣ мечей и шлемовъ щиты тамъ блестѣли
Свѣтлые, словно какъ солнце или серебряный мѣсяцъ.
Дѣвушка, столъ обходя и медомъ рогъ наполняя,
Взоръ склоняла къ землѣ и краснѣла: ея отраженье
Также краснѣло въ щитахъ, и было то витязямъ любо.

Домъ былъ богатъ: вездѣ тамъ взоры встрѣчали обилье.
Полные были шкапы, — погреба, кладовыя набиты.
Множество тамъ хранилось сокровищъ, добытыхъ побѣдой:

---

[1]) Десять дюжинъ составляли *большую сотню*.
[2]) Т. е. въ Балтійскомъ морѣ (Östervåg).
[3]) Гандвикомъ (Змѣинымъ заливомъ) называлось Бѣлое море.
[4]) Богъ пѣснопѣнія.
[5]) Мимеръ — богъ, которому принадлежалъ источникъ или колодезь мудрости.

Золото въ надписяхъ и серебро утонченной работы.
Но всѣхъ выше богатствъ тамъ три цѣнились предмета:
Первымъ изъ нихъ былъ мечъ, вѣковое наслѣдіе рода, —
Ангурвáдель по имени, молніи братъ. По преданью,
На отдаленномъ востокѣ кованъ онъ былъ, закаленъ же
Въ пламени Карловъ. Сначала владѣлъ имъ Бьёрнъ Синезубый;
Но заодно и съ мечемъ онъ и съ жизнью разстался на югѣ
Въ Гренингазундѣ [1]), сражаясь однажды съ Вифелемъ мощнымъ.
Сынъ былъ у Вифеля,—Викингъ. Въ тѣ дни жилъ старый и дряхлый
Въ Уллерокерѣ [2]) конунгъ и съ нимъ его дочь молодая.
Вдругъ выходитъ изъ чащи лѣсовъ великанъ безобразный,
Ростомъ выше породы людской, косматый, свирѣпый,
Требуя иль поединка, иль дочери конунга съ краемъ.
Но не являлось противника: всякую сталь притупилъ бы
Черепъ желѣзный бойца, — Желѣзнымъ Челомъ его звали.
Только Викингъ (недавно пятнадцать зимъ совершившій)
Принялъ вызовъ, надѣясь на Ангурвáдель и силу.
Быстро ударомъ однимъ онъ разсѣкъ пополамъ великана:
Съ ревомъ пало страшилище: спасъ красавицу Викингъ.
Сынъ его, Торстенъ, наслѣдовалъ мечъ, перешедшій по смерти
Торстена къ Фритьофу: взмахомъ его озарялась палата,
Будто молніей или сіяніемъ сѣверной ночи.
Вся рукоять золотая была, на клинкѣ же являлись
Дивныя, Сѣверу чуждыя руны, понятныя только
Около солнцевыхъ вратъ, гдѣ отцы обитали, доколѣ
Асы къ здѣшнимъ краямъ ихъ не вывели. Тускло свѣтились
Руны тѣ въ мирные дни; но лишь кровожадная Гильдурь [3])
Вновь начинала потѣху свою, онѣ разгорались,
Рдѣли какъ гребни воюющихъ двухъ пѣтуховъ. На погибель
Былъ обреченъ, кто въ бою съ пылающей сталью встрѣчался.
Славился всюду тотъ мечъ, изъ мечей былъ на Сѣверѣ первымъ.

Первымъ за нимъ по цѣнѣ знаменитое было запястье.
Ковано сѣверной саги Вулканомъ, хромымъ Ваулундомъ.
Вѣся три фунта, оно изъ чистаго золота было.
Чудно являлись на немъ небеса и жилища безсмертныхъ,
Ихъ двѣнадцать твердынь, перемѣнныхъ мѣсяцевъ образъ:
Скальды палатами солнца твердыни тѣ называли.
Вотъ обиталище Фрея: то солнце, когда, возродившись,
Въ зимнюю пору оно начинаетъ по крути небесной

---

[1]) Нынѣшній Грензундъ, проливъ между принадлежащими къ Даніи островами.
[2]) Небольшое владѣніе въ древней Швеціи.
[3]) Дѣва брани.

Вновь подыматься. Вотъ Саги чертогъ, гдѣ Одинъ величаво
Съ нею сидитъ и вино изъ кубка пьетъ золотого.
Кубокъ тотъ — море, облитое огненнымъ золотомъ утра;
Сага — весна, а цвѣты на злачныхъ поляхъ — ея руны.
Вотъ и Бальдеръ въ вѣнцѣ — беззакатное лѣтнее солнце,
Льющее съ тверди свой блескъ; то блага истинный образъ:
Благо — свѣтъ лучезарный, а зло — ужасающій сумракъ.
Солнцу тяжко всходить, и благо на высяхъ томится:
Оба со вздохомъ они наконецъ склоняются къ Гелѣ,
Въ область тѣней: на костеръ то богами возложенный Бальдеръ.
Вотъ и мира твердыня, гдѣ богъ правосудія строгій
Держитъ въ десницѣ вѣсы и всѣхъ приводитъ къ согласью. —
Этимъ и многимъ инымъ, означавшимъ бореніе свѣта
На небѣ и въ человѣчьей душѣ, художникъ украсилъ
Съ дивнымъ умѣньемъ запястье. Богатымъ рубиномъ вѣнчался
Выпуклый обручъ его, какъ солнцемъ вѣнчается небо.
Изстари было запястье наслѣдіемъ рода: начало
Велъ онъ свое, по линіи женской, отъ Ваулунда.
Но однажды похитилъ сокровище Сотъ ненавистный;
Грабя, скитался онъ въ Сѣверномъ морѣ и скрылся внезапно.
Слухъ прошелъ наконецъ, что въ Британіи Сотъ, что въ курганѣ
У моря онъ, живой, заперся съ кораблемъ и богатствомъ,
Но не нашелъ онъ тамъ мира: въ холмѣ привидѣнья водились.
Торстенъ, услышавъ молву, на дракона съ конунгомъ Беломъ
Сѣлъ и, пѣнистый валъ разсѣкая, отправился къ мѣсту.
Будто со сводами храмъ иль чертогъ исполинскій, обитый
Щебнемъ и дерномъ зеленымъ,—вставалъ тамъ курганъ надъ водами.
Свѣтъ изнутри исходилъ; притаясь у воротъ, заглянули
Витязи въ щелку — и видятъ: корабль насмоленный стоитъ тамъ;
Якорь и мачты и реи на немъ; высоко надъ кормою
Страшный сидитъ великанъ, одѣтый огненной ризой.
Мраченъ сидитъ онъ и чиститъ клинокъ, запятнанный кровью,
Но не стирается кровь; добытое хищникомъ злато
Грудами сложено вкругъ; на рукѣ его блещетъ запястье.
Белъ шепнулъ: „Не пойти ль намъ вмѣстѣ на бой съ великаномъ,
Съ огненнымъ духомъ"? Но Торстенъ ему отвѣчалъ полугнѣвно:
„Дѣды дрались одинъ на одинъ, — я отъ нихъ не отстану".
Долго спорили мужи, кому на страшное дѣло
Прежде итти; наконецъ взялъ Белъ желѣзный шеломъ свой,
Въ немъ смѣшалъ два жребія, и при сіяніи звѣздномъ
Торстенъ свой жребій узналъ. Отъ удара копья его разомъ
Пали засовы съ замками. Онъ тамъ... Когда кто-либо послѣ
Спрашивалъ, что̀ испыталъ онъ во мглѣ: онъ молчалъ, содрагаясь.

Белъ сначала услышалъ, — казалось, напѣвъ чародѣйскій;
Послѣ раздался тамъ стукъ, какъ будто сталь въ сталь ударяла.
Вдругъ отчаянья крикъ — и стихло. Трепещущій, блѣдный,
Волосы дыбомъ, выбѣжалъ Торстенъ: онъ съ смертью сразился.
Но запястье онъ несъ. „Дорогая добыча“! твердилъ онъ:
„Разъ я въ жизни дрожалъ, — я дрожалъ, выручая запястье“.
Славилось всюду оно и было на Сѣверѣ первымъ.

Чудный корабль Эллида былъ третьимъ сокровищемъ рода.
Викингъ [1]) (преданье гласитъ), возвращаясь однажды изъ странствій,
Берегомъ плылъ, — вдругъ видитъ онъ: кто-то безпечно катится
На корабельномъ обломкѣ и будто съ волнами играетъ.
Онъ высокъ и осанистъ; открытый ликъ его ясенъ,
Но перемѣнчивъ словно пучина въ сіяніи солнца.
Въ синей ризѣ пловецъ; золотой его поясъ въ кораллахъ;
Пѣны бѣлѣй борода, но зелены кудри какъ море.
Викингъ, сжалясь надъ бѣднымъ, къ нему направилъ вѣтрило.
Взялъ съ собою иззябшаго и, угостивъ его дома,
Одръ ночной предложилъ; но гость отвѣчалъ, улыбаясь:
„Вѣтеръ дуетъ попутный; корабль мой не плохъ, какъ ты видѣлъ,
Сотню миль до полуночи я проплыву на немъ вѣрно.
За предложенье спасибо, оно отъ души; я желалъ бы
Память оставить тебѣ! да жаль — все добро мое въ морѣ.
Можетъ быть, завтра у берега ждать тебя будетъ подарокъ“.
Вотъ поутру ко взморью является Викингъ, и что же?
Словно орелъ морской, за добычей несущійся, быстро
Въ бухту влетаетъ корабль. На немъ никого не примѣтно,
Даже кормщика нѣтъ; но извилистый путь межъ утесовъ
Держитъ кормило, какъ будто имъ духъ управляетъ. У брега
Парусъ опалъ самъ собой; безъ помощи рукъ человѣчьихъ
Якорь сталъ опускаться и въ дно морское вонзился.
Викингъ безмолвно смотрѣлъ; вдругъ волны, играя, запѣли:
„Призрѣнный Эгиръ [2]) помнитъ свой долгъ; прими же дракона“.
Даръ былъ истинно-царскій: дубовыя выпуклы доски
Не были сплочены только, но неразрывно срослися.
Видомъ схожъ былъ съ дракономъ корабль: у передняго края
Голову онъ подымалъ высоко, и пасть пламенѣла
Златомъ червленымъ; синими пятнами было покрыто
Желтое древо дракона; въ кольцо былъ свитъ у кормила
Хвостъ чешуйно-серебряный; алой каймой украшались
Черныя крылья; всѣ ихъ расширя, съ бурею спорилъ

[1]) Дѣдъ Фритіофа.
[2]) Богъ моря.

Онъ въ быстротѣ, а орла оставлялъ за собою. Когда же
Ратные люди корабль наполняли, тогда принималъ онъ
Образъ несущейся крѣпости или пловучей столицы.
Славился всюду корабль и былъ онъ на Сѣверѣ первымъ.

Этимъ и многимъ инымъ обладалъ по родителѣ Фритьофъ,
И едва-ль гдѣ на Сѣверѣ жилъ богатѣйшій наслѣдникъ,
Развѣ конунга сынъ: власть конунга все превышаетъ.
Конунга сыномъ онъ не былъ, но духомъ былъ истинный конунгъ, —
Кротокъ, щедръ, благороденъ, и въ славѣ росъ ежедневно.
Воиновъ было двѣнадцать при немъ сѣдовласыхъ, дѣлами
Истыхъ князей, товарищей Торстена, съ грудью стальною
И съ покрытымъ рубцами челомъ. На скамьѣ ихъ послѣднимъ
Фритьофа сверстникъ сидѣлъ, какъ роза межъ листьевъ поблекшихъ.
Бьёрномъ юношу звали; онъ какъ младенецъ былъ веселъ,
Твердъ какъ мужъ и разуменъ какъ старецъ. Фритьофъ съ нимъ выросъ;
Братскій союзъ заключивъ, они поклялись неразлучно
Жить и въ счастьи и въ горѣ, и мстить одному за другого.
Кровью они, по обряду Норманновъ, скрѣпили обѣтъ свой.
Тихо среди бойцовъ и толпы гостей, совершавшихъ
Пиръ погребальный, сидѣлъ въ слезахъ и юный хозяинъ.
Въ память отца, по обычаю дѣдовъ, пилъ онъ и слушалъ
Скальдовъ хвалебное пѣніе, драпу гремящую; послѣ
Онъ опустѣвшее мѣсто родителя занялъ впервые,
Сѣвъ межъ Одина и Фрея: то мѣсто Тора въ Валгаллѣ.

IV.

Сватовство Фритіофа.

Въ обители Фритьофа пѣсни гремятъ,
Тамъ скальды поютъ его праотцевъ рядъ.
Но скальдовъ хваленья
Не слушаетъ Фритьофъ, ему не до пѣнья.

Земля вновь одѣлась въ свой вешній нарядъ
И въ море драконы опять ужъ летятъ;
Но Фритьофъ съ тоскою
Все по лѣсу бродитъ, любуясь луною.

Недавно такъ счастливъ, такъ веселъ онъ былъ:
Державныхъ друзей онъ къ себѣ пригласилъ,
Съ сынами же Бела
Въ хоромахъ его и сестра ихъ сидѣла.

Съ ней рядомъ сидѣлъ онъ и руку ей жалъ,
И самъ рукожатье порой ощущалъ,
И взоръ его страстный
Не могъ оторваться отъ лика прекрасной.

Они вспоминали о сладкой порѣ,
Когда еще жизнь ихъ была на зарѣ:
Младенчества лѣта —
То памяти розы, и нѣтъ имъ отцвѣта.

Они вспоминали о милыхъ мѣстахъ,
О рунахъ, нарѣзанныхъ тамъ на древахъ,
О холмахъ цвѣтущихъ,
Гдѣ дубы родятся изъ праха могущихъ.

Она говорила: „Не милъ мнѣ чертогъ:
Дитя еще Гальфданъ, а Гелгъ... онъ жестокъ.
Въ палатѣ ихъ пышной
Хвалы да моленья — вотъ все, что имъ слышно.

И не съ кѣмъ (тутъ розой зардѣлась она)
И не съ кѣмъ мнѣ грусть раздѣлить — я одна!
Мнѣ душно въ неволѣ;
Ахъ, такъ ли намъ было у Гильдинга въ полѣ!

Гдѣ голуби наши? не сыщешь ты ихъ....
Злой ястребъ разсѣялъ любимцевъ твоихъ.
Лишь пара со мною
Осталась: хочу подѣлиться съ тобою.

Возьми ты голубку: узнавши тоску,
Она понесется назадъ къ голубку.
Подъ крылышко бъ можно
Съ привѣтомъ письмо подвязать осторожно".

День цѣлый шептались они межъ собой,
Шептались еще и вечерней порой,
Какъ вѣтеръ весною
При сумеркахъ шепчется съ липой густою.

Но Белова дочь удалилася вновь, —
А съ нею и радость: у Фритьофа кровь
Къ ланитамъ взбѣгаетъ,
И весь онъ въ огнѣ, и молчитъ и вздыхаетъ.

Съ голубкой онъ пишетъ о горѣ своемъ,
И рѣетъ къ чертогу голубка съ письмомъ;

Но ахъ! ужъ оттолѣ,
Отъ друга она не вернулася болѣ.

Не нравилось Бьёрну, что братъ тосковалъ.
„Что сталось съ орломъ молодымъ?“ онъ сказалъ:
„И дикъ онъ и страненъ!
Въ крыло ли подстрѣленъ, во грудь ли онъ раненъ?

О чемъ ты горюешь? обилье вокругъ:
И медъ у насъ темный, и желтый есть тукъ;
И скальдамъ нѣтъ счёта,
И пѣснямъ конца нѣтъ: о чемъ же забота?

Копытами въ стойлѣ конь борзый стучитъ;
Соколъ, призывая къ охотѣ, кричитъ;
Но ты на охотѣ
Лишь въ высяхъ, и стонешь, и чахнешь въ заботѣ.

Эллида покоя въ водахъ не найдетъ,
На якорѣ движется взадъ и впередъ.
Эллида! стой смирно!
Твой Фритьофъ не воинъ, онъ хочетъ жить мирно

И смерть на соломѣ годится по немъ!
Себѣ, какъ Одинъ, напослѣдокъ копьемъ
Изрѣжу я тѣло:
Не то намъ увидѣться съ блѣдною Гелой“.

И Фритьофъ корабль свой тогда отвязалъ;
Надулось вѣтрило, запѣнился валъ.
Къ преемникамъ Бела
Эллида чрезъ синій заливъ полетѣла.

Въ тотъ день государи надъ отчимъ холмомъ
Народу чинили расправу съ судомъ;
Вдругъ Фритьофъ явился,
И громкою рѣчью весь долъ огласился:

„О конунги! я Ингеборгу люблю:
Отдайте мнѣ руку прекрасной, — молю.
Самъ Белъ, я увѣренъ,
Со мной сочетать свою дочь былъ намѣренъ.

Онъ ввѣрилъ насъ Гильдингу: наши сердца
Срослися отъ дѣтства какъ два деревца,
Которыя Фрея
Златыми тесьмами связала, лелѣя.

Не конунгъ, не ярлъ былъ отецъ мой, но онъ
Жить будетъ у скальдовъ до позднихъ временъ.
Могилъ начертанья
Вѣщаютъ про славныя предковъ дѣянья.

Добыть себѣ область легко я могу,
Но жить мнѣ милѣй на родномъ берегу,
Храня и палаты
Моихъ государей, и бѣдныя хаты.

Подъ нами холмъ Бела, о конунги! тамъ
Сегодня внимаетъ онъ нашимъ рѣчамъ.
Онъ вмѣстѣ со мною
Взываетъ: Размыслите; троньтесь мольбою!“ —

Всталъ Гелгъ и воскликнулъ съ презрѣньемъ въ отвѣтъ:
„Не выдамъ за бонда сестру мою, нѣтъ —
Лишь длань властелина
Достойна коснуться до внуки Одина.

Хвалися, что первымъ зоветъ тебя край:
Женъ — словомъ, отвагой мужей побѣждай;
Но конунговъ чадо
Не будетъ безумной гордынѣ наградой.

Заботу о нашей землѣ отложи:
Я самъ ей защитникъ; а ты мнѣ служи!
У насъ при дружинѣ
Есть мѣсто: его ты получишь хоть нынѣ“. —

„Нѣтъ“, было отвѣтомъ: „не стану служить:
Хочу, какъ отецъ, независимымъ быть.
Мечъ добрый мой! смѣло
Лети изъ влагалища: время приспѣло.“

И мечъ засверкалъ въ богатырской рукѣ,
И вспыхнули руны на сизомъ клинкѣ.
„Товарищъ булатный!
Ты, право, породы и древней и знатной.

И еслибъ не чтилъ я святыни могилъ,
Тебя бы, о сумрачный князь, я сразилъ.
Но вотъ въ поученье
Тому, кто мой мечъ вызываетъ на мщенье!“

Сказалъ — и разсѣкъ онъ ударомъ однимъ
Щитъ Гелга, висѣвшій на вѣтвяхъ предъ нимъ.

Со звономъ упали
Обломки, и своды холма простонали.

„Хвала, мой булатъ! но уймись и мечтай
О лучшихъ дѣлахъ; до поры же скрывай
Черты огневыя;
Теперь мы назадъ черезъ волны морскія“.

V.

Конунгъ Рингъ.

Онъ стулъ золотой оттолкнулъ отъ стола,
И съ скальдами встала дружина,
И молча разумнаго слова ждала:
Народовъ хвала
Равняла богамъ мудреца-властелина.

Страна его рощей святою цвѣла,
Гдѣ стука оружій не слышно,
Гдѣ въ мирѣ подъ тѣнью восходитъ трава,
И крѣпнутъ древа,
И розы красуются пышно.

Тамъ строгость и милость согласной четой
Въ правдивомъ судѣ возсѣдали,
И миръ благодать разливалъ надъ землей,
И жатвой златой
На солнцѣ осеннемъ тамъ нивы блистали.

И шнеки туда черногрудые шли,
На бѣлыхъ крылахъ поспѣшая
Изъ дальнихъ земель, и изъ каждой земли
Съ собою несли
Богатство для Рингова края.

И миръ тамъ свободу съ собой сочеталъ;
Не вѣдалъ никто притѣсненья;
Отца-государя народъ обожалъ,
Предъ нимъ подавалъ
На вѣчѣ свои безбоязненно мнѣнья.

Такъ Рингъ, благоденствуя, тридцать ужъ зимъ
Норвегіи правилъ сынами,
И всякъ, возвращаясь къ утесамъ своимъ,

Утѣшенъ былъ имъ;
Къ богамъ его имя летѣло съ мольбами. —

Онъ стулъ золотой оттолкнулъ отъ стола,
И всѣ въ ожиданіи встали:
Правдиво его мудрецомъ нарекла
Народовъ хвала;
Глубоко вздыхая, онъ началъ въ печали:

„Въ чертогѣ у Фреи на алыхъ коврахъ
Моя возсѣдаетъ супруга;
Подъ злачнымъ холмомъ на рѣчныхъ берегахъ
Сокрытъ ея прахъ
Среди благовоннаго луга.

Не сыщется болѣ такая жена —
Народа и честь, и отрада:
Въ Валгаллѣ блаженство вкушаетъ она,
Но плачетъ страна,
И матери требуютъ чада.

У конунга Бела (въ палатѣ моей
Нерѣдко бывалъ онъ весною)
Осталася дочь: я женюся на ней.
Лилеи нѣжнѣй,
Ланиты красавицы пышатъ зарёю.

Она молода еще; знаю, что ей
Угоднѣе были бы розы;
А я ужъ отцвѣлъ: надъ главою моей
Межъ рѣдкихъ кудрей
Ужъ снѣгъ разсыпаютъ морозы.

Но ежели можетъ она полюбить
Меня, старика съ сѣдиною,
И матерью сирымъ готова служить:
То тронъ раздѣлить
Угрюмая Осень желаетъ съ Весною.

Возьмите вы злата изъ полныхъ шкаповъ;
Спѣшите къ невѣстѣ съ дарами;
Пусть съ арфами скальды идутъ межъ пословъ:
Въ весельи пировъ,
При сватаньи богъ пѣснопѣнія съ нами!“

И въ путь отправляется юношей цвѣтъ
Съ дарами и съ шумомъ, и съ звономъ,
И длинный рядъ скальдовъ ступаетъ имъ вслѣдъ
При пѣсняхъ побѣдъ, —
И вотъ ужъ у Гелга послы передъ трономъ.

Они пировали до ночи съ утра,
Три цѣлые дня пировали;
Въ четвертый просили отвѣта двора.
„Затѣмъ что пора
Въ дорогу пуститься“, сказали.

И Гелгъ боязливо коней, соколовъ
Въ дубравѣ на жертву приноситъ:
У Валы пророческихъ требуетъ словъ,
У мудрыхъ жрецовъ
Рѣшенья судьбы Ингеборги онъ проситъ.

Но всюду онъ видитъ и слышитъ совѣтъ,
Противный желанному браку,
И вотъ произноситъ онъ твердое „нѣтъ“
Посольству въ отвѣтъ:
Да слѣдуемъ данному свыше намъ знаку!

„Простите жъ, пиры!“ улыбаясь, сказалъ
Тутъ Гальфданъ веселый и кроткій:
„Ахъ, еслибъ отсюда самъ Рингъ отъѣзжалъ,
Коня бъ подержалъ
Я нынѣ старинушкѣ съ сѣрой бородкой.“

Съ досадой посольство въ отчизну спѣшитъ;
Приноситъ о срамѣ извѣстье,
И конунгъ угрюмо на то говоритъ,
Что вскорѣ отмститъ
Сѣдая бородка за срамъ, за безчестье.

И въ щитъ свой, висѣвшій на липѣ густой,
Ударилъ онъ, гнѣвомъ пылая:
Съ багровыми гребнями мчатся на бой
Драконы гурьбой,
И шлемы подъ вѣтромъ киваютъ, сверкая.

И вѣстники брани несутся къ врагамъ,
И Гелгъ восклицаетъ сердито:
„Могучъ непріятель; быть страшнымъ боямъ!

Я скрою во храмъ
Сестру мою: Бальдеръ ей будетъ защитой." —

Тамъ дни одиноко дѣвица ведетъ,
Грустить въ тишинѣ безмятежной,
И шелкомъ узоры и золотомъ шьетъ
И слезы все льетъ
На грудь: то роса надъ лилеею нѣжной.

VI.

Фритіофъ играетъ въ шахматы.

Бьёрнъ и Фритьофъ за игрою
Передъ шахматной доскою:
Блещетъ клѣтчатое поле
Жаромъ злата и сребра.

Гильдингъ входитъ къ нимъ. „Садися,
Милый пѣстунъ! освѣжися
Медомъ ты и жди, доколѣ
Не окончится игра!"

Гильдингъ: „Бела сыновьями
Присланъ я къ тебѣ съ мольбами.
Злыя вѣсти; — ополчися!
Ты надежда намъ одна".

Фритьофъ Бьёрну: [1]) „Осторожно!
Твой король въ бѣдѣ; но можно,
Пѣшку выставивъ, спастися:
Жертвой пѣшка быть должна". —
(Гиль.)
„Фритьофъ! грозны властелины:
Не буди ты гнѣвъ орлиный;
Силой Рингъ ихъ превосходитъ,
Но они тебя сильнѣй." —
(Фр.)
„Бьёрнъ, ты башни хочешь, знаю —
И отпоръ приготовляю.
Въ сѣнь щитовъ она уходитъ;
Не легко подступишь къ ней". —

---

[1]) Фритіофъ, обращаясь къ Бьёрну, намекаетъ на свое собственное положеніе и такимъ образомъ отвѣчаетъ Гильдингу. Подъ *пѣшкою* разумѣетъ онъ самого себя, какъ бонда (по-шведски пѣшка и называется *бондомъ*).

(Гиль.)

„Ингеборга молодая
Въ храмѣ дни ведетъ, рыдая.
Иль тебя не манятъ къ спору
Очи синія въ слезахъ?“

(Фр.)

„Бьёрнъ, напрасно ферзь тревожишь:
Разлучить ты насъ не можешь.
Вижу въ ней игры опору:
Нѣтъ, ея не сгубитъ врагъ.“

(Гиль.)

„Фритьофъ! чтожъ, въ отвѣтъ ни слова?
Такъ ты пѣстуна сѣдого
Безъ вниманья отпускаешь,
Забываясь надъ игрой?“ —

Фритьофъ тутъ воскликнулъ, вставши
И у старца руку сжавши:
„Мой отвѣтъ, отецъ! ты знаешь.
Не молчалъ я предъ тобой.

Возвратись къ пославшимъ съ вѣстью,
Что не созданъ я къ безчестью;
Не ступлю за нихъ ни шагу:
Ихъ слугой не буду я.“

„Такъ иди жъ стезей своею,
Я твой гнѣвъ хулить не смѣю.
Да Одинъ ведетъ ко благу!“
Молвилъ Гильдингъ, уходя.

VI.

Счастье Фритіофа.

Пусть бродятъ конунги по волѣ,
Прося мечей: я свой не дамъ.
Во храмѣ Бальдера — тамъ поле
Моихъ побѣдъ, весь міръ мой тамъ.
Тамъ гнѣвъ державныхъ я забуду,
Забуду скорбь земныхъ сыновъ;
Тамъ съ Ингеборгой пить я буду
Вдвоемъ веселіе боговъ.

Доколѣ солнце, разсыпая
Свой пурпуръ на цвѣты полей,
Блеститъ на нихъ, что ткань сквозная
На персяхъ дѣвицы моей, —
Одинъ по берегу брожу я
Въ безмѣрной, пламенной тоскѣ,
Вздыхая и мечомъ рисуя
Невѣсты имя на пескѣ.

Томлюсь... о, какъ часы лѣнивы!
Что медлишь, день? или впервой
Ты зришь и рощи, и заливы,
И острова передъ собой?
Иль дѣва въ храминахъ заката
Тебя не ждетъ и не груститъ,
И къ другу, въ часъ его возврата,
Съ рѣчами нѣги не летитъ?

Но вотъ поникнулъ ты, усталый,
И наконецъ сошелъ къ водамъ,
И вечеръ стелетъ пологъ алый
Въ увеселеніе богамъ.
И вѣтерокъ и токъ прозрачный —
Все шепчетъ только про любовь,
И ночь въ своей одеждѣ брачной,
На радость мнѣ, нисходитъ вновь.

Какъ милый, крадущійся къ милой,
Течетъ неслышно звѣздный рой.
Черезъ заливъ, мое кормило,
Несись, гонимое волной!
Туда, гдѣ дремлетъ роща бога,
Къ святымъ богамъ, ладья, плыви:
Тамъ храмъ стоитъ, и у порога
Богиня чудная любви.

Вотъ берегъ: о, я торжествую!
Расцѣловалъ бы злакъ родной
И васъ, цвѣты! тропу кривую
Обвили пестрой вы каймой.
Луна, какъ нѣжно ты взираешь
На храмъ, на рощу! въ синевѣ
Ты такъ прекрасна! ты мечтаешь,
Какъ Сага [1]) въ брачномъ празднествѣ.

---

[1]) Сага, богиня исторіи, присутствуя на свадебномъ пирѣ, мечтаетъ о славномъ грядущемъ потомствѣ новобрачныхъ.

Потокъ, лепечущій съ цвѣтами,
Гдѣ ты подслушалъ голосъ мой?
Пѣвцы ночей! гдѣ взятъ былъ вами
Мой тайный стонъ съ моей тоской?
Вотъ альфъ зарей вечерней пишетъ
Безцѣнный ликъ на мглѣ небесъ;
Но Фрея завистію дышитъ,
И, свѣянъ ею, ликъ исчезъ.

Я не тужу: сбылось желанье!
Передо мной сама она,
Прекрасна будто упованье,
Какъ память дѣтскихъ дней вѣрна.
Въ твоихъ очахъ любви награда;
Приди, о милая! приди,
Моя мечта, моя отрада,
И къ сердцу друга припади!

Стройна, какъ лилія средь поля;
Какъ роза лѣтняя, пышна —
Ты такъ чиста, какъ вышнихъ воля:
Какъ Фрея, страсти ты полна!
Цѣлуй меня! пусть запылаетъ
Въ тебѣ, подруга, пламень мой:
Въ твоемъ лобзаньи исчезаетъ
И неба сводъ и кругъ земной.

Не трепещи: здѣсь безопасно;
У входа Бьёрнъ стоитъ съ мечемъ;
Дружина тамъ; они всечасно
За насъ готовы въ бой съ врагомъ.
О, еслибъ самъ я могъ сразиться
Здѣсь за тебя, и въ высоты,
Въ среду боговъ переселиться
Съ такой Валкиріей, какъ ты!

Ты шепчешь: Бальдеръ насъ погубитъ.
Спокойся: онъ не гнѣвенъ; нѣтъ,
Ему послушенъ тотъ, кто любитъ,
Ему угоденъ нашъ обѣтъ:
Сіяньемъ солнечнымъ вѣнчанный,
Безъ охлажденія любя,
Онъ тѣмъ же самымъ былъ для Нанны,
Чѣмъ я, о дѣва, для тебя.

Вотъ ликъ его; онъ самъ надъ нами.
Какой привѣтный, кроткій видъ!
Ему пожертвуемъ сердцами,
Гдѣ жаръ негаснущій горитъ.
Прострись предъ Бальдеромъ со мною:
Ему пріятнѣе всего
Два сердца, вѣчной теплотою
Въ любви похожихъ на него.

Не здѣсь любви моей начало,
И ты ея не презирай!.
Любовь ту небо воспитало:
Она въ родимый рвется край.
Блаженъ, кто тамъ обрѣлъ ужъ мѣсто,
Кто бъ могъ съ тобою умереть,
И, обнятъ блѣдною невѣстой,
Къ богамъ съ побѣдой возлетѣть!

Пускай бы тамъ герои мчались
Изъ вратъ серебряныхъ на бой,
А мы одни бы оставались,
Я любовался бы тобой.
Въ пиру бы дѣвы медъ носили
Золотопѣнистый въ рогахъ,
А мы бы время проводили
Другъ съ другомъ въ пламенныхъ рѣчахъ.

Тамъ я бесѣдку бы построилъ
На мысѣ возлѣ синихъ водъ;
Тебя бы въ рощѣ я покоилъ,
Гдѣ золотистый зрѣетъ плодъ.
Когда жъ бы день тамъ загорался
(Въ Валгаллѣ утро такъ свѣтло!),
Къ богамъ бы я съ тобой являлся,
А сердце бъ все назадъ влекло!

И я звѣздами, какъ повязкой,
Вѣнчалъ бы жаръ твоихъ кудрей;
Румянецъ наводилъ бы пляской
На блѣдность лиліи моей.
Потомъ въ пріютъ любви и мира
Я бъ уводилъ тебя, и тамъ
Напѣвы свадебнаго пира
Богъ струнъ вседневно пѣлъ бы намъ.

Какъ дроздъ поетъ въ дубравѣ тёмной!
То звуки съ горнихъ береговъ.
Какъ мѣсяцъ въ воды смотритъ томно!
То свѣтъ изъ края мертвецовъ.
Про міръ любви, про міръ восторга
Тотъ гласъ, тотъ свѣтъ приносятъ вѣсть;
Тамъ я бы вѣки, Ингеборга,
Съ тобой, съ тобой хотѣлъ провесть.

Не плачь: я живъ, и кровь струится
Еще во мнѣ... Чтожъ плачешь ты?
На небо любятъ уноситься
Горячей юности мечты.
Ахъ! лишь объятія простри ты,
Лишь взоръ склони ко мнѣ, любя,
И твой — мечтатель, и забыты
Боговъ утѣхи для тебя.

„Чу, жаворонокъ!“ — Голубицы
То стонъ любовный межъ вѣтвей;
Пѣвецъ же дремлетъ до денницы
Въ гнѣздѣ съ подругою своей.
Счастливцы! нѣтъ для нихъ насилья:
Не рознитъ ихъ ни день, ни ночь,
И вся ихъ жизнь вольна, какъ крылья,
Съ земли несущія ихъ прочь.

„Уже свѣтаетъ!“ — Нѣтъ, съ востока
Блеститъ лишь пламя маяка;
Нѣтъ, далеко еще до срока,
Еще блаженны мы пока.
Спи, спи, свѣтило золотое!
Проспи и, вставъ, еще дремли!
По мнѣ, останься ты въ покоѣ
Хоть до скончанія земли.

Но тщетны просьбы, тщетны грёзы!
Ужъ вѣтерокъ въ листахъ шумитъ;
Ужъ расцвѣли востока розы,
Какъ розы милыхъ мнѣ ланитъ.
Опять щебечетъ и порхаетъ
Рой пѣвчихъ въ выси голубой;
Очнулась жизнь, волна сверкаетъ,
Бѣжитъ влюбленный вслѣдъ за мглой.

И вотъ ты, солнце! о, какъ пышно!
Прости мой дерзкій лепетъ мнѣ!
Мнѣ приближенье бога слышно:
Какъ дивно ты въ своемъ огнѣ!
О, еслибъ такъ же величаво,
Какъ ты, въ свой путь я могъ потечь,
И свѣтомъ жизнь мою и славой,
Гремя побѣдами, облечь!

Взгляни: вотъ дѣва! гдѣ, свѣтило,
Встрѣчалось ты съ такой красой?
О будь же, будь покровомъ милой:
Она въ семъ мірѣ образъ твой.
У ней, какъ лучъ твой, сердце чисто,
Въ очахъ — лазурь небесъ твоихъ,
И твой же пламень золотистой
Разлитъ въ кудряхъ ея густыхъ.

Прости, невѣста! вновь до ночи!
Какъ быстро время протекло!
Прости! еще лобзанье въ очи,
Еще одно въ уста, въ чело!
Усни теперь, и въ сновидѣньи,
Какъ наяву, по мнѣ грусти,
И въ полдень встань, и въ нетерпѣньи,
Какъ я, часы считай. Прости!

VIII.

Прощаніе.

Ингеборга (въ храмѣ Бальдера).

Свѣтаетъ ужъ, а Фритьофъ не идетъ!
Дивлюсь тому: вчера народъ былъ созванъ
На холмъ отца (умѣли жъ выбрать мѣсто,
Гдѣ долженъ былъ рѣшиться жребій мой).
Какъ много я просила и рыдала —
Ты, Фрея, счетъ вела слезамъ моимъ —
Пока враждой ожесточенный Фритьофъ
Смягчился наконецъ и обѣщалъ,
Что руку онъ подастъ на примиренье.
Ахъ, какъ жестокъ мужчина! ради чести
(Такъ гордость онъ зоветъ) на все готовъ онъ,

И, если нужно, любящее сердце
Безъ сожалѣнья можетъ растерзать.
А женщина — довѣрчиво межъ тѣмъ
Къ его груди склоняется бѣдняжка!
Такъ на утесѣ блѣдный мохъ растетъ:
Съ трудомъ лишь держится за камень онъ,
И слезы ночи — вотъ его вся пища.
Итакъ, вчера рѣшился жребій мой:
Чтожъ Фритьофъ не идетъ? На небѣ звѣзды
Чредою гаснутъ: съ каждою изъ нихъ
Въ моей груди надежда померкаетъ.
Но для чего-жъ надѣяться мнѣ? боги
Меня не любятъ, я ихъ прогнѣвила.
Мой покровитель Бальдеръ оскорбленъ:
Любовь людская недостойна взора
Святыхъ боговъ; веселіе земное
Не смѣетъ дерзко проникать подъ своды,
Гдѣ обитаютъ мощные владыки.
Но точно ли виновна я? ужели
Любовь дѣвичья богу неугодна?
Она чиста какъ Урды токъ, безгрѣшна
Какъ Гефіоны [1]) утреннія грезы.
Отъ любящихъ не отвращаетъ солнце
Очей своихъ, и даже дня вдовица,
Ночь звѣздная, въ тоскѣ своей внимаетъ
Съ улыбкою обѣтамъ страстнымъ ихъ.
Что непорочно подъ небеснымъ кровомъ,
Какъ можетъ то во храмѣ быть преступнымъ?
Я Фритьофа люблю. Ахъ, я любила
Его уже какъ мыслить начала;
Моя любовь ровесница моя.
Какъ родилась она? когда? не помню,
И даже трудно мнѣ вообразить,
Чтобъ безъ нея когда-нибудь жила я.
Какъ плодъ растетъ и стелетъ вкругъ зерна
Въ сіяньи солнца шаръ свой золотой,
Такъ точно я росла и созрѣвала
Съ любовью въ сердцѣ: все, что есть во мнѣ, —
Лишь оболочка чувства моего.
Прости мнѣ, Бальдеръ! вѣрною вошла
Я въ твой чертогъ, и вѣрною же выйду;

[1]) Урда — Норна прошедшаго; Гефіона — богиня непорочности.

Все та же буду я, когда ступлю
На мостъ небесный, и къ богамъ Валгаллы
Явлюся я со всей моей любовью.
Тамъ — чадо Асовъ, какъ и сами боги —
Она въ щитахъ ихъ будетъ отражаться
И вкругъ летать на крыльяхъ голубицы
Въ лазоревыхъ пространствахъ неба, въ лонѣ
Альфадера, отколь проистекла.
Чтожъ на зарѣ, о Бальдеръ, хмуришь ты
Свой ясный ликъ? Какъ и въ тебѣ, струится
Въ груди моей кровь стараго Одина.
Чего же требуешь ты, Родичъ мой?
Я не могу пожертвовать тебѣ
Моей любовью, — не хочу того:
Она достойна неба твоего;
Но счастьемъ я пожертвовать готова:
Его могу я бросить, какъ жена
Вѣнчанная бросаетъ свой нарядъ
И остается тою же сама. —
Быть такъ! Валгалла не должна стыдиться
Родства со мной: судьбѣ своей на встрѣчу
Какъ воинъ я пойду. Но вотъ и Фритьофъ!
Угрюмъ и блѣденъ онъ: всему конецъ!
Съ нимъ Норна гнѣвная моя идетъ.
Крѣпись, душа! — Что медлилъ ты такъ долго!
Рѣшился жребій нашъ: я это ясно
Читаю на лицѣ твоемъ.

Фритіофъ.

Прочти же
На немъ еще въ кровавыхъ рунахъ вѣсть
О срамѣ, объ изгнаньи!

Ингеборга.

Успокойся,
Другъ Фритьофъ; разскажи, что было:
Я все предвижу, я на все готова.

Фритіофъ.

На тингъ [1]) явился я къ кургану Бела.
Уже на немъ, съ подошвы до вершины,

[1]) Тингъ — вѣче.

Щитомъ примкнувъ къ щиту, съ мечомъ въ рукѣ.
Вились кругами сѣверные мужи.
Какъ громовая туча возсѣдалъ
Тамъ судіей на камнѣ братъ твой Гелгъ,
Мужъ крови, блѣдный, съ грозными очами;
А возлѣ Гальфданъ, взрослое дитя,
Сидѣлъ, мечемъ играя беззаботно.
Я выступилъ и началъ: „Конунгъ Гелгъ!
Война бьетъ въ щитъ на рубежѣ отчизны;
Твоей землѣ опасность угрожаетъ.
Дай мнѣ сестру свою; я въ брани помощь
Подамъ тебѣ, — быть можетъ, не напрасно.
Забудемъ распрю нашу: тяжело
Мнѣ быть въ раздорѣ съ братомъ Ингеборги.
Будь мудръ, о конунгъ: за-одно спаси
И свой вѣнецъ, и будущность сестры.
И вотъ рука моя. Клянуся Торомъ,
Въ послѣдній разъ я предлагаю миръ.“ —
Тогда раздался шумъ. Народъ мечами
Въ знакъ одобренія въ щиты ударилъ,
И звонъ оружія вознесся къ тучамъ,
И весело внимали небеса,
Какъ вольный людъ привѣтствуетъ добро.
„Отдай ему“, кричали, „Ингеборгу,
Красу лилей, на Сѣверѣ растущихъ;
Онъ лучшій воинъ въ цѣломъ краѣ нашемъ;
Отдай ему сестру свою“. Тутъ Гильдингъ,
Сѣдой нашъ пѣстунъ, вышелъ изъ рядовъ
И мудро говорилъ; слова его
Какъ мечъ звучали въ краткихъ изреченьяхъ.
И Гальфданъ самъ съ престола своего
Возсталъ, прося и взоромъ и словами.
Напрасно: всѣ моленья пропадали,
Какъ пламень солнца, грѣющій скалу:
Онъ изъ нея не вызоветъ цвѣтка.
У Гелга ликъ все тотъ же оставался —
Льдяное „нѣтъ“ на просьбы человѣка.
„За селянина (онъ сказалъ съ презрѣньемъ)
Еще бы могъ я выдать Ингеборгу,
Но кто дерзнулъ святыню осквернить,
Тотъ не достоинъ дочери Валгаллы.
Тобою, Фритьофъ, не былъ ли нарушенъ
Миръ Бальдера? Не видѣлся ли ты

Ночной порою съ Ингеборгой въ храмѣ?
Отвѣтствуй: да иль нѣтъ?“ Тогда въ толпѣ
Раздался кликъ: „Скажи, что нѣтъ, скажи;
Мы вѣримъ на́-слово тебѣ; хотимъ
Быть сватами твоими; сынъ героя,
Ты сыну конунга предъ нами равенъ.
Скажи, что нѣтъ, и Бела дочь — твоя.“
„Отъ слова лишь мое зависитъ счастье
(Я отвѣчалъ), но успокойся, конунгъ!
Я не хочу стяжа́ть обманомъ низкимъ
Ни радости Валгаллы, ни земной.
Съ сестрой твоей я видѣлся во храмѣ,
Но тѣмъ миръ Бальдера нарушенъ не былъ.“ —
Я продолжать не могъ. По тингу вдругъ
Пронесся ропотъ ужаса! мгновенно
Всѣ вкругъ меня стоявшіе назадъ
Отдвинулись, какъ бы страшась заразы.
У всѣхъ уста сковало суевѣрье;
Еще за мигъ сіявшія надеждой
Всѣ лица вдругъ какъ известь блѣдны стали.
Твой злобный братъ торжествовалъ. Глухимъ
И хриплымъ голосомъ (такимъ, какъ Вала
Передъ Одиномъ мертвая воспѣла
Погибель Асовъ и побѣду Гелы [1])
Онъ отвѣчалъ: „Изгнаньемъ или смертью
Я могъ бы, слѣдуя законамъ предковъ,
Казнить тебя, но буду милосердъ,
Какъ Бальдеръ, храмъ котораго поруганъ.
На западѣ есть острововъ [2]) гряда;
Они — владѣнье ярла Ангантира.
При жизни Бела ежегодно ярлъ
Платилъ намъ дань, но послѣ пересталъ.
Плыви же ты къ нему и дань истребуй,
Когда вину свою загладить хочешь.
Есть слухъ“, прибавилъ онъ съ насмѣшкой низкой,
„Что крѣпкорукъ тотъ ярлъ, что онъ лежитъ
Надъ золотомъ своимъ подобно змѣю,
Сигурдомъ [3]) побѣжденному; но кто бы

---

[1]) Когда Одинъ посѣтилъ Валу въ царствѣ Гелы или смерти и та, пробужденная его заклинаніями, предрекла ему погибель боговъ.

[2]) Оркнейскихъ, нынѣ Оркадскихъ островов, издавна принадлежавшихъ Норманнамъ.

[3]) Имя знаменитѣйшаго въ скандинавскихъ преданіяхъ героя.

Могъ устоять передъ Сигурдомъ новымъ?
Чѣмъ юныхъ дѣвъ во храмѣ обольщать,
Ты предприми достойный мужа подвигъ.
И ждемъ тебя мы къ будущему лѣту
Назадъ со славой, главное же — съ данью.
Не то — презрѣннымъ трусомъ будешь ты
И осужденъ на вѣчное изгнанье.
Такъ онъ рѣшилъ, и тингу былъ конецъ.

ИНГЕБОРГА.

Что жъ ты?

ФРИТІОФЪ.

Мнѣ выбора не остается;
Онъ честь мою связалъ своимъ велѣньемъ.
Я искуплю ее, хотя бы ярлъ
Скрылъ золото свое въ рѣкахъ Настранда [1]).
Сегодня жъ въ путь.

ИНГЕБОРГА.

И ты меня покинешь?

ФРИТІОФЪ.

Нѣтъ, ты со мной отправишься.

ИНГЕБОРГА.

Нельзя!

ФРИТІОФЪ.

Постой: сперва ты выслушай меня.
Твой мудрый братъ, какъ кажется, забылъ,
Что Ангантиръ съ родителемъ моимъ
Былъ друженъ, какъ и съ Беломъ: можетъ быть,
Онъ добровольно должное заплатитъ.
Не то — со мной есть сильный увѣщатель:
Его ношу на лѣвомъ я бедрѣ.
Я Гелгу злато милое пошлю
И тѣмъ навѣки отвращу отъ насъ
Кровавый ножъ вѣнчаннаго лукавца.

---

[1]) Подземная обитель мертвецовъ, гдѣ протекаютъ ядовитыя рѣки (Na=навіе, трупъ).

А сами, Ингеборга, мы распустимъ
Эллиды парусъ на моряхъ безвѣстныхъ,
И пріютитъ гонимую любовь
Какой-нибудь гостепріимный берегъ.
Что̀ Сѣверъ мнѣ, что̀ для меня народъ,
Блѣднѣющій при голосѣ жрецовъ
И дерзко посягающій на право
Владѣть святыней сердца моего?
Клянуся Фреей, не успѣютъ въ томъ.
Презрѣнный рабъ къ клочку земли прикованъ,
Гдѣ родился; а я хочу быть воленъ,
Какъ горный вѣтръ. Двѣ горсти праха съ холмовъ
И Торстена и Бела умѣстятся
На кораблѣ: вотъ все, что мы отсюда
Возьмемъ съ собой, иного намъ не нужно.
Не правда-ль, другъ мой, тускло блещетъ солнце
Надъ снѣговыми нашими горами?
Но есть другое небо, есть края,
Гдѣ нѣтъ зимы, гдѣ лѣтней ночью звѣзды
Божественно-сіяющія смотрятъ
На любящихъ въ сѣни лавровой рощи.
Отецъ мой Торстенъ плавалъ далеко,
Нося войну: зимою въ долгій вечеръ
Онъ предъ огнемъ разсказывалъ мнѣ часто
О морѣ Греческомъ, объ островахъ
И рощахъ посреди прозрачныхъ водъ.
Тамъ сильное цвѣло когда-то племя
И жили боги въ мраморныхъ божницахъ;
Но ужъ давно покинуты тѣ храмы,
Травой покрылися вкругъ нихъ тропинки;
Печальный мохъ растетъ на письменахъ,
Хранящихъ память мудрой старины,
И величаво-стройные столпы
Обвиты пышной зеленью полудня.
Въ краю томъ жатва всходитъ безъ посѣва,
Земля все нужное сама рождаетъ;
И яблоки тамъ рдѣютъ золотыя
И лозы гнетъ пурпурный виноградъ,
Роскошно-круглый, какъ твои уста.
Тамъ на волнахъ свой сѣверъ мы устроимъ;
Пріютнѣй, краше здѣшняго онъ будетъ.
Тамъ капища пустыя мы наполнимъ
Своей любовію; боговъ забытыхъ

Возвеселимъ блаженствомъ человѣка.
Когда жъ пловецъ, вѣтрила опустивъ
(Тотъ край не знаетъ бурь), пройдетъ случайно
Предъ островкомъ порой зари вечерней
И ясный взоръ съ румяныхъ водъ подыметъ
На берегъ нашъ, — вдругъ на порогѣ храма
Онъ новую увидитъ Фрею (тамъ
Богиню Афродитою зовутъ),
И будетъ онъ дивиться золотымъ
Ея кудрямъ, раскинутымъ по вѣтру,
Ея очамъ, какъ небо юга свѣтлымъ.
Промчатся годы — и вокругъ нея
Цвѣсть будетъ въ храмѣ племя крошекъ-альфовъ.
Подумаешь, любуясь ихъ румянцемъ,
Что полдень пламенный свои всѣ розы
Пересадилъ въ полночные снѣга.
Ахъ, Ингеборга! какъ земное счастье
Легко доступно любящимъ сердцамъ!
Намъ за него лишь ухватиться стóитъ,
Оно само послѣдуетъ за нами
И здѣсь уже устроитъ намъ Валгаллу.
Пойдемъ, пойдемъ! не съ каждымъ ли мы словомъ
Бросаемъ мигъ блаженства? Все готово:
Уже Эллида распустила крылья
Орлиныя, ужъ вѣтры кажутъ путь
Навѣки вдаль отъ края изувѣрства.
Чтожъ медлишь ты?

Ингеборга.

Нельзя мнѣ за тобой.

Фритіофъ.

За мной нельзя?

Ингеборга.

Ахъ, Фритьофъ, счастливъ ты!
Въ своемъ пути нейдешь ты ни за кѣмъ;
Какъ твой корабль, ты самъ впередъ стремишься;
Твое кормило — собственная воля,
И твердою рукой ты направляешь
Свой смѣлый бѣгъ надъ гнѣвными волнами.
А я... въ чужихъ рукахъ моя судьба;
Жестокіе добычи не упустятъ,

Будь вся она въ крови. Отдать себя
На жертву имъ, истаевать отъ горя
И слезы лить — вотъ вся моя свобода.

Фритіофъ.

Но захоти — и выйдешь изъ неволи.
Родитель твой въ курганѣ...

Ингеборга.

Старшій братъ,
По смерти Бела, сталъ отцомъ моимъ:
Моей рукой располагаетъ онъ,
И никогда не соглашуся я
Тайкомъ похитить счастіе мое.
Нѣтъ, не напрасно приковалъ Альфадеръ
Насъ, женщинъ слабыхъ, къ твердой волѣ мужа!
И чтò бы съ нами сталося, когда бъ
Мы вздумали тѣ узы разорвать?
Лилея водяная, вотъ нашъ образъ.
Съ волной встаетъ она, съ волною никнетъ.
Надъ ней пловецъ идетъ, не замѣчая,
Что дномъ ладьи онъ рѣжетъ стебль ея.
И счастлива она еще, пока
Стоитъ, въ пескѣ утверждена корнями,
И бѣлизну заимствуетъ у звѣздъ,
Сама — звѣзда надъ синей глубиной.
Но оторвись она, — средь волнъ пустынныхъ
Носиться ей, какъ желтому листу.
Въ ночь прошлую (та ночь была ужасна!)
Я все ждала тебя, и ты не шелъ,
И дѣти ночи, сумрачныя думы,
Съ распущенными черными кудрями
Влачились предъ моимъ пылавшимъ окомъ,
Лишеннымъ сна и благотворныхъ слезъ;
И Бальдеръ самъ, безкровный богъ, смотрѣлъ
Съ угрозою во взорахъ на меня.
Въ ту ночь обдумала я жребій свой;
И вотъ мое рѣшенье: остаюсь
Безропотно при жертвенникѣ брата.
Благодарю, что не пришелъ тогда
Ты съ сказками объ островахъ своихъ,

Гдѣ не блѣднѣетъ алый блескъ заката,
Гдѣ вѣчный миръ, гдѣ вѣчная любовь.
Кто за себя рѣшится быть порукой?
Вотъ и теперь внезапно грёзы дѣтства,
Въ душѣ моей затихшія давно,
Проснулись... ахъ! ихъ шопотъ такъ знакомъ!
Родной сестры, возлюбленнаго голосъ
Не сладостнѣй. О, замолчите, звуки
Волшебные! я слушать васъ боюсь.
И что̀ бы дѣлать стала я на югѣ, —
Я, сѣвера дитя? Не сто́ю я
Розъ тамошнихъ: я такъ блѣдна предъ ними;
Все тамъ огонь, а я такъ холодна!
Меня бъ сожгло полуденное солнце;
Я все бъ искала Сѣверной звѣзды
Тамъ взорами: она, какъ горній стражъ,
Блюдетъ съ небесъ могилы нашихъ предковъ.
Мой благородный Фритьофъ не покинетъ
Родной страны: хранить ее онъ долженъ;
Онъ не пожертвуетъ своею славой
Такой игрушкѣ, какъ любовь дѣвичья.
Что̀ жизнь, когда изъ года въ годъ всѣ дни
Однообразно тянутся, и съ каждымъ
Приходитъ вновь знакомое вчера?
Такая жизнь для женщины годится;
Но тягостна была бъ она для мужа,
А для тебя убійственна. Ты счастливъ,
Когда надъ бездной буря вкругъ тебя
На опѣненномъ прядаетъ конѣ,
А ты съ ладьи своей на жизнь и смерть
Съ опасностью сражаешься за честь.
Пустынный рай, куда ты манишь, сталъ бы
Могилою дѣяній нерожденныхъ;
Заржавѣлъ бы твой щитъ, увялъ бы въ скукѣ
Свободный духъ твой. Нѣтъ, тому не быть!
Нѣтъ, за меня не пропадетъ мой Фритьофъ:
Я не украду имени его
Изъ пѣсенъ скальдовъ; я не дамъ погаснуть
Всходящей славѣ моего героя.
Мой другъ, будь мудръ! уступимъ грознымъ Норнамъ:
Все отдадимъ, но честь свою спасемъ;
Мы счастія спасти уже не можемъ,
Должны разстаться.

Фритіофъ.

Почему жъ должны?
Не потому ль, что ты безсонной ночью
Разстроена?

Ингеборга.

Нѣтъ, потому что должно
Намъ сохранить достоинство свое.

Фритіофъ.

Вамъ, женщинамъ, достоинство дается
Лишь нашею любовью.

Ингеборга.

Не прочна
И самая любовь безъ уваженья.

Фритіофъ.

Упрямствомъ трудно заслужить его.

Ингеборга.

Любить свой долгъ — похвальное упрямство.

Фритіофъ.

Вчера былъ долгъ въ ладу съ любовью нашей.

Ингеборга.

И нынче, но бѣжать онъ запрещаетъ.

Фритіофъ.

Бѣжать велитъ необходимость намъ.

Ингеборга.

Лишь благородное необходимо.

Фритіофъ.

Ужъ солнце высоко, проходитъ время.

Ингеборга.

Увы! оно прошло ужъ невозвратно.

Фритіофъ.

Итакъ, рѣшенья ты не перемѣнишь?
Подумай...

Ингеборга.

Все обдумано давно.

Фритіофъ.

Прости же, Гелгова сестра, прости!

Ингеборга.

О Фритьофъ, Фритьофъ! такъ ли разлучимся?
Или для той, кого любилъ ты въ дѣтствѣ,
Ужъ у тебя нѣтъ ласковаго взгляда?
Уже руки подать ты не умѣешь
Несчастной, прежде милой для тебя?
Иль мыслишь ты, что я стою на розахъ,
Что я могла, смѣясь, отвергнуть счастье,
Что я безъ мукъ могла изъ сердца вырвать
Надежду, будто сросшуюся съ нимъ?
Ты былъ сномъ утреннимъ души моей!
Я Фритьофомъ привыкла радость звать;
Все, что ни есть высокаго, святого,
Въ моихъ глазахъ твой образъ принимало.
Не помрачай же ты его, не будь
Жестокъ къ безпомощной, когда она
Всѣмъ жертвуетъ, что ей ни мило здѣсь,
Что дорого ей будетъ и въ Валгаллѣ.
Вѣрь, жертва не легка: одну хоть ласку
Мнѣ за нее ты брось! иль я не стóю?
Нѣтъ, Ингеборгу любишь ты, — я знаю,
Я знала то съ разсвѣта дней моихъ.
Ты сохранишь мое воспоминанье
На много лѣтъ, куда бы ни пошелъ.
Но наконецъ шумъ битвъ тоску прогонитъ;
Средь дикихъ волнъ ее развѣетъ буря,
И не дерзнетъ незваная сидѣть

Межъ воиновъ, пирующихъ побѣду.
Лишь изрѣдка, когда въ тиши ночной
Дни прошлые обозрѣвать ты будешь,
Вдругъ промелькнетъ межъ нихъ поблекшій образъ;
Его узнаешъ ты, онъ принесетъ
Тебѣ поклонъ отъ милыхъ мѣстъ; то будетъ
Ликъ блѣдной дѣвы Бальдерова храма.
Печаленъ будетъ онъ, но ты его
Не отгоняй, ему шепни ты слово
Привѣтное: ночные вѣтерки
На вѣрныхъ крыльяхъ мнѣ примчатъ то слово,
И хоть одно найду я утѣшенье! —
Меня ничто не будетъ развлекать.
Все будетъ лишь питать мою печаль;
Лишь о тебѣ великолѣпный храмъ
Напоминать мнѣ будетъ; образъ бога,
Сіяніемъ луны тамъ озаренный,
Не гнѣвный видъ, — твои черты возьметъ.
Взгляну ли на̀ море: сквозь пѣну волнъ
Ладья твоя не разъ плыла ко мнѣ,
Когда тебя на берегу ждала я.
Взгляну ль на рощу: тамъ въ кору деревьевъ
Ты всюду врѣзалъ имя Ингеборги.
Но зарастетъ кора — исчезнетъ имя,
А по преданью—это значитъ смерть.
У дня ль спрошу, гдѣ видѣлъ онъ тебя;
У ночи ли — я не дождусь отвѣта,
И даже море, гдѣ тогда ты будешь,
На мой вопросъ отвѣтитъ только стономъ.
Въ вечерній часъ, когда въ волнахъ твоихъ
Златое солнце будетъ погасать,
Я съ нимъ тебѣ привѣтъ любви пошлю,
И жалобу тоскующей не разъ
Возьметъ съ собой корабль воздушный — туча.
Такъ буду я сидѣть въ моей палатѣ
Вдовицей счастья въ черномъ одѣяньи
И въ ткань вшивать поблекшія лилеи,
Пока весна, соткавъ другую ткань,
На ней не вышьетъ новыхъ, лучшихъ лилій
Вокругъ моей могилы. Иногда
Я захочу въ напѣвахъ заунывныхъ
Излить свою глубокую тоску;
Но арфу взявъ, заплачу... какъ теперь.

Фритіофъ.

Ты побѣдила: полно, полно плакать!
Прости мнѣ гнѣвъ — нѣтъ, то была печаль,
И лишь на мигъ преобразилась въ гнѣвъ.
Дочь Бела, ты моя благая Норна:
Прекрасному прекрасная душа
Вѣрнѣй всего насъ можетъ научить.
Краснорѣчивѣе тебя никто бы
Не доказалъ, какъ мудро покоряться
Необходимости: о Ингеборга, —
Ты дивная, ты розовая Вала!
Да, я готовъ послушаться тебя:
Разстануся съ тобой, но не съ надеждой;
Ее умчу въ далекія моря,
Она со мной до самыхъ вратъ могилы.
Придетъ весна, и вновь я буду здѣсь;
Надѣюсь, Гелгъ опять меня увидитъ.
Тогда обѣтъ мой будетъ совершенъ
И мнимая заглажена вина:
Я вновь явлюсь просить твоей руки, —
Нѣтъ, не просить, а требовать приду
На тингъ среди сверкающихъ мечей,
И не у Гелга, — у народа. Онъ —
Твой опекунъ, о конунгова дочь!
А на отказъ есть у меня отвѣтъ.
Прости дотоль; не забывай меня;
Въ воспоминанье дѣтской дружбы нашей
Возьми мое запястье: вотъ оно,
Прекрасное творенье божества;
На немъ ты видишь неба чудеса;
Но вѣрность — первое изъ всѣхъ чудесъ.
Какъ золото къ рукѣ твоей пристало!
Предъ нимъ она еще бѣлѣй: то, мнится,
Лилеи стебль, обвитый свѣтлякомъ!
Прости, невѣста! милая, прости!
Чрезъ краткій срокъ счастливѣе мы будемъ.

(Уходитъ).

Ингеборга.

Какъ веселъ онъ, какъ смѣлъ, какъ полнъ надежды!
Онъ къ сердцу Норны твердо приложилъ
Конецъ меча, и говоритъ: назадъ!

Нѣтъ, бѣдный Фритьофъ, не уступитъ Норна;
На зло мечу, она идетъ все прямо.
О, какъ еще ты мало знаешь Гелга!
Геройская душа твоя не можетъ
Постигнуть мрачныхъ помысловъ его,
Ни всей вражды, какая пламенѣетъ
Въ его завистливомъ, коварномъ сердцѣ.
Онъ никогда не выдастъ за тебя
Своей сестры; скорѣй отдастъ вѣнецъ,
Скорѣе жизнь, а мною безпощадно
Пожертвуетъ иль старому Одину,
Иль даже Рингу, своему врагу. —

Такъ для меня уже надежды нѣтъ,
Но бодръ и веселъ ты — чего жъ мнѣ болѣ?
Пусть буду я скорбѣть въ своей неволѣ;
А за тобой да идутъ боги вслѣдъ!
Ахъ! мѣсяцамъ печали необъятной
Я на запястьи счетъ могу вести;
Чрезъ пять или шесть ты приплывешь обратно;
Но здѣсь меня тебѣ ужъ не найти.

IX.

Плачъ Ингеборги.

Осень шумитъ;
Бурею синее море кипитъ.
Но какъ желала бъ я нынѣ
Плыть по пучинѣ!

Долго вдали
Взоромъ слѣдила я парусъ ладьи:
Счастливъ! съ нимъ Фритьофъ любезный
Мчится надъ бездной.

Бездна! уймись;
Или еще имъ быстрѣе нестись?
Звѣзды! горите, горите,
Другу свѣтите.

Долъ зацвѣтетъ, —
Фритьофъ воротится; но не найдетъ
Онъ ни въ чертогѣ, ни въ полѣ
Милой ужъ болѣ.

Будетъ въ землѣ
Спать она съ миромъ на хладномъ челѣ,
Или, отъ братьевъ страдая,
Плакать, — живая.

Брошенный имъ,
Соколъ! ты будешь любимцемъ моимъ;
Ты не замѣтишь утраты,
Ловчій крылатый!

Изъ серебра
Вышью тебя я въ узорѣ ковра, —
У жениха надъ рукою, —
Съ ножкой златою.

У соколà
Крылья скорбѣвшая Фрея брала:
Съ сѣвера къ югу летала,
Бога искала [1]).

Крылья твои
Прочь унести бы меня не могли.
Знаю: мнѣ дастъ лишь могила
Вѣрныя крыла.

Соколъ, сиди
Здѣсь на плечѣ и на море гляди!
Тщетно: какъ сердце ни рвется,
Онъ не вернется.

Онъ мой конецъ
Прійдетъ оплакивать; ты же, ловецъ,
Друга привѣтомъ отъ милой
Встрѣть надъ могилой!

X.

Фритіофъ на-морѣ.

Гелгъ, коварства полнъ,
У моря стоялъ;
Пѣніемъ изъ волнъ
Злыхъ чудовищъ звалъ.

---

[1]) Супруга своего, Эдера.

Страшно небо вдругъ стемнѣло,
Громъ пронесся въ вышинѣ,
Море въ безднахъ закипѣло,
Стало пѣниться извнѣ.
Вотъ кровавыми браздами
Тучи блещутъ здѣсь и тамъ;
Птицы съ крикомъ надъ волнами
Быстро мчатся къ берегамъ. —

„Быть погодѣ, братья!
Слышите ль, какъ буря
Бьетъ вдали крылами?
Но не намъ блѣднѣть.
Ты, покойся въ рощѣ,
Плачь по мнѣ въ разлукѣ,
Милая невѣста,
Милая въ слезахъ!"

Вотъ спѣшатъ къ пловцамъ
Два чудовища въ бой:
Справа бурный Гамъ,
Слѣва Гейдъ льдяной.

Буря крылья расширяетъ;
То стремитъ ихъ въ глубину,
То крутяся улетаетъ
Къ Асамъ въ горнюю страну.
И выноситъ мрака силы
На хребтѣ своемъ волна
Изъ клокочущей могилы
Безъ предѣловъ и безъ дна.

„Сладостнѣе было
При сіяньи лунномъ
Плавать къ тихой рощѣ
По стеклу зыбей.
О, теплѣй въ объятьяхъ
Нѣжной Ингеборги,
Ярче бѣлой пѣны
Блещетъ грудь ея." —

Изъ валовъ сѣдыхъ
Острова встаютъ:
Тише около нихъ;
Кормчій! тамъ пріютъ.

Но спокоенъ вождь средь моря
На родимомъ кораблѣ;
Бодро, съ ярымъ вѣтромъ споря,
Самъ стоитъ онъ при рулѣ.
Онъ косѣй вѣтрило ставитъ,
Онъ сѣчетъ валы быстрѣй,
И на западъ смѣло правитъ
По хребту сѣдыхъ зыбей.

„Весело мнѣ, братья,
Съ бурею бороться:
Бурѣ и Норманну
На-морѣ житье.
Ингеборгѣ стыдно бъ
Стало, если бъ въ пристань
Полетѣлъ отъ вѣтра
Вѣрный ей орелъ".

—

Валъ растетъ. Кипитъ
Страшно въ глубинѣ,
И въ снастяхъ свиститъ
И трещитъ на днѣ.

Но пускай неугомонно
Ополчается волна:
Для Эллиды крѣпкодонной
Ярость бури не страшна;
И падучею звѣздою
Дочь боговъ свершаетъ путь,
Скачетъ серной молодою
Черезъ пропасть, черезъ круть.

„Слаще были въ храмѣ
Дѣвы поцѣлуи,
Чѣмъ соленой пѣны
Брызги на устахъ.
Сладостнѣе было
Обнимать невѣсту,
Нежели кормило
Здѣсь въ рукахъ держать".

———

Съ тучи снѣгъ валитъ,
Вѣетъ лютый хладъ,
На помостъ и щитъ
Съ шумомъ сыплетъ градъ.

Все сокрылося въ туманѣ;
На ладьѣ со всѣхъ сторонъ
Мгла густая, какъ въ курганѣ,
Гдѣ воитель погребенъ.
Околдованъ, валъ взлетаетъ
На пловца, разсвирѣпѣвъ,
И пучина разверзаетъ
Жадно пепельный свой зѣвъ.

„Синее намъ ложе
Стелетъ въ безднахъ Рана [1]);
Но меня подушки
Ингеборги ждутъ.
Люди дружно машутъ
Веслами Эллиды;
Киль богами строенъ,
Вынесетъ борьбу.“

Рать ревущихъ водъ
Бѣшено бѣжитъ
На корабль, и вотъ
Весь помостъ залитъ.

Вождь запястье дорогое
Снялъ съ руки; ему оно,
Лучезарно-золотое,
Прежнимъ конунгомъ дано.
Онъ запястье разрубаетъ
(Карлы дѣлали его)
И межъ ратныхъ раздѣляетъ,
Не забывъ ни одного.

„Отправляясь сватать,
Златомъ запасайтесь;
Къ Ранѣ безъ подарковъ
Не ходи никто.
Ледъ — ея лобзанья,
Станъ бѣжитъ объятій,
Золотомъ лишь дѣву
Моря удержать“.

[1]) Богиня морской пучины.

Яростнѣй стократъ
Буря поднялась;
Пополамъ канатъ,
Рея сорвалась.

Волны прядаютъ, всечасно
Поглотить корабль грозя;
Люди — черпать, но напрасно —
Моря вычерпать нельзя.
Фритьофъ видитъ: ужъ нѣмая
Смерть на палубѣ сидитъ;
Но, пучину заглушая,
Голосъ викинга гремитъ:

„Бьёрнъ, сюда! медвѣжьей [1])
Въ руль вцѣпися лапой;
Буря не богами
Нынѣ послана.
То затѣи Гелга:
Знать, онъ злыя чары
Вызвалъ изъ пучины;
Взлѣзу, посмотрю“.

Вверхъ по мачтѣ онъ
Бѣлкою взлетѣлъ;
На пустыню волнъ
Съ высоты глядѣлъ.

Вотъ, какъ островъ, на Эллиду
Китъ несется, и на немъ
Отвратительныя съ виду
Два чудовища верхомъ:
Гейдъ, подъ шубой снѣговою,
Бѣлый то медвѣдь на взглядъ;
Гамъ, морской орелъ; грозою
Крылья черныя шумятъ.

„Докажи, Эллида,
Что въ груди дубовой,
Жесткой какъ желѣзо,
Храбрый носишь духъ.

[1]) Въ подлинникѣ игра словъ: *Björn* значитъ *медвѣдь*.

Выслушай приказъ мой:
Если дочь боговъ ты,
Грянь и мѣднымъ килемъ
Звѣря порази.“

И узнала та
Богатырскій кликъ
И на грудь кита
Наскочила вмигъ.

Раненъ китъ; дымяся, прянулъ
Лучъ кровавый въ вышину;
Звѣрь, насквозь пронзенный, канулъ
Съ ревомъ къ илистому дну.
Взявъ два дрота, вправо, влѣво
Разомъ мещетъ ихъ герой,
И одинъ въ медвѣжье чрево,
Въ грудь орла впился другой.

„Честь тебѣ, Эллида!
Изъ кровавой тины
Выбьется не скоро
Конунга драконъ.
Гейдъ и Гамъ надъ моремъ
Болѣе не властны;
Жесткое желѣзо
Пагубно кусать.“

И гроза молчитъ,
Отданъ миръ водамъ;
Лишь бурунъ бѣжитъ
Къ ближнимъ островамъ.

Показалось дня свѣтило,
Будто конунгъ средь палатъ:
Долъ и воды и вѣтрило
Оживилъ его возвратъ.
Вечеръ въ пурпуръ облекаетъ
Скалы, рощи и луга.
И дружина отличаетъ
Эфьезунда берега [1]).

---

[1]) На Оркнейскихъ островахъ

„Трепетныя дѣвы, —
Просьбы Ингеборги, —
Вознеслись и пали
Предъ богами въ прахъ.
Слезы ихъ и вздохи
Изъ лебяжьихъ персей
Преклонили Асовъ:
Благодарность имъ!"

Но Эллиду китъ
Въ битвѣ поразилъ;
Чуть она скользитъ
Въ изнуреньи силъ.

Изнурился отъ тревоги
И народъ на ней: съ трудомъ
Удалые движутъ ноги,
Подпираяся мечомъ.
Вотъ на берегъ Бьёрнъ могучій
Переноситъ четверыхъ;
Фритьофъ предъ огонь трескучій
Съ плечъ слагаетъ восьмерыхъ

„Не стыдитесь, мужи!
Валъ — могучій викингъ;
Тягостно бороться
Съ дѣвами морей.
Вотъ и рогъ медовый
Съ ножкой золотою;
Члены онъ согрѣетъ...
Пью невѣстѣ въ честь!"

XI.

Фритіофъ у Ангантира.

Теперь мы скажемъ слово
О томъ, какъ Ангантиръ
Во храминѣ сосновой
Давалъ дружинѣ пиръ.

Онъ съ радостью во взорѣ
Смотрѣлъ на путь морской;
Садилось солнце въ море,
Какъ лебедь золотой.

На стражѣ Гальваръ вѣрный
Подъ окнами стоялъ;
Старикъ былъ стражъ примѣрный,
Но медъ не забывалъ.
Водилось у сѣдого:
До дна всегда пить рогъ
И, не сказавъ ни слова,
Бросать его въ чертогъ.

И вотъ онъ рогъ бросаетъ
Въ палату, и поетъ:
„Ладья къ намъ подплываетъ,
Невесело идетъ.
Блѣдна на ней дружина;
Вотъ, вотъ ужъ пристаютъ;
Два сильныхъ исполина
Полуживыхъ несутъ.“

И ярлъ въ окнѣ приникнулъ
Надъ зеркаломъ зыбей.
„Эллида!“ онъ воскликнулъ:
„И, мнится, Фритьофъ съ ней.
По стану, взору явно,
Что Торстена то сынъ;
Такъ смотритъ Фритьофъ славный
На сѣверѣ одинъ.“

И отъ стола проворно
Кровавый Атлій всталъ;
Берсеркъ съ брадою черной,
Онъ дико закричалъ:
„Пусть Фритьофъ голосъ міра
На дѣлѣ подтвердитъ,
Что онъ не проситъ мира,
Что онъ мечи тупитъ.“

И вспрыгнулъ съ нимъ мгновенно
Свирѣпыхъ воевъ строй,
Махая изступленно
Мечомъ и булавой;
И ринулся грозою
На берегъ, гдѣ лежалъ
Герой съ своей толпою
И бодрость ей внушалъ.

„Сразить тебя легко бы,“
Завылъ Берсеркъ лихой:
„Но я даю, безъ злобы,
Избрать побѣгъ иль бой.
Когда жъ попросишь мира,
Тотчасъ, какъ друга, я
Къ чертогу Ангантира
Готовъ вести тебя.

— „Измученъ я!“ сурово
Отвѣтствовалъ герой:
„Но было бы мнѣ ново
Просить о мирѣ, — въ бой!“ —
Съ симъ словомъ заблистали
Мечи въ рукахъ мужей;
У Фритьофа на стали
Явился рядъ огней.

И бой пылаетъ ярый,
И сыплются, какъ градъ,
Смертельные удары:
Въ куски щиты летятъ!
Нетрепетные въ спорѣ,
Бойцы еще стоятъ;
Но Ангурвадель вскорѣ
Сломилъ врага булатъ.

„Того, кто безоруженъ,
Не бью“, сказалъ герой:
„Мнѣ мечъ уже не нуженъ,
Грудь съ грудью вступимъ въ бой!“
Какъ волны, понеслися
Другъ на̀ друга они,
И будто бы срослися
Стальныя ихъ брони.

Такъ два медвѣдя бьются
Надъ снѣжною скалой;
Такъ два орла дерутся
Надъ бурной глубиной:
Подъ мощными бойцами
Утёсъ бы задрожалъ;
Захваченъ ихъ руками,
И дубъ бы крѣпкій палъ.

Съ нихъ потъ течетъ струями;
Уже въ груди ихъ хладъ:
Тяжелыми стопами
Скрытъ камень, кустъ измятъ.
При видѣ битвы страшной
Рядъ латниковъ дрожитъ;
Сталъ бой тотъ рукопашный
Повсюду знаменитъ.

Но Фритьофъ повергаетъ
Берсерка наконецъ;
Колѣно нажимаетъ
На грудь его боецъ.
„Будь только мечъ со мною,“
Онъ гнѣвно возопилъ:
„Я бъ сталью огневою
Тотчасъ тебя пронзилъ!“

Рази! въ твоей то волѣ!“
Отвѣтилъ гордый врагъ:
„Возьми булатъ свой въ полѣ,
Не тронусь я никакъ.
Мы оба по кончинѣ
Въ Валгаллѣ будемъ жить:
Къ богамъ пойду я нынѣ,
Ты—завтра, можетъ быть.“

И Фритьофъ поспѣшаетъ
Прервать потѣху съ нимъ:
Онъ мечъ ужъ подымаетъ,
Но Атлій недвижимъ.
Предъ доблестью такою
Забылъ воитель брань,
И, бросивъ мечъ, герою
Простеръ привѣтно длань.

Тутъ Гальваръ, тростью бѣлой [1])
Махая, закричалъ:
„Пора! за вами дѣло,
За дракой пиръ нашъ сталъ.
Серебряныя блюда
Давно ужъ на столахъ,
Все стынетъ здѣсь посуда,
Отъ жажды я зачахъ.“

---

[1]) Знакъ примиренія.

Въ чертогъ бойцы лихіе
Вошли рука съ рукой;
Здѣсь многое впервые
Увидѣлъ гость младой.
Не доски онъ нагія
Увидѣлъ на стѣнахъ,
Но кожи золотыя
Въ узорахъ и цвѣтахъ [1]).

И пламя не горѣло
Въ срединѣ на полу;
Изъ мрамора тамъ бѣлый
Каминъ стоялъ въ углу.
Не стлался дымъ; ни пыли,
Ни сажи на стѣнахъ:
Тамъ въ окнахъ стёкла были,
Замки на всѣхъ дверяхъ.

Подсвѣчниковъ вѣтвистыхъ
Тамъ рядъ сребромъ блисталъ,
И трескъ лучинъ смолистыхъ
Гостямъ не докучалъ.
И вотъ стоитъ жаркое —
Олень на всѣхъ ногахъ;
Копыто золотое
И зелень на рогахъ.

У ратныхъ за спиною
По дѣвушкѣ стоитъ:
За тучей громовою
Такъ звѣздочка горитъ.
Тамъ глазки пламенѣютъ,
Тамъ вьется шелкъ кудрей,
Тамъ ярко губы рдѣютъ,
Какъ розы межъ лилей.

Вотъ ярлъ сидитъ, возвышенъ;
Изъ серебра весь тронъ;
Шеломъ, какъ солнце, пышенъ,
И панцырь позлащёнъ.

---

[1]) На Оркадскихъ островахъ, благодаря торговымъ сношеніямъ съ югомъ Европы, царствовало издавна великолѣпіе, какого не могло быть въ отчизнѣ Фритіофа.

Звѣздами плащъ сіяетъ,
И бѣлый горностай
Богато опушаетъ
Его пурпурный край.

Впередъ съ привѣтнымъ взглядомъ
Онъ три шага ступилъ,
И руку далъ, и рядомъ
Съ собою сѣсть просилъ.
„Нерѣдко здѣсь, бывало,
Я съ Торстеномъ пилъ медъ;
Пусть сынъ его удалой
Почетный стулъ займетъ.“

Онъ кубокъ налилъ полный
Сициліи виномъ;
Кипитъ оно какъ волны
И искрится огнемъ.
„Мнѣ зрѣть тебя пріятно,
Сынъ друга моего!
Я пью съ дружиной ратной
Въ честь памяти его!“

Морвены [1]) бардъ искусный
Взялъ арфу и запѣлъ:
Въ кельтійскихъ [2]) звукахъ грустный
Напѣвъ его гремѣлъ.
За нимъ, какъ пѣли дѣды,
Нордландіи пѣвецъ
Пѣлъ Торстена побѣды,
И взялъ хвалы вѣнецъ.

Въ разспросы ярлъ вступаетъ
О сѣверныхъ друзьяхъ,
И Фритьофъ отвѣчаетъ
Въ отборнѣйшихъ словахъ.
Всѣмъ правдой воздавая,
Спокойно судитъ онъ,
Какъ Сага, возсѣдая
Въ святилищѣ временъ.

---

[1]) Сѣверная Шотландія.

[2]) Языкъ Кельтовъ господствовалъ на Оркадскихъ островахъ, пока скандинавскіе переселенцы не замѣнили его своимъ.

Потомъ онъ велъ бесѣду
О плаваньи своемъ,
Описывалъ побѣду
Эллиды надъ китомъ.
Герои потѣшались,
Съ улыбкой ярлъ внималъ,
И стѣны оглашались
Немолчнымъ гуломъ хвалъ.

Потомъ объ Ингеборгѣ,
Плѣнительной въ слезахъ,
Онъ рѣчь завелъ въ восторгѣ·
Съ румянцемъ на щекахъ
Красавицы украдкой
Тутъ начали вздыхать:
Имъ руку было бъ сладко
У вѣрнаго пожать.

Затѣмъ краснорѣчиво
Онъ къ дѣлу приступилъ;
Дослушавъ терпѣливо,
Хозяинъ возразилъ:
„Мы дани не платили,
Я не былъ покорёнъ;
Хоть Белу въ честь мы пили,
Намъ чуждъ его законъ.

Сыновъ его не знаю;
Когда нужна имъ дань,
Съ мечомъ ихъ приглашаю:
Готовы мы на брань.
Но такъ какъ всѣхъ дороже
Мнѣ былъ родитель твой...“
Тутъ дочери пригожей
Онъ подалъ знакъ рукой.

Игрива, какъ ребенокъ,
Вспрыгнувъ, бѣжитъ она;
Какъ станъ у ней былъ тонокъ,
Какъ грудь была полна!
Во впадинкѣ ланиты
Сидѣлъ любви божокъ,
Какъ въ розанѣ прикрытый
Листками мотылекъ...

Но вотъ она у двери
Съ зеленымъ кошелькомъ;
На немъ истканы звѣри,
Луна за облачкомъ
И море съ парусами;
Рубиновый замокъ;
Изъ золота кистями
Украшенъ кошелёкъ.

Его отъ свѣтлоокой
Родитель получилъ
И золотомъ, далеко
Чеканеннымъ, набилъ:
„Вотъ даръ мой въ знакъ привѣта;
Что̀ хочешь, дѣлай съ нимъ;
Но только ужъ до лѣта
Будь гостемъ ты моимъ.

Гордись своей отвагой;
Но время бурь теперь:
И Гейдъ и Гамъ надъ влагой
Вновь явятся, повѣрь.
Эллида такъ удачно
Не всякій разъ прыгнетъ;
Китовъ въ пучинѣ мрачной
Никто не перечтетъ.“

Такъ длилося веселье,
А день ужъ наступалъ;
Лишь радость, не похмѣлье
Вливалъ златой бокалъ;
Къ концу, за Ангантира
Пилъ шумно цѣлый столъ.
Среди забавъ и мира
Такъ Фритьофъ зиму велъ.

XII.

Возвращеніе Фритіофа.

Вновь дышитъ небо весной, и долъ,
Согрѣтый ею, опять зацвѣлъ.
Вотъ съ ярломъ Фритьофъ уже простился,
И въ путь по свѣтлымъ зыбямъ пустился;
Вновь черный лебедь подъ нимъ плыветъ,

И слѣдъ сребристый чрезъ гладь ведетъ.
Эллиду вѣтеръ къ востоку гонитъ,
И соловьемъ въ парусахъ онъ стонетъ;
Въ покровахъ синихъ рой дѣвъ морскихъ [1])
Ладью толкаетъ средь игръ своихъ.
О, какъ отрадно вращать кормило,
Плывя изъ странствій къ отчизнѣ милой!
Съ родимой кровли тамъ дымъ встаетъ,
Тамъ память дѣтскихъ забавъ живетъ;
Ручей знакомо журчитъ въ полянахъ,
И тихо дремлютъ отцы въ курганахъ,
И дѣва всходитъ на темя горъ,
И ждетъ, и къ морю склоняетъ взоръ. —
Шесть дней плылъ Фритьофъ; съ седьмой зарёю
Край неба черной темнѣлъ каймою;
И быстро, быстро растетъ она:
Ужъ видны шеры [2]), земля видна, —
Земля родная! вѣнчая море,
Лѣса тамъ блещутъ въ своемъ уборѣ;
Ужъ вѣтръ оттолѣ шумъ водъ принесъ,
Съ гранитной грудью предсталъ утесъ.
Вотъ мысъ, вотъ бухта; герой съ привѣтомъ
Плыветъ предъ рощей, гдѣ прошлымъ лѣтомъ —
Мечтатель пылкій — въ полночный часъ
Онъ съ Ингеборгой сидѣлъ не разъ.
„Гдѣ жъ нынѣ дѣва? ужель унылой
Не шепчетъ сердце, какъ близокъ милый?
Быть можетъ, ею покинутъ храмъ;
Въ чертогѣ сидя, быть-можетъ, тамъ
Въ слезахъ на арфѣ она играетъ!“ —
Вдругъ съ кровли храма къ пловцу слетаетъ
Забытый сóколъ, и на плечо
Къ нему садится; какъ горячо
Пловца онъ любитъ! онъ бьетъ крылами,
Плечо златыми скребетъ когтями.
И онъ покоя не хочетъ дать,
И трудно съ мѣста его согнать.
Онъ къ уху Фритьофа клевъ склоняетъ,
Какъ будто что-то сказать желаетъ —
Ахъ, можетъ-статься, о милой вѣсть,
Но словъ бѣдняжка не въ силахъ свесть!

---

[1]) Волнъ, дочерей Эгира.

[2]) Шеры или шкеры — скалистые острова въ морѣ близъ берега.

Вотъ передъ мысомъ Эллида мчится;
Какъ лань лѣсная она рѣзвится:
Она въ объятьяхъ родныхъ зыбей.
И веселъ Фритьофъ стоитъ на ней;
Приставивъ руку къ челу, онъ очи
Вперяетъ жадно на берегъ отчій;
Но какъ ни щуритъ, ни третъ онъ ихъ,
Ужъ онъ не видитъ хоромъ своихъ:
Одни нагія стоятъ горнилы,
Какъ кости мужа во мглѣ могилы.
Гдѣ домъ былъ прежде, тамъ глушь теперь,
И вьется пепелъ, и воетъ звѣрь.
Поспѣшно Фритьофъ съ Эллиды сходитъ,
Вкругъ стѣнъ сожженныхъ уныло бродитъ, —
Тамъ онъ ребенкомъ безпечно росъ!
Бѣжитъ на встрѣчу косматый пёсъ,
На ловлѣ часто при немъ бывавшій,
Съ медвѣдемъ смѣло въ борьбу вступавшій.
Онъ долго скачетъ, вертя хвостомъ;
Высоко скачетъ, рѣзвясь кругомъ.
За нимъ несется по мертвой нивѣ
Конь млечно-бѣлый со златомъ въ гривѣ,
Съ лебяжьей шеей, — красою ногъ
Подобенъ лани: знакомый скокъ!
Онъ клонитъ морду, онъ ржетъ привѣтно;
Ласкаясь, проситъ онъ хлѣба, — тщетно:
Самъ Фритьофъ бѣденъ, бѣднѣй его,
И дать не можетъ ужъ ничего.

Лишенный крова въ землѣ наслѣдной,
Онъ смотритъ дико, — лицо такъ блѣдно!
Вдругъ старый Гильдингъ, неизмѣнимъ
Въ годину скорби, стоитъ предъ нимъ —
И Фритьофъ началъ: „Могу ль дивиться
Тому, что вижу? орелъ умчится —
Разграбятъ жадно гнѣздо орла.
Обѣтъ свой конунгъ сдержалъ: хвала!
Боговъ онъ чтитъ, онъ съ людьми въ раздорѣ;
За нимъ повсюду пожаръ и горе.
Не горе, — злоба въ груди моей;
Но гдѣ дочь Бела? скажи скорѣй!“ —
И старецъ молвилъ: „Я вѣсть имѣю,
Но ты не будешь доволенъ ею.

Лишь ты отправился, Рингъ пришелъ;
На одного пятерыхъ онъ велъ.
Тамъ, надъ рѣкою, дружины бились
И съ кровью волны въ тотъ день клубились.
Смѣялся Гальфданъ, шутилъ со мной,
Но дрался храбро, какъ мужъ прямой.
Меня восхитилъ онъ первымъ боемъ,
Свой щитъ держалъ я передъ героемъ;
Но брань не долго томила насъ:
Гелгъ избралъ бѣгство, и бой погасъ.
Въ своей досадѣ твой домъ родимой
Зажегъ внукъ Асовъ, какъ несся мимо.
Межъ тѣмъ далъ знать ему Рингъ сѣдой:
„Иль въ бракъ вступлю я съ твоей сестрой,
И миръ надежный ты ею купишь,
Иль мнѣ свой край ты съ вѣнцомъ уступишь."
Вокругъ неслася о мирѣ вѣсть,
А Рингъ невѣсту спѣшилъ увезть." —

„О, жёны!" Фритьофъ сказалъ печально:
„Обманъ былъ мыслью первоначальной
Въ душѣ у Лока [1]): земли сыны
Ту мысль узрѣли въ лицѣ жены.
Обманъ прекрасный, голубоокій,
То онъ чаруетъ насъ, то — жестокій,
Притворно плача, смѣется намъ;
Онъ съ бѣлой грудью, онъ станомъ прямъ;
Въ немъ добродѣтель, что ледъ весенній;
Въ немъ постоянство, что вѣтръ осенній:
Въ коварномъ сердцѣ одна тщета,
Обѣтовъ лживыхъ полны уста.
О, какъ ее я любилъ безмѣрно,
И вѣчно сердце ей будетъ вѣрно!
Она мнѣ другомъ средь игръ была,
Она жъ наградой за всѣ дѣла!
Когда сростутся древа корнями,
Пусть Торъ ударитъ въ одно громами,
Другое сохнетъ; одно цвѣтетъ, —
Другое также въ красѣ растетъ.
Такъ мы сроднились; мы раздѣляли
И всѣ отрады и всѣ печали.

---

[1]) Локъ — богъ зла, виновникъ смерти Бальдера.

Теперь мы розно — теперь я сиръ!
Зачѣмъ ты, Вара [1]), обходишь міръ
И пишешь клятвы людей по злату?
Ужель не видишь стараній трату?
Полна неправды твоя скрижаль,
И благороднаго злата жаль.
Про Нанну сказка живетъ въ народѣ;
Но гдѣ же вѣрность въ людской породѣ?
О Ингеборга! знать, правды нѣтъ,
Когда былъ ложью и твой обѣтъ,
Твой голосъ, сладкій какъ вѣтръ въ день знойный,
Какъ съ арфы Брага звонъ пѣсни стройной.
Нѣтъ, лучше арфы забыть мнѣ звонъ,
Забыть невѣсту, какъ лживый сонъ.

Помчуся лучше въ край бурь, и съ горя
Окрашу кровью пучину моря.
Гдѣ мечъ ни сѣетъ кургановъ снѣдь, —
Въ долины, въ горы хочу летѣть!
Пусть мнѣ тамъ встрѣтится вождь вѣнчанный,
Не дамъ пощады въ потѣхѣ бранной!
Пускай мнѣ встрѣтится тамъ боецъ,
Влюбленный страстно... глупецъ, глупецъ!
Онъ вѣритъ клятвамъ, въ немъ нѣтъ сомнѣнья;
Его убью я изъ сожалѣнья;
Счастливцу горе узнать не дамъ,
Не дамъ извѣдать обманъ и срамъ!“ —

„Какъ юность можетъ увлечься страстью“!
Воскликнулъ Гильдингъ: „но боги, къ счастью,
Насъ прохлаждаютъ снѣгами лѣтъ.
Не обвиняй Ингеборгу; нѣтъ,
Несправедливы твои укоры;
На Норнъ лишь сѣтуй: ихъ приговоры
Неизмѣнимы; изъ странъ громовъ
Онѣ караютъ земли сыновъ.
Твою невѣсту тоска снѣдала,
Но безъ роптанья она страдала,
Грустила молча, какъ средь дубравъ
Грустить голубка, вдовицей ставъ.
Лишь мнѣ открыться она рѣшилась:
О, въ ней безмѣрная скорбь таилась!

[1]) Богиня обѣтовъ.

Морская птица, бывъ пронзена,
Окровавленная ищетъ дна,
Чтобъ ранѣ зноемъ не быть палимой:
Тамъ умираетъ она незримо!
Такъ, скрывши муку на днѣ души,
Томилась дѣва твоя втиши.
„Я жертва,“ часто она твердила:
„Снѣжнянка бѣдной чело обвила,
Могильнымъ цвѣтомъ я убрана;
Мнѣ смерть была бы теперь красна,
Я въ ней нашла бы всѣхъ мукъ забвенье,
Но богу Бальдеру нужно мщенье:
Онъ тихой смертью меня казнитъ,
Онъ сердцу сохнуть въ груди велитъ.
Но скрой отъ всѣхъ ты мое несчастье:
Мнѣ въ тягость было бъ другихъ участье.
Дочь Бела въ силахъ печаль нести;
Но ты, мой Фритьофъ, прости, прости!“ —
Насталъ день свадьбы (о, какъ охотно
Его бъ изгладилъ я съ трости счётной!“ [1]):
Тогда ко храму, свершать обрядъ,
Мужей съ мечами повлекся рядъ:
И дѣвы въ бѣлыхъ идутъ уборахъ,
И скальдъ предъ строемъ, — съ тоской во взорахъ,
И вотъ на черномъ конѣ, блѣдна
Какъ привидѣнье, сидитъ она.
Съ сѣдла поднявши мою лилею,
Я въ двери храма вступаю съ нею.
Богинѣ брака, не смущена,
Произнесла свой обѣтъ она,
И долго Бальдеру тамъ молилась;
Въ слезахъ всѣ были, — она крѣпилась.
Вдругъ видитъ Гелгъ: на рукѣ ея
Какъ жаръ запястье блеститъ твое.
Тотчасъ онъ въ гнѣвѣ его срываетъ
И богу на-руку надѣваетъ.
Себя не помня, схватилъ я мечъ,
И кровь легко бы могла потечь,
Но Ингеборга межъ нами стала.
„Оставь! неправъ онъ,“ дрожа шептала,
„Но — сердце терпитъ, а все живетъ:
Межъ насъ Альфадеръ свершитъ расчётъ.“ —

---

[1]) Календарь скандинавскій изображался на жезлахъ.

„Да,“ молвилъ Фритьофъ: „но мнѣ охота
И самому поискать расчёта.
Для празднествъ лѣтнихъ сегодня въ храмъ
Ты, жрецъ вѣнчанный, придешь... я тамъ.
Сестру ты продалъ! да, мнѣ охота
И самому поискать расчёта!“

XIII.

Костеръ Бальдера.

Солнце багровое въ полночь горитъ,
Горъ вѣнчая темя;
То не день, то не ночь стоитъ, —
Таинства полное время!

Образъ солнца, въ храмѣ костеръ
На очагѣ пламенѣетъ;
Но погаснетъ онъ: міромъ съ тѣхъ поръ
Мрака богъ овладѣетъ.

Вкругъ стояли жрецы толпой,
И головни поправляли, —
Старцы блѣдные съ бѣлой брадой,
Ножъ кремневый въ рукѣ держали.

Возлѣ конунгъ въ коронѣ своей
Предъ алтаремъ суетился.
Чу! средь рощи стукъ мечей
Въ полночь вдругъ пробудился.

„Бьёрнъ, на стражѣ стань къ дверямъ,
Пойманнымъ нѣтъ защиты!
Кто захочетъ иль вонъ, иль въ храмъ,
Черепъ тому раздвои ты.“

Блѣденъ сталъ конунгъ; голосъ тотъ
Онъ узналъ мгновенно;
Съ гнѣвомъ Фритьофъ ступилъ впередъ,
Бурей пѣлъ разъяренной:

„Дань я, какъ повелѣлъ ты мнѣ,
Взялъ на дальней пучинѣ;
Но на смерть, при священномъ огнѣ,
Здѣсь сразимся мы нынѣ.

Щитъ за плечи, наголо грудь!
Честно приступимъ къ бою.
Ты, какъ конунгъ, начнешь; не забудь
Очередь послѣ за мною.

Я лису изловилъ въ норѣ!
Въ дверь что впился ты глазами?
Вспомни о Фрáмнесѣ, да о сестрѣ
Юной, съ златыми кудрями."

Такъ сказавъ, кошелекъ онъ свой
Изъ-за пояса вынулъ,
И, взмахнувши грозно рукой,
Гелгу въ лицо его кинулъ.

Хлынула кровь изъ устъ ручьемъ,
Мглой покрылось око;
Палъ въ безпамятствѣ предъ алтаремъ
Асовъ внукъ высокій.

„Золота снесть не могъ своего
Первый трусъ всего края!
Стыдно бъ мнѣ было меча моего,
Если бъ сразилъ имъ тебя я.

Тише, мѣсяца блѣдны князья,
Вы, жрецы съ ножами!
Крови жаждетъ сталь моя:
Чтобъ не прельстилась вами!

Бѣлый Бальдеръ! гнѣвъ укроти,
Что твой взоръ такъ страшенъ?
Ты запястьемъ — позволь донести —
Краденымъ вѣдь украшенъ!

Смѣю думать, не для тебя
Богъ сковалъ то запястье;
Сила взяла его, дѣву губя:
Прочь твой даръ, самовластье!" —

Онъ рванулъ, но сразу не могъ
Снять кольцо дорогое;
Какъ снялось оно, гнѣвный богъ
Вергся въ пламя святое.

Чу! затрещало: огонь стремитъ
Въ крышу зубцы золотые;

Смертной блѣдностью Бьёрнъ покрытъ,
Фритьофъ трепещетъ впервые:

„Настежь дверь! выпускать людей!
Стражи болѣ не нужно;
Храмъ пылаетъ: воды скорѣй!
Море на своды! дружно!"

И мгновенно берегъ и храмъ
Цѣпь народа связала;
Заходила волна по рукамъ,
Въ пламя, шипя, ударяла.

Фритьофъ съ брусьевъ, какъ богъ дождя,
Льетъ потоками воду;
Знойнымъ смертямъ въ лицо глядя,
Повелѣваетъ народу.

Тщетно все! огонь превозмогъ;
Тучами дымъ клубится;
Золото каплетъ на жаркій песокъ
И серебро струится.

Нѣтъ спасенья! изъ храма взлетѣлъ
Пѣтелъ, рдяный какъ пламя;
Сѣвъ на маковку кровли, пѣлъ;
Билъ, зловѣщій, крылами.

Утренній вѣтръ подулъ; до небесъ
Хочетъ пожаръ разлиться;
Сухъ отъ зноя Бальдеровъ лѣсъ;
Гладный огонь веселится.

Бѣшено скачетъ онъ по вѣтвямъ,
Жадно вьется вкругъ чащи;
О, какъ страшно сіяетъ тамъ!
Грозенъ Бальдеръ горящій.

Чу! разрываясь, корни трещатъ;
Всѣ верхи потопило!
Противъ рдяныхъ Муспеля чадъ [1])
Что мы съ нашею силой?

Въ рощѣ море огня течетъ,
Валъ безбрежно клубится.

[1]) Огней.

Встало солнце; но въ лонѣ водъ
Бездна лишь пламени зрится.

Скоро въ пепелъ храмъ обращенъ,
Въ пепелъ роща святая;
Фритьофъ оттоль идетъ, огорченъ;
Утро проводитъ, рыдая.

XIV.

Фритіофъ изгнанникъ.

Ночь. Надъ кормой
Сидитъ герой;
Какъ волны въ морѣ,
То гнѣвъ, то горе
Бушуютъ въ немъ;
А дымъ столбомъ
Съ бреговъ клубится;
То храмъ дымится.
„Несися, дымъ,
Къ богамъ святымъ,
И въ ихъ предѣлы
Ворвись, да Бѣлый [1])
Пошлетъ мнѣ месть.
Пожара вѣсть
Громовымъ гласомъ
Пропой ты Асамъ;
Скажи, что храмъ
Я сжегъ, что тамъ
Въ огонь отъ гнѣва
Палъ богъ изъ древа
И сталъ золой,
Какъ лѣсъ иной;
Что роща бога,
Гдѣ шумъ, тревога
Не смѣли жить,
Сгорѣла, — сгнить
Лишилась чести.
Всѣ эти вѣсти,
Придавъ къ инымъ,
Неси ты, дымъ,

[1]) Бальдеръ.

Гонецъ туманный,
Въ предѣлъ желанный,
Чтобъ внять ихъ могъ
Туманный богъ!

„Тебѣ конечно
Быть славнымъ вѣчно,
О конунгъ! ты,
Отъ доброты,
Меня изъ края
Изгналъ, карая.
Итакъ бѣжимъ
Мы къ голубымъ
Странамъ свободы,
Гдѣ хлещутъ воды.
Спѣши, не стой,
Корабль лихой:
На край вселенной
Ты нощно, денно
Средь пѣны водъ
Стреми свой ходъ,
И кровь порою
Носи съ собою.
Надъ мрачнымъ дномъ
Ты будь мой домъ:
Гонитель ярый
Сжегъ домъ мой старый.
Будь сѣверъ мой,
Мой край родной:
Среди другого
Ужъ нѣтъ мнѣ крова.
Невѣстой будь:
На черну грудь
Надѣюсь смѣло:
Нѣтъ прока въ бѣлой. —

„Волна, волна,
Какъ ты вольна!
Какая бъ сила
Тебя стѣснила?
Твой властелинъ
Лишь тотъ одинъ,
Кто, полнъ отваги,
Надъ бездной влаги

*

Летитъ, презрѣвъ
Твой шумный гнѣвъ.
На синемъ полѣ
Бойцу раздолье:
Тамъ киль, какъ плугъ,
Гуляетъ вкругъ;
Льетъ дождь кровавый
Въ тѣни дубравы [1],
И сѣетъ мечъ
Посѣвы сѣчъ,
Чтобъ было злато
Съ хвалой пожато.
О, буйный валъ!
Отнынѣ сталъ
Я твой душою,
Да миръ тобою
Мнѣ будетъ данъ!
Отца курганъ
Близъ водъ возвышенъ,
Вседневно слышенъ
Подъ нимъ ихъ стонъ,
И зеленъ онъ.
А я холмъ синій
Средь волнъ пустыни
Найду, и въ немъ
Дотоль кругомъ
Носиться стану,
Пока не кану
Чрезъ глубь на дно.
Ты мнѣ дано
Отчизной было,
И ты жъ могилой
Мнѣ, море, будь. —
Пора мнѣ въ путь!"

Такъ пѣлъ суровый,
И вотъ дубовый
Корабль съ тоской
Камышъ родной
Опять оставилъ,
И ходъ направилъ

---

[1]) Намекъ на дубовый корабль.

Межъ скалъ крутыхъ,
Доселъ живыхъ
Залива стражей.
Но мести вражьей
Не дремлетъ глазъ:
Въ тотъ самый часъ
Вслѣдъ за героемъ
Злой Гелгъ со строемъ
Судовъ плыветъ.
Твердитъ народъ:
„Борьба всплываетъ!
Знать, пасть желаетъ
Нашъ властелинъ.
Валгаллы сынъ
Скучаетъ доломъ;
Передъ престоломъ
Одина, знать,
Онъ хочетъ стать.“—

Какая жъ сила
Всѣ вдругъ сразила
Его ладьи?
Онѣ пошли
Незапно въ страны
Лукавой Раны,
Въ предѣлы тмы.
Едва съ кормы
Полузалитой
Самъ Гелгъ сердитый
Достигъ земли.
А Бьёрнъ вдали
Межъ тѣмъ смѣялся:
„Хвала! удался
Мой замыслъ мнѣ;
Наединѣ
Я дѣло справилъ:
Всю ночь буравилъ
Я тѣ суда, —
Имъ всѣмъ бѣда!
Я радъ сердечно,
Коль Рана вѣчно
Въ рукахъ своихъ
Удержитъ ихъ;
Но не взятъ ею
Самъ Гелгъ, — жалѣю.“

Едва изъ волнъ, —
Досады полнъ
Стоялъ властитель
И, снова мститель,
Свой лукъ у скалъ
Ужъ напрягалъ.
Онъ самъ не знаетъ,
Какъ напрягаетъ:
Со звономъ вдругъ
Сломился лукъ
Передъ владыкой.
Взмахнувъ своей
Тутъ Фритьофъ пикой,
Сказалъ: „Я въ ней
Орла смертей
Ношу съ собою;
Когда бы мною
Онъ пущенъ былъ,
Не долго бъ жилъ
Мой врагъ державный,
Насильемъ славный.
Но знай: мое
Не пьетъ копье
Кровь трусовъ злобныхъ;
Не для подобныхъ
Мнѣ дѣлъ оно,
Повѣрь, дано.
Его достоинъ
Лишь истый воинъ,
Не тотъ, кого —
За всѣ его
Дѣянья черны —
Ждетъ столбъ позорный.
Въ моряхъ плохи
Дѣла твои;
Но чтобъ на сушѣ
Не стало хуже!
Ржа ломитъ сталь,
Не ты! Я вдаль
Теперь пущуся;
Гляди: я мчуся
Навѣкъ отсель.
Не здѣсь мнѣ цѣль.“

И двое вёселъ
Схвативъ (межъ сосенъ
Гудбрандовъ долъ
Ихъ произвелъ),
Сталъ грести онъ силясь,
И вдругъ сломились
Тѣ два весла,
Какъ бы стрѣла
Камышевая
Иль сталь дурная.

День новый всталъ
Надъ цѣпью скалъ,
И вѣтръ, поючи,
Ужъ гонитъ тучи;
Опять свѣтла
И весела,
Волна рѣзвится;
Эллида мчится
По лону водъ;
Пловецъ поетъ:

„О мощный Сѣверъ,
Чело земли!
Покинуть долженъ
Я твой предѣлъ.
Горжусь рожденьемъ
Средь чадъ твоихъ.
Страна героевъ,
Прости, прости!

Прости, высокій
Валгаллы тронъ,
Ночное солнце,
Ты, око мглы!
Сводъ неба, свѣтлый
Въ звѣздахъ своихъ,
Какъ духъ героя,
Прости, прости!

Простите, скалы,
Вы, Славы сѣнь,
Скрижали Тора,
Отца громовъ!

Давно знакомыхъ
Озеръ краса,
Зубчатый берегъ,
Прости, прости!

Простите, холмы
У синихъ водъ,
Гдѣ липы сыплютъ
Душистый снѣгъ!
Пріютъ отшедшихъ,
Гдѣ правый судъ
Творитъ имъ Сага,
Прости, прости!

Простите, рощи,
Гдѣ столько разъ
При шумѣ токовъ
Рѣзвился я!
И всѣ, кѣмъ въ дѣтствѣ
Я былъ любимъ,
И вамъ твержу я:
Прости, прости!

Любовь презрѣли
И домъ сожгли,
Затмили славу,
Бѣжать велятъ!
Пріемлетъ море
Сиротъ земли;
Но, жизни радость,
Прости, прости!“

XV.

Уставъ Викинга.

Онъ скитался вокругъ по пустыннымъ морямъ;
онъ носился какъ соколъ ловца.
И дружинѣ своей начерталъ онъ уставъ:
разсказать ли законы пловца?

„Ни шатровъ на судахъ, ни ночлега въ домахъ:
супостатъ за дверьми стережётъ;
Спать на ратномъ щитѣ, мечъ булатный въ рукѣ,
а шатромъ — голубой небосводъ.

„Какъ у Фрея, лишь въ локоть будь мечъ у тебя;
малъ у Тора громящаго млатъ.
Есть отвага въ груди, — ко врагу подойди —
и не будетъ коротокъ булатъ.

„Какъ взыграетъ гроза, подыми паруса:
подъ грозою душѣ веселѣй.
Пусть гремитъ, пусть реветъ: трусъ — кто парусъ совьетъ;
чѣмъ быть трусомъ, погибни скорѣй.

„Чти на сушѣ миръ дѣвъ, на судахъ нѣтъ имъ мѣстъ:
будь то Фрея, бѣги отъ красы.
Ямки розовыхъ щекъ всѣхъ обманчивѣй рвовъ,
и какъ сѣти — шелковы власы.

„Самъ Одинъ пьетъ вино, и похмѣлье не зло:
лишь храни надъ собою ты власть:
Надъ землею упавъ, ты подымешься здравъ;
здѣсь же къ Ранѣ страшися упасть.

„Ты купца, на пути повстрѣчавъ, защити;
но возьми съ него должную дань.
Ты владыка морей, онъ же прибыли рабъ:
благороднѣйшій промыселъ — брань.

„Ты по жребью добро на помостѣ дѣли,
и на жребій не жалуйся свой;
Самъ же конунгъ морской не вступаетъ въ дѣлежъ:
онъ доволенъ и честью одной.

„Но вотъ викингъ плыветъ: нападай и рубись;
подъ щитами потѣха бойцамъ;
Кто отстанетъ на шагъ, тотъ не нашъ: вотъ законъ;
поступай какъ ты вѣдаешь самъ.

„Побѣдивъ, укротись: кто о мирѣ просилъ,
тотъ не врагъ уже болѣ тебѣ.
Дочь Валгаллы мольба; ты дрожащей внимай;
тотъ презрѣнъ, кто откажетъ мольбѣ.

„Рана — прибыль твоя: на груди, на челѣ
то прямая украса мужамъ:
Ты чрезъ сутки, не прежде, ее повяжи,
если хочешь собратомъ быть намъ.“

То вождя былъ наказъ, и отъ часа на часъ
росъ онъ въ славѣ на чуждыхъ брегахъ,
И подобныхъ себѣ не встрѣчалъ онъ въ борьбѣ;
его людямъ невѣдомъ былъ страхъ.

Самъ онъ мраченъ сидѣлъ у кормы, и глядѣлъ
на пустыню безбрежную водъ:
„Глубина, глубина! не въ тебѣ ль тишина?
здѣсь подъ солнцемъ она не живётъ.

Если Бѣлаго гнѣвъ я навлекъ на себя,
пусть мечомъ его буду сраженъ!
Нѣтъ, онъ въ тучахъ сидитъ и заботы мнѣ шлетъ,
и печалью мой духъ омраченъ.“ —

Но предъ сѣчей въ немъ вдругъ окрыляется духъ;
какъ орелъ пробужденный, паритъ;
И гремитъ его гласъ, и сіяетъ чело,
и какъ Торъ онъ ужасенъ стоитъ.

Отъ побѣды къ побѣдѣ носился герой,
на моряхъ зналъ одни торжества,
И на югѣ доплылъ онъ до Греческихъ водъ,
и явились предъ нимъ острова.

Что онъ думалъ при видѣ дубравъ вѣковыхъ
и божницъ ихъ, поникшихъ къ зыбямъ, —
То извѣстно лишь Фреѣ, и скальду, и вамъ
то извѣстно, вамъ, любящимъ, вамъ!

„Здѣсь бы жили мы: здѣсь острова и сады,
гдѣ родитель бывалъ въ старину;
Я сюда, я сюда ее звалъ, но она
не хотѣла въ чужую страну.

О минувшемъ твердятъ здѣсь развалины, миръ
процвѣтаетъ подъ сѣнью деревъ;
Здѣсь журчанье потоковъ какъ шопотъ любви,
гласъ пернатыхъ какъ брачный напѣвъ.

Но гдѣ ты, Ингеборга? все ль помнишь меня,
сѣдовласаго мужа любя?
Ахъ, я вѣренъ тебѣ..: я бъ далъ жизнь, чтобъ взглянуть,
чтобы только взглянуть на тебя.

Ужъ три года прошло съ той поры, какъ свой край
я покинулъ: то Саги престолъ!
Все ли гордыя скалы стоятъ въ вышинѣ?
все ли зеленъ отеческій долъ?

Тамъ я липу надъ прахомъ отца посадилъ:
все ль цвѣтетъ она съ прежней красой?
Кто призрѣлъ деревцо? ты питай его, долъ;
небеса, вы кропите росой!

Но зачѣмъ же мнѣ на морѣ медлить еще
и враждебно людей убивать?
Мнѣ ужъ славы довольно, а золота блескъ
я привыкъ отъ души презирать.

Ты, мой флагъ мачтовой, все на сѣверъ манишь,
а на сѣверѣ край дорогой;
Полечу жъ за вѣтрами небесными вслѣдъ,
поплыву я на сѣверъ родной."

XVI.

Фритіофъ и Бьернъ.

Фритіофъ.

Бьёрнъ, мнѣ наскучило наше житье,
Я разлюбилъ уже волны морскія;
Милаго сѣвера скалы крутыя,
О, какъ влечете вы сердце мое!
Счастливъ, кто съ родиной не былъ въ раздорѣ,
Не былъ отверженъ отъ отчихъ могилъ:
Ахъ, безъ пріюта на яростномъ морѣ
Я ужъ довольно, довольно бродилъ!

Бьёрнъ.

Нѣтъ, ты напрасно не сѣтуй на море:
Радость, свобода живутъ на волнѣ;
Нѣги лѣнивой не знаютъ онѣ,
Любятъ съ волною гулять на просторѣ.
Вотъ состарѣюсь, — къ цвѣтущей землѣ
Я приросту какъ трава; но дотолѣ
Жить я хочу на родномъ кораблѣ,
Ратовать, пить, веселиться на волѣ.

Фритіофъ.

Къ берегу льдами прикованы мы,
Мертвыми сжаты отвсюду волнами;
Здѣсь не намѣренъ я между скалами
Тратить въ уныніи долгой зимы.
У Ингеборги, у Ринга сѣдого
Разъ еще гостемъ хочу пировать;
Свѣтлыя кудри увижу я снова,
Сладостный голосъ услышу опять.

Бьёрнъ.

Понялъ я: Рингу ты дать замышляешь
Мести воителя добрый урокъ;
Въ полночь зажжемъ у него мы чертогъ:
Гибнетъ старикъ, ты жену похищаешь.
Или, какъ истинный викингъ, вражду
Единоборствомъ рѣшить ты намѣренъ,
Или потребуешь битвы на льду:
Что ни затѣешь, во мнѣ будь увѣренъ.

Фритіофъ.

Нѣтъ, не хочу ни войны, ни огня!
Съ миромъ вступлю я къ супругамъ въ палаты;
Мукамъ моимъ не они виноваты:
Мстящіе боги караютъ меня.
Мнѣ ль обольщаться надеждой земною?
Я съ Ингеборгою только прощусь,
Ахъ, и прощуся навѣки!.. весною,
Иль еще прежде, я къ вамъ возвращусь.

Бьёрнъ.

Фритьофъ, дивлюсь твоему ослѣпленью:
Стóитъ ли женщина вздоховъ такихъ?
Эта измѣнитъ — есть сотни другихъ;
Счету имъ нѣтъ на землѣ, къ сожалѣнью!
Хочешь ли ты, чтобъ тебѣ я привезъ
Цѣлую клажу красавицъ изъ юга, —
Тише овечекъ, румянѣе розъ?
Мы въ дѣлежѣ не обидимъ другъ друга.

ФРИТІОФЪ.

Бьёрнъ, откровененъ ты, веселъ какъ Фрей,
Мудръ въ совѣщаньяхъ, въ бояхъ безъ укора:
Знаешь Одина ты, знаешь и Тора, —
Фрея душѣ незнакома твоей.
Въ споръ о богахъ не вступаю; но грозно
Фрея караетъ насъ, бывъ презрѣна;
Спитъ ея искра, но рано иль поздно
Въ богѣ и въ смертномъ проснуться должна.

БЬЁРНЪ.

Къ Рингу одинъ не ходи ты: опасно!

ФРИТІОФЪ.

Мечъ мой со мною — насъ двое всегда.

БЬЁРНЪ.

Помнишь, какъ Гагбартъ [1]) повѣшенъ былъ?

ФРИТІОФЪ.

Да!
Кто поддался, тотъ казненъ не напрасно.

БЬЁРНЪ.

Если погибнешь, товарищъ, то знай:
Рѣжу орла я, злодѣю въ отмщенье [2]).

ФРИТІОФЪ.

Нѣтъ въ томъ нужды: пѣтуховъ ему пѣнье
Слышать не долѣ меня. — Прощай!

XVII.

Фритіофъ приходитъ къ конунгу Рингу.

Въ пиру на первомъ мѣстѣ пилъ конунгъ медъ. Была
Съ нимъ вмѣстѣ Ингеборга, румяна и бѣла.

---

[1]) Герой, котораго приключенія и любовь къ Сигнѣ составляютъ предметъ одного изъ извѣстнѣйшихъ преданій скандинавскаго сѣвера.

[2]) Родъ кроваваго мщенья. См. Очеркъ быта и проч., стр. 741.

Они сидѣли рядомъ, какъ осень и весна,
И осенью былъ конунгъ, весной — его жена.

Вдругъ старецъ незнакомый является въ чертогъ.
Покрытъ медвѣжьей кожей отъ темени до ногъ,
Онъ съ нищенской клюкою согнувшися ходилъ;
Но все еще въ палатѣ онъ выше прочихъ былъ.

Онъ сѣлъ у самой двери: какъ было искони,
Туда бѣднякъ садится еще и въ наши дни.
Придворные съ усмѣшкой другъ на друга глядятъ,
Указывая пальцемъ на странничій нарядъ.

Какъ молнія сверкнули глаза у пришлеца;
Одной рукой поспѣшно схватилъ онъ молодца
И ловко вверхъ ногами поставилъ предъ вельможъ;
Мгновенно всѣ умолкли: мы сдѣлали бы то жъ.

„Что тамъ за шумъ? кто смѣетъ здѣсь миръ мой возмущать?
Поди сюда, ты, старый; изволь мнѣ отвѣчать:
Кто ты? зачѣмъ явился? откуда?“ такъ въ пылу
Воскликнулъ конунгъ старцу, сидѣвшему въ углу.

„Вопросовъ много, конунгъ; изволь, отвѣчу я.
Оставь мое ты имя: то собственность моя.
Въ Унынiи я вскормленъ, Нуждой мой домъ зовутъ;
Пришелъ же я отъ Волка: мнѣ онъ давалъ прiютъ.

Бывало, на драконѣ я плавалъ далеко:
На мощныхъ крыльяхъ мчался онъ быстро и легко.
Теперь къ землѣ примерзъ онъ, не встать ему оттоль;
Я самъ ужъ старъ, и хилый варю у моря соль.

Меня привлекъ твой разумъ: повсюду славенъ онъ.
Мнѣ вздумали смѣяться; я къ смѣху не рождёнъ;
Глупца за грудь схватилъ я и вздумалъ кувыркнуть,
Но всталъ онъ цѣлъ: ты, конунгъ, вину мою забудь!“ —

„Ты складно“, Рингъ замѣтилъ, „умѣешь говорить.
Сядь съ нами здѣсь, вотъ мѣсто: привыкъ я старцевъ чтить.
Да сбрось нарядъ ты этотъ, явись каковъ ты самъ;
Личина — врагъ веселью, веселье нужно намъ“.

И съ гостя мѣхъ косматый спадаетъ въ тотъ же мигъ;
Всѣ видятъ съ изумленьемъ: сталъ юношей старикъ,
И свѣтлыхъ кудрей волны, какъ золота струи,
Съ чела его роскошно къ крутымъ плечамъ текли.

И въ мантіи онъ синей изъ бархата стоялъ;
На ней широкій поясъ серебряный сіялъ;
Украшенный богато старинною рѣзьбой:
Вкругъ стана молодого звѣрей тянулся рой.

Рука златымъ запястьемъ украшена была,
А грозный мечъ свѣтился какъ молніи стрѣла.
Воитель по чертогу водилъ спокойный взоръ,
Прекрасенъ будто Бальдеръ, могущественъ какъ Торъ.

У Ингеборги вспыхнулъ румянецъ на щекахъ;
Такъ сѣвернымъ сіяньемъ пылаетъ снѣгъ въ поляхъ;
Вздыматься стали перси, какъ бурною порой
Двѣ лиліи рѣчныя качаются съ волной.

Вдругъ рогъ трубитъ въ чертогѣ (то клятвъ была пора);
Все стихло; вносятъ вепря на блюдѣ изъ сребра.
Закланный въ жертву Фрею, колѣна онъ сгибалъ;
Вкругъ плечъ вѣнки; въ зубахъ же онъ яблоко держалъ.

Торжественно всталъ конунгъ въ красѣ сѣдыхъ волосъ,
И руку возложивши на вепря, произнесъ:
„Клянусь: хоть страшенъ Фритьофъ, я верхъ надъ нимъ возьму;
Да Фрей и Торъ съ Одиномъ дадутъ мнѣ силъ къ тому!“

Тогда и гость съ усмѣшкой презрительной возсталъ.
И на челѣ высокомъ лучъ гнѣва заблисталъ.
Онъ въ столъ мечомъ ударилъ, и звонъ раздался вкругъ.
И всѣ бойцы съ дубовыхъ скамей вспрыгнули вдругъ.

„Теперь, великій конунгъ, услышь и мой обѣтъ:
Съ родни мнѣ юный Фритьофъ, онъ другъ мой съ дѣтскихъ лѣтъ.
Клянусь: я вѣчно буду защитникомъ ему;
Да мечъ мой вмѣстѣ съ Норной подастъ мнѣ силъ къ тому!“

Тогда съ улыбкой конунгъ сказалъ: „твой смѣлъ языкъ;
Но рѣчь вольна въ чертогахъ у сѣверныхъ владыкъ;
Жена, попотчуй гостя вкуснѣйшимъ ты виномъ;
Надѣюсь, съ незнакомцемъ мы зиму проведемъ“.

И турій рогъ женою красавицей подъятъ.
Оправленный изящно, онъ чуденъ былъ на взглядъ:
Серебряныя ножки, рядъ колецъ золотыхъ,
И много начертаній и рунъ о дняхъ былыхъ.

Потупя взоры, гостю даетъ она вино,
Трепещетъ, и плеснуло ей на руку оно.

Какъ блескъ вечерній пышитъ на лиліяхъ порой,
Горѣли темны капли надъ бѣлою рукой.

И гость, взявъ рогъ, съ улыбкой поднесъ его къ устамъ.
Въ нашъ вѣкъ не осушить бы его и двумъ мужамъ:
Но мощный не запнулся, и весь въ одинъ глотокъ,
Прекрасной въ угожденье, онъ осушилъ тотъ рогъ.

И скальдъ тогда взялъ арфу (онъ съ ними же сидѣлъ)
И сѣверную пѣсню восторженно запѣлъ
О Гагбартѣ и Сигнѣ; отъ голоса пѣвца
Подъ бронями замлѣли желѣзныя сердца.

Сталъ пѣть онъ о Валгаллѣ, о мздѣ за смерть въ бояхъ;
О подвигахъ Норманновъ на сушѣ и въ моряхъ.
За мечъ бойцы хватались, и взоръ у нихъ сверкалъ,
И прежняго быстрѣе кругомъ ходилъ бокалъ.

Усердно пили гости, и каждый, пиру въ честь,
Отрадное похмелье хотѣлъ съ собой унесть.
Потомъ всѣ разошлися безъ горя на покой;
Почилъ и старый конунгъ съ прекрасною женой.

XVIII.

Поѣздка по льду.

На пиршество Рингъ Ингеборгу везетъ;
Надъ моремъ какъ зеркало свѣтится ледъ.

„Не ѣздите по льду“, пришлецъ говоритъ:
Трещитъ онъ, холодную баню сулитъ.“ —

„Не конунгу“, Рингъ отвѣчаетъ, „тонуть:
Для робкихъ же есть безопаснѣйшій путь“.

Жаръ гнѣва глаза незнакомца зажегъ,
Поспѣшно къ ногѣ прицѣпилъ онъ конекъ.

Вотъ весело ринулся пущенный конь,
И ноздри раздулъ онъ, и мещетъ огонь.

„Впередъ, прытконогій бѣгунъ мой, впередъ!
Увидимъ, ведешь ли отъ Слейпнера [1]) родъ“.

---

[1]) Восьминогаго коня Одина.

Летитъ онъ быстрѣе порывистыхъ вьюгъ,
Молящей супругѣ не внемлетъ супругъ.

На мѣстѣ и витязь межъ тѣмъ не стоитъ:
То рядомъ съ санями, то мимо летитъ.

Онъ руны конькомъ вырѣзаетъ стальнымъ,
Дочь Бела надъ именемъ ѣдетъ своимъ.

Такъ мчатся всѣ трое зеркальнымъ путемъ,
А Рана лукаво сидитъ подо льдомъ.

Серебряный кровъ свой пробила она:
Зіяетъ уже подъ саньми глубина.

Смертельно блѣднѣетъ красавицы ликъ,
Но вотъ ихъ, какъ вихрь, незнакомецъ настигъ.

И въ ледъ онъ конекъ свой мгновенно вонзилъ,
И быстро за гриву коня захватилъ.

Тогда отскочивъ, безъ усилья изъ водъ
Онъ сани извлекъ и поставилъ на ледъ.

„Твой подвигъ прославлю я", конунгъ сказалъ:
„Самъ Фритьофъ бы мощный гордиться имъ сталъ".

Тогда, повернувъ, понеслися домой;
У Ринга всю зиму жилъ гостемъ герой.

XIX.

Искушеніе Фритіофа.

Ужъ весна: щебечутъ птицы, блещетъ день, луга цвѣтутъ;
Рѣки, вырвавшись на волю, къ морю съ пѣснями бѣгутъ.
Роза, алая какъ Фрея, ужъ изъ почки смотритъ вновь;
Въ смертномъ радость пробудилась и отвага и любовь.

Старый конунгъ съ Ингеборгой собрался на ловлю въ боръ,
И въ нарядахъ разноцвѣтныхъ вкругъ него толпится дворъ.
Шумъ: гремятъ колчаны, луки; кони ржутъ, вздымая прахъ;
Соколы кричатъ и рвутся съ колпачками на глазахъ.

Вотъ сама царица лова! Бѣдный Фритьофъ, не гляди!
Какъ звѣзда она сіяетъ на богатой лошади.

Это Фрея, это Рота [1]), но еще прекраснѣй ихъ;
На главѣ уборъ пурпурный съ связкой перьевъ голубыхъ.

Не гляди на свѣтлы очи, не смотри на блескъ кудрей!
Дальше! станъ ея такъ строенъ, перси такъ полны у ней.
Не любуйся на лилеи и на розы этихъ щекъ,
Не лови ты звуковъ сладкихъ будто вешній вѣтерокъ.

Собралась ватага: дружно! черезъ горы, черезъ долъ!
Рогъ трубитъ; къ стѣнамъ Одина подымается соколъ.
Встрепенулись дѣти лѣса; звѣрь бѣжитъ въ свое жилье,
А Валкирія за звѣремъ, потрясаючи копье.

Старый Рингъ не поспѣваетъ за толпою удалыхъ;
На конѣ, съ нимъ рядомъ, Фритьофъ ѣдетъ сумраченъ и тихъ.
Въ удалой груди тѣснится много грустныхъ, черныхъ думъ:
Ихъ веселье не разгонитъ, заглушить не можетъ шумъ.

„О, зачѣмъ я бросилъ море? слѣпо шелъ на встрѣчу бѣдъ?
Море черныхъ думъ не терпитъ: дунетъ вѣтръ, и ихъ ужъ нѣтъ.
Грустно ль викингу, опасность подаетъ къ тревогѣ знакъ,
И оружія сверканье разгоняетъ сердца мракъ.

Здѣсь не то: увы! какъ сонный я блуждаю, и крыло
Несказаннаго желанья облегаетъ мнѣ чело.
Все храмъ Бальдера я вижу, все обѣтомъ я смущенъ,
Даннымъ дѣвой: онъ не ею, онъ богами нарушенъ.

Боги родъ нашъ ненавидятъ, счастьемъ гнѣвъ ихъ будимъ мы;
Боги цвѣтъ мой посадили въ лоно мрачное зимы.
Что зимѣ въ прекрасной розѣ? для зимы ль она цвѣтетъ?
Хлада мертвое дыханье одѣваетъ розу въ ледъ!“

Такъ ропталъ онъ. Вотъ дорога ихъ приводитъ въ долъ глухой.
Мрачный, стиснутый горами, осѣненными сосной.
Рингъ сошелъ съ коня и молвилъ: „Вотъ пріютный уголокъ!
Я усталъ, мнѣ нуженъ отдыхъ; дай, приляжемъ на часокъ“. —

„Не уснуть тебѣ здѣсь, конунгъ, здѣсь жестка, сыра постель;
Возвратимся: до чертога недалеко намъ отсель.“ —
„Боги сходятъ къ намъ нежданно; такъ и сонъ,“ прервалъ старикъ:
„Иль хозяинъ передъ гостемъ не дерзнетъ уснуть на мигъ?“

Фритьофъ плащъ свой тутъ снимаетъ, разстилаетъ на траву,
И къ его колѣну конунгъ клонитъ бѣлую главу.

[1]) Одна изъ Валкирій.

Тихо спитъ онъ, какъ по битвѣ спятъ герои на щитахъ,
Безмятежно, какъ младенецъ у родимой на рукахъ.

Чу! вотъ пѣсня черной птицы раздалась изъ-за вѣтвей:
„Фритьофъ, кончи споръ давнишній, старца спящаго убей.
Ты возьмешь вдову; невѣста вновь обниметъ жениха;
Люди здѣсь тебя не видятъ, а могилы сѣнь тиха."

Фритьофъ слушаетъ; чу! пѣсня бѣлой птицы раздалась:
„Люди здѣсь тебя не видятъ, но вездѣ Одина глазъ.
Ты бы спящаго зарѣзалъ? безоружнаго бъ убилъ?
Что ни взялъ бы ты злодѣйствомъ, только бъ славы не добылъ!"

Смолкло въ чащѣ; вотъ подъемлетъ Фритьофъ мечъ свой боевой,
И его въ смятеньи мещетъ далеко во мракъ лѣсной.
Птица черная безмолвно въ грозный Настрандъ [1]) унеслась,
А другая съ громкой пѣснью — къ солнцу, будто арфы гласъ.

И не спитъ ужъ старый конунгъ: „Какъ прекрасенъ былъ мой сонъ!
Сладко дремлетъ, кто оружьемъ богатырскимъ охранёнъ.
Но скажи, о незнакомецъ, гдѣ же мечъ твой, молній братъ?
Кто разрозниль неразлучныхъ? кто похитилъ твой булатъ?" —

„Что нужды?" сказалъ воитель: „тьма на сѣверѣ мечей:
Золъ языкъ меча, не знаетъ онъ мирительныхъ рѣчей.
Духи водятся въ булатѣ, духи сумрачныхъ краевъ:
Сна не чтутъ они, ихъ манитъ блескъ серебряныхъ власовъ." —

„Знай же, юноша: не спалъ я, испытаньемъ было то;
Неиспытаннымъ ни мужу, ни мечу не вѣрь никто.
Фритьофъ — ты; тебя узналъ я, лишь въ чертогъ мой ты вступилъ.
Старый Рингъ давно ужъ вѣдалъ то, что хитрый гость таилъ;

Безыменнымъ, подъ личиной ты зачѣмъ пришелъ въ мой домъ?
Не затѣмъ ли, чтобъ невѣсту взять у дряхлаго тайкомъ?
Честь въ пиру гостепріимномъ безыменно не сидитъ;
Свѣтелъ щитъ ея какъ солнце, ясный ликъ ея открытъ.

Сѣверъ ужасомъ народовъ и боговъ тебя нарекъ:
Храбро копья преломлялъ ты, дерзновенно храмы жегъ.
Съ боевымъ щитомъ, я думалъ, будетъ онъ въ моей странѣ;
Чтожъ? какъ нищій, ты съ клюкою вкрался въ рубищѣ ко мнѣ.

Что ты взоры потупляешь? не всегда и я былъ старъ;
Наша жизнь есть битва; юность — то берсерка бранный жаръ;

---

[1]) Жилище мертвецовъ.

*

Ей тѣснимой быть щитами до утраты дикихъ силъ;
Ты испытанъ, ты оправданъ, я смягчился, я простилъ.

„Сѣдъ я, видишь: скоро, скоро подъ курганомъ буду я;
Ты тогда возьми и край мой и жену: она твоя.
Будь дотолѣ нашимъ гостемъ: я — второй тебѣ отецъ:
Безъ меча, ты — мой защитникъ; нашей давней прѣ конецъ.“ —

„Не какъ воръ пришелъ я,“ мрачно молвилъ Фритьофъ: „еслибъ взять
Захотѣлъ я Ингеборгу, кто бы могъ мнѣ помѣшать?
Ахъ! въ послѣднiй разъ взглянуть лишь на невѣсту я желалъ:
О, безумецъ! снова пламень погасавшiй запылалъ.

Конунгъ, прочь пора: довольно я гостилъ въ твоемъ краю;
Гнѣвъ боговъ непримиримыхъ тяготитъ главу мою.
Свѣтловласый, кроткiй Бальдеръ — покровитель всѣмъ живымъ;
Онъ меня лишь ненавидитъ, я одинъ отринутъ имъ!

Да, я сжегъ его божницу; Волкомъ храма прозванъ я;
Какъ мое раздастся имя, плачетъ рѣзвое дитя,
Пиръ веселый умолкаетъ; проклятъ я въ краю родномъ;
Мнѣ въ странѣ отцовъ нѣтъ мира, мира нѣтъ въ себѣ самомъ.

И на всей землѣ нѣтъ мѣста, гдѣ бъ я могъ найти прiютъ;
Подъ ногами прахъ пылаетъ, рощи тѣни не даютъ.
Ингеборгу я утратилъ, дѣву отнялъ Рингъ сѣдой;
Солнце дней моихъ погасло, вкругъ меня лишь мракъ густой.

Прочь же, прочь къ зыбямъ родимымъ! Встань, драконъ мой добрый! въ путь!
Рѣзво ты въ соленой влагѣ вновь купай крутую грудь;
Подыми ты крылья къ тучамъ, разсѣкай шипя струи,
И доколѣ свѣтятъ звѣзды, а валы несутъ, — плыви!

Дай услышать голосъ грома, дай услышать бури вой!
Лишь среди тревогъ и шума у меня въ душѣ покой.
Стрѣлы свищутъ! въ морѣ битва! тамъ я весело паду,
И очищенъ ко Владыкамъ примиреннымъ отойду!“

XX.

Смерть Конунга Ринга.

Конь златогривый
Вновь извлекаетъ
Вешнее солнце изъ лона зыбей.

Утра игривый
Лучъ освѣщаетъ
Храмину Ринга: вотъ стукъ у дверей.

Фритьофъ печальный
Въ теремъ вступаетъ:
Блѣденъ тамъ Рингъ съ Ингеборгой сидитъ.
Пѣснью прощальной
Гость оглашаетъ
Тихую сѣнь; его голосъ дрожитъ:

„Хочетъ свободы
Конь мой крылатый,
Рвется отъ берега конь мой морской.
Зыблются воды;
Время палаты
Друга покинуть и край дорогой.

Снова прими ты
Нынѣ запястье,
О Ингеборга! все то же оно!
Даръ сей храни ты
Въ горѣ и въ счастьи:
Намъ разлучиться навѣки должно.

Сѣвера черный
Дымъ уже болѣ
Взоровъ моихъ не плѣнитъ въ вышинѣ.
Властвуютъ Норны,
Люди въ неволѣ;
Море пусть будетъ могилою мнѣ.

Рингъ, не ходи ты
Къ морю съ женою,
Въ ночь при сіяніи звѣздъ не ходи!
Къ брегу прибитый
Бурной волною
Фритьофа трупъ вы могли бы найти.“

Рингъ отвѣчаетъ:
„Мужа роптанье
Горько мнѣ слышать; то дѣвичій стонъ!
Въ слухъ мой влетаетъ
Смерти призванье:
Чтожъ? кто родился, на смерть осуждёнъ.

Норнъ приговору, —
Какъ ни стенаемъ,
Какъ ни упорствуемъ, — мы подлежимъ.
Я Ингеборгу
Дамъ тебѣ съ краемъ:
Опекуномъ будь надъ сыномъ моимъ!

Веселъ съ друзьями
Былъ я въ четрогѣ,
Миръ золотой почитать я умѣлъ.
Но предъ мечами
Въ бранной тревогѣ,
Въ морѣ ль, на сушѣ ли, я не блѣднѣлъ.

Пикой чертиться
Время приспѣло:
Конунгу срамъ на одрѣ угасать.
Кровью покрыться
Трудное ль дѣло?
Такъ же какъ жить, намъ легко умирать?“ —

И вырѣзаетъ
Руны Одина
Онъ глубоко на груди, на рукахъ.
Дивно блистаетъ
У властелина
Кровь на серебряныхъ лона власахъ.

„Рогъ принесите!
Вѣчно будь въ славѣ,
Сѣверъ державный! мы въ честь тебѣ пьемъ.
Зрѣлостью въ житѣ,
Строгостью въ нравѣ
Я дорожилъ, какъ и мирнымъ трудомъ.

Тщетно съ краями
Конунговъ дикихъ
Мира искалъ я, далече онъ былъ.
Передъ стопами
Асовъ великихъ
Ждетъ меня кроткое чадо могилъ [1]).

[1]) Миръ.

Къ вамъ я, о боги!
Прахъ исчезаетъ;
Къ пиру зоветъ меня рогъ громовой
Въ ваши чертоги.
Гостя вѣнчаетъ
Вѣчная радость, какъ шлемъ золотой.“

Кончилъ — и руку
Сжалъ Ингеборгѣ.
Очи смежая, онъ руку пожалъ
Сыну и другу.
Вздохъ — и въ восторгѣ
Царственный духъ къ небесамъ возлеталъ.

XXI.

Погребальная пѣснь Рингу.

Дремлетъ въ могилѣ
Вождь знаменитый;
Щитъ передъ грудью,
Мечъ у бедра.
Конь его добрый
Ржетъ подъ курганомъ
Свѣтлымъ копытомъ
Стѣну скребетъ.

Мчится могучій
Рингъ по Бифросту [1]);
Гнется подъ грузомъ
Выпуклый мостъ.
Вотъ распахнулись
Двери Валгаллы;
Асы пришельцу
Длань подаютъ.

Тора не видно:
Грозный воюетъ.
Кубокъ Вальфадеръ
Внесть повелѣлъ.
Фрей вьетъ въ корону
Ринга колосья,

[1]) Имя небеснаго моста.

Фригга вплетаетъ
Въ нихъ васильки.

Брагъ въ золотыя
Струны ударилъ,
Сладостно льется
Тихая пѣснь.
Внемля, пылаетъ
Страстная Фрея,
Бѣлыя перси
Клонитъ къ столу.

Мечъ не устанетъ
Пѣть на шеломахъ,
Вѣчно кровавы
Въ морѣ валы.
Сила, богами
Данная смертнымъ,
Щитъ изгрызаетъ,
Будто берсеркъ.

Вотъ почему намъ
Дорогъ былъ конунгъ,
Миръ охранявшій
Крѣпкимъ щитомъ.
Силы разумной
Образъ прекрасный,
Жертвеннымъ дымомъ
Онъ воспарилъ.

Сидя въ чертогѣ
Саги, Вальфадеръ
Мудро бесѣду
Съ нею ведетъ.
Такъ раздавались
Конунга рѣчи,
Свѣтлы какъ струи
Мимера водъ.

Богъ правосудья
Распри рѣшаетъ
Тамъ, гдѣ источникъ
Урды [1]) шумитъ.

[1]) Урда — одна изъ Норнъ, олицетворяющая прошлое.

Такъ же и конунгъ
Кроткій рѣшалъ ихъ;
Месть подавала
Руку на миръ.

Конунгъ не вѣдалъ
Скупости, — сыпалъ
Дневный свѣтъ карловъ [1]),
Зміевъ стлалъ одръ.
Щедро даянье
Длань расточала,
Съ устъ утѣшенье
Скорбнымъ лилось.

Здравствуй, Валгаллы
Мудрый наслѣдникъ!
Сѣверу милъ ты:
Слава тебѣ!
Съ чашею меда
Брагъ предъ тобою,
О, примиренья
Вѣстникъ отъ Норнъ!

XXII.

Избраніе Конунга.

На тингъ! призывный жезлъ идетъ
Изъ дола въ долъ,
Чтобъ вновь вождя себѣ народъ
Избрать пошелъ.

Вотъ бондъ [2]) свой мечъ съ стѣны беретъ,
Спѣша на сборъ:
На лезвее онъ перстъ кладетъ:
Булатъ остёръ.

Ребята свѣтлымъ тѣмъ мечомъ
Хотятъ играть;
Чредой стараются вдвоемъ
Его поднять.

[1]) Названіе золота.
[2]) Бондъ — крестьянинъ-земледѣлецъ.

А дочка между тѣмъ стальной
Лощитъ шеломъ,
И вдругъ краснѣетъ, образъ свой
Примѣтя въ немъ.

Но вотъ свой щитъ, луну въ крови [1]),
Подъемлетъ мужъ;
Живи, свободы сынъ! живи,
Желѣзный мужъ!

Въ груди ты носишь честь своей
Земли родной;
Въ дни мира ты — совѣтомъ ей,
Въ дни битвъ — стѣной.

Такъ собирается народъ,
Подъ звонъ щитовъ,
На тингъ открытый: неба сводъ —
Могучихъ кровъ.

Тамъ Фритьофъ камень занималъ;
Красой блестя,
Сынъ Ринга близъ него стоялъ, —
Еще дитя.

Вдругъ шумъ въ толпѣ: „Ребенокъ онъ;
Его ль избрать?
Ему ль въ судѣ хранить законъ,
Весть въ битвы рать!“ —

Но на щитѣ вознесъ герой
Малютку: „Вотъ,
Норманны, вождь вамъ! край родной
Съ нимъ процвѣтетъ!

Одина кровь узнайте въ немъ,
Въ красѣ его;
Какъ рыбѣ въ морѣ, надъ щитомъ
Ему легко.

Даю обѣтъ — его страну
Хранить мечомъ,
И послѣ власть отдать ему
Съ златымъ вѣнцомъ.

---

[1]) Т. е. багровый щитъ.

Богъ правды слышалъ рѣчь мою;
Свидѣтель онъ:
Когда ту клятву преступлю,
Будь я сраженъ!"

Дитя сидѣло на щитѣ,
Какъ надъ скалой
Стремящій взоры къ высотѣ
Орелъ младой.

Но вдругъ, соскучась долго ждать,
Онъ всталъ — и вмигъ
Спрыгнулъ, и къ камню сталъ опять —
Державный прыгъ!

Тогда воскликнулъ громко тингъ:
„Вотъ конунгъ нашъ!
Мы вѣримъ, отрокъ: ты, какъ Рингъ,
Намъ счастье дашь!

Ярлъ [1]) Фритьофъ будетъ управлять
Пока страной;
Пусть наречетъ твою онъ мать
Своей женой!" —

Но Фритьофъ молвилъ: „Мы вождя
Пришли избрать, —
Не сватать: самъ невѣсту я
Могу сыскать.

Пойду туда, гдѣ сжегъ я храмъ;
Тамъ Норны мнѣ
На зовъ мой явятся; ужъ тамъ
Стоятъ онѣ.

Мнѣ щитоносицы совѣтъ
Благой дадутъ;
Онѣ живутъ подъ Древомъ лѣтъ,
Надъ нимъ живутъ.

Богъ Бальдеръ мною оскорблёнъ,
Еще сердитъ;
Онъ взялъ невѣсту, — только онъ
И возвратитъ." —

---

[1]) Называя Фритіофа ярломъ, народъ утверждаетъ за нимъ этотъ титулъ.

Тогда поздравилъ онъ дитя,
Поцѣловалъ,
И, тихо по лугу идя,
Вдали пропалъ.

XXIII.

Фритіофъ на курганѣ отца.

„Какъ солнца ликъ привѣтенъ, какъ прекрасно
Вѣнцы деревъ горятъ его огнемъ!
Твой взоръ, Альфадеръ, блещетъ такъ же ясно
Въ слезѣ росы и въ морѣ голубомъ!
Какъ темя горъ въ лучахъ заката красно!
То кровь надъ Бальдеровымъ алтаремъ.
Ночная мгла покроетъ землю вскорѣ,
Златымъ щитомъ потонетъ солнце въ морѣ.

Но напередъ я осмотрю здѣсь нынѣ
Мѣста, мнѣ милыя отъ дѣтскихъ дней;
Ахъ, тѣ жъ цвѣты пестрѣются въ долинѣ,
Тѣ жъ птички здѣсь поютъ въ сѣни вѣтвей.
Все такъ же небо смотрится въ пучинѣ:
О! какъ счастливъ, кто не ввѣрялся ей!
Она твердитъ о подвигахъ, играя;
Но вдаль уноситъ отъ родного края.

Ты мнѣ знакома, рѣчка: голубыя
Твои струи мой челнъ браздилъ не разъ;
Ты мнѣ знакомо, поле, гдѣ впервые
Она въ любви нездѣшней мнѣ клялась;
А вотъ и вы, березы дорогія;
Какъ много рунъ я вырѣзалъ на васъ!
Все въ той же вы красуетесь одеждѣ:
Здѣсь все какъ встарь; лишь я не тотъ, что прежде.

Но все ль какъ было? гдѣ же кровъ мой старый,
Гдѣ Бальдера величественный храмъ?
Ахъ, счастье жило здѣсь, но пламень ярый,
Но мечъ прошелъ по тихимъ берегамъ;
И месть людей, и громъ небесной кары
Здѣсь черный прахъ свидѣтельствуетъ намъ.
Прочь, мирный путникъ, прочь отъ пепелища!
Гдѣ храмъ стоялъ, тамъ звѣря логовища!

Есть искуситель, въ мірѣ тьмы рожденный, —
Нашъ лютый врагъ [1]). Не чтитъ онъ ничего;
Онъ ненавидитъ свѣтъ, напечатлѣнный
Въ чертахъ героя, на мечѣ его;
И подвигъ зла, въ часъ гнѣва совершенный,
То сына мглы и трудъ и торжество!
Падетъ ли жертва, храмъ ли запылаетъ,
Онъ въ черныя ладони ударяетъ.

Ужель, о Бальдеръ, вѣчно будетъ мщенье?
Ужели нѣтъ мирительныхъ даровъ?
За кровныхъ мстящій знаетъ укрощенье,
Смягчаютъ жертвы гнѣвъ святыхъ боговъ.
Благимъ слывешь ты: дай купить прощенье!
О, повели... я все отдать готовъ.
Безъ умысла твой храмъ сожженъ былъ мною,
Дай со щита пятно стереть герою.

Я изнемогъ подъ тяжестью твоею,
Тревожныхъ призраковъ душа полна;
Молю тебя, да славою моею
Искупится мгновенная вина.
Предъ Молньеносцемъ я не поблѣднѣю,
И съ Гелою мнѣ встрѣча не страшна;
О, кроткій богъ, чей взоръ какъ мѣсяцъ ясенъ!
Мнѣ только ты, мнѣ твой лишь гнѣвъ ужасенъ.

Вотъ холмъ отцовскій. Спишь ли ты, воитель?
Ты тамъ, отколь никто ужъ не придетъ!
Палаты звѣздныя — твоя обитель;
Тамъ внемлешь звонъ щитовъ, тамъ пьешь ты медъ.
Оттоль ко мнѣ ты взоръ склони, родитель!
О, Асовъ гость! твой сынъ тебя зоветъ.
Не тайны рунъ, не чары онъ приноситъ,
Но къ миру съ Бальдеромъ совѣта проситъ.

Ужели нѣмъ курганъ? смягчась мольбою,
Про мечъ пѣлъ мощный Ангантиръ [2]) въ холмѣ.
Но мнѣ не мечъ... его я взялъ бы съ бою;
Что значитъ онъ предъ тѣмъ, что нужно мнѣ?

---

[1]) Драконъ, грызущій корень Древа времени.

[2]) Въ одной сагѣ разсказывается, что къ могилѣ Ангантира пришла дочь его просить меча. Ангантиръ позволилъ ей взять оружіе изъ-подъ плечъ его.

Родитель! я стою передъ тобою,
Чтобъ миръ мнѣ далъ ты въ горней сторонѣ:
Открой мнѣ очи, разрѣши сомнѣнье;
Какъ тяжело мнѣ Бальдера гоненье!

Молчишь!.. внемли, какъ сладко ропщутъ воды:
О, дай отвѣтъ услышать въ ихъ рѣчи.
Иль ухватись за крылья непогоды
И на лету мнѣ слово прошепчи,
Иль, гдѣ закатъ румянитъ неба своды,
Въ златой узоръ ты думу заключи.
Напрасно: отъ отца, въ часъ горя злого
(Какъ смерть бѣдна!), я не дождусь ни слова!" —

День гаснетъ; вѣтерокъ вечерній вѣетъ,
Дѣтей земли баюкая съ небесъ;
И выше катится заря, и рдѣетъ,
И правитъ бѣгъ пурпуровыхъ колесъ.
По голубымъ она долинамъ рѣетъ
Видѣніемъ изъ свѣтлыхъ странъ чудесъ.
И вотъ надъ моремъ зрится на закатѣ
Картина дивная въ огнѣ и златѣ.

Воздушный призракъ — имя ей межъ нами
(Оно въ Валгаллѣ сладостнѣй звучитъ);
Чуть зыблясь, надъ зелеными лѣсами
Видѣнье то златымъ вѣнцомъ стоитъ;
Со всѣхъ сторонъ одѣтое лучами,
Оно красой невиданной блеститъ.
И ниже, ниже... вотъ остановилось;
На мѣстѣ храма, въ храмъ преобразилось.

Являя крѣпость Бальдера, сверкали
Серебряныя стѣны надъ скалой;
Столбы изсѣчены изъ темной стали;
Алтарь былъ цѣльный камень дорогой;
А куполъ духи, мнилося, держали:
Какъ звѣздный кровъ, висѣлъ онъ надъ землей;
И боги высилися въ немъ на тронахъ,
Въ одеждахъ голубыхъ, въ златыхъ коронахъ.

И вотъ, къ щитамъ таинственнымъ склоненны,
Въ дверяхъ стоятъ святыя Норны тамъ.
Онѣ — какъ розы, въ урнѣ заключенны:
Ихъ строгій видъ плѣнителенъ очамъ.

И Урда [1]) указуетъ храмъ сожженный,
А Скульда [2]) указуетъ новый храмъ.
Но лишь герой пришелъ въ себя, лишь стало
Ему понятно диво, — все пропало.

„О дѣвы рока! я постигъ видѣнье!
Вотъ твой отвѣтъ, родитель добрый мой!
Исполню я священное велѣнье:
Вновь прежній храмъ возстанетъ надъ скалой.
О, какъ отрадно мужу искупленье,
Благимъ трудомъ, дѣлъ юности слѣпой!
Въ отверженномъ надежда оживаетъ;
Смягчившись, бѣлый богъ ему прощаетъ.

Плывите, звѣзды тихія; плывите!
Мнѣ сладко вновь слѣдить васъ въ вышинѣ;
И вы, сіянья Сѣвера, горите!
Ужъ мнѣ средь васъ не зрится храмъ въ огнѣ.
Ты, холмъ, красуйся; волны, вы гремите
По прежнему напѣвъ свой дивный мнѣ!
Здѣсь лягу я на щитъ: пускай мнѣ снится,
Какъ съ человѣкомъ гнѣвный богъ мирится.“

XXIV.

Примиреніе.

Храмъ Бальдера оконченъ. Вкругъ него теперь
Уже не тынъ простой, какъ было въ старину, —
Желѣзная ограда: каждый шестъ у ней
Увѣнчанъ пышно маковкою золотой.
На стражѣ вкругъ святилища стоитъ она,
Какъ будто рать богатырей въ броняхъ стальныхъ,
Подъ золотыми шлемами, при бердышахъ.
Весь храмъ построенъ изъ огромнѣйшихъ камней,
Отважное искусство сочетало ихъ.
То исполинскій, вѣковѣчный трудъ; онъ схожъ
Съ упсальскимъ капищемъ, въ которомъ Сѣверъ зрѣлъ
Подобіе своей Валгаллы на землѣ.
Красуясь гордо на утесѣ, новый храмъ

---

[1]) Урда значитъ: Прошедшее.
[2]) Будущее.

Свое чело въ заливѣ свѣтломъ отражалъ;
А вкругъ него, какъ чудный поясъ изъ цвѣтовъ,
Долина Бальдера лежала — мира сѣнь —
Съ своими рощами, гдѣ шопотъ вѣтерка
Сливался съ пѣньемъ птицъ и лепетомъ ручьевъ.
Величественны были мѣдныя врата;
Предъ ними въ два ряда стоявшіе столбы
На мощныхъ раменахъ своихъ держали сводъ,
И дивно кругъ его надъ капищемъ висѣлъ,
Какъ нѣкій златозарный, выдолбленный щитъ.
Напротивъ входа жертвенникъ стоялъ. То былъ
Отрубокъ цѣльный мрамора полночныхъ горъ,
И змѣй его обхватывалъ, покрытый весь
Словами мудрыми изъ пѣсенъ старины.
Надъ жертвенникомъ виденъ былъ въ стѣнѣ заломъ [1])
Съ златыми звѣздами на темной синевѣ.
Тамъ бога милости серебряный кумиръ
Стоялъ, и ликъ его былъ кротокъ какъ луна,
Сребромъ блестящая на синевѣ небесъ.
Таковъ былъ храмъ. Вотъ по-двое вошли туда
Двѣнаднать къ капищу принадлежавшихъ дѣвъ
Въ покровахъ серебристыхъ; розы на щекахъ
И розы же въ невинномъ сердцѣ ихъ росли.
Вкругъ алтаря вновь освященнаго онѣ
Предъ ликомъ Бальдера плясали, какъ весной
Надъ тихоструйнымъ токомъ пляшутъ вѣтерки,
Какъ альфы лѣса пляшутъ въ муравѣ густой,
Сверкающей въ алмазахъ утренней росы.
И въ пляскѣ пѣли дѣвы тѣ святую пѣснь
О кроткомъ Бальдерѣ, о томъ, как въ мірѣ все
Его любило, какъ онъ жертвой брата палъ,
И всё взрыдало — небо, море и земля.
Не люди, мнилось, пѣли пѣсню ту: она
Сладка была, какъ звукъ изъ храмины боговъ,
Какъ одинокой дѣвы мысль о миломъ ей,
Когда унывно въ полночь перепелъ поетъ
И мѣсяцъ свѣтитъ изъ-за сѣверныхъ березъ.
Въ восторгѣ Фритьофъ, подпершись мечомъ, смотрѣлъ
На пляску дѣвъ. Воспоминанья раннихъ лѣтъ
Веселой, непорочною толпой текли
Предъ взорами его, и другу своему

[1]) Нишь.

Старинному кивали нѣжно головой,
Облитой золотомъ кудрей; привѣтъ любви
Сіялъ ему изъ ихъ лазоревыхъ очей.
Какъ тѣнь кровавая, поникнули во мракъ
Дни юности его съ тревогой битвъ и бурь,
И вѣрилось ему, что на могилѣ ихъ
Стоитъ онъ будто камень, убранный въ цвѣты.
Но длилась пѣснь, и возносился духъ его
Съ земной юдоли въ горній край. Людская месть,
Вражда людская таяли въ груди его,
Какъ на утесѣ таетъ панцырь ледяной
Въ лучахъ весны. Нѣмой восторгъ и сладкій миръ
Въ его душѣ геройской моремъ разлились:
Онъ чувствовалъ, казалось, какъ о грудь его
Природы сердце билось; онъ желалъ тогда
Всю землю въ умиленіи обнять, желалъ
Предъ Бальдеромъ назваться братомъ всѣхъ существъ. —
Вдругъ тихо въ храмъ вошелъ верховный жрецъ; то былъ
Не юноша, подобный Бальдеру красой, —
То былъ высокій старецъ. Ликъ его дышалъ
Небесной кротостью и былъ величья полнъ;
До пояса спускалась бѣлая брада.
Благоговѣньемъ Фритьофъ весь проникнутъ былъ,
И вотъ предъ старцемъ низко преклонился шлемъ
Орлинокрылый; съ миромъ старецъ началъ такъ:
„Привѣтствую, о Фритьофъ! я здѣсь ждалъ тебя.
Такъ, сила странствуетъ по морю и землѣ,
Какъ злой берсеркъ, грызущій бѣшено свой щитъ;
Но наконецъ она, опомнясь, изнурясь,
Назадъ приходитъ. Много разъ могучій Торъ
Бывалъ въ странѣ у Великановъ; но не могъ
Ихъ побѣдить: напрасенъ дивный поясъ былъ,
Не помогли желѣзныя перчатки. Зло
Есть сила и не хочетъ силѣ уступать.
Безъ силы кротость — дѣтская забава лишь,
Блескъ солнечный, играющій на лонѣ водъ:
Съ волною призракъ сей встаетъ и никнетъ вновь;
Обманчивъ онъ, — нѣтъ основанья у него.
Но сила, бывъ безъ кротости, сама себя
Снѣдаетъ, какъ въ сыромъ курганѣ мечъ; она
Похмѣлье бытія; надъ краемъ кубка насъ
Забвенья цапля [1]) ждетъ; стыдимся, пробудясь.

[1]) Выраженіе Высокой Пѣсни (Havamal).

Да, сила всякая родится отъ земли,
Отъ тѣла великана Имера, гдѣ кровь —
Рящіяся воды, мышцы же — руда.
Но на землѣ безплодье, пустота и мракъ,
Доколѣ кротость неба — солнце на нее
Лучей своихъ не льетъ. Тогда восходитъ злакъ,
И ткутъ цвѣты свою пурпуровую ткань,
И дерево подъемлетъ гордо свой вѣнецъ,
И человѣкъ, и звѣрь — все извлекаетъ жизнь
Изъ лона Матери. — Таковъ и нашъ удѣлъ.
Двѣ тяжести Альфадеръ мудрый положилъ
На вѣсовыя чаши бытія людей,
И въ равновѣсіи должны тѣ чаши быть;
Земная сила — имя тяжести одной,
Небесной кротостью другая названа.
Конечно Торъ могучъ, когда свой поясъ онъ
Надъ бедрами крутыми стянетъ — и разитъ.
И мудръ Одинъ, когда глядится онъ въ струяхъ
Прозрачныхъ Урды, и съ земли летящій вранъ
Ему приноситъ вѣсти. Но Одинъ и Торъ
Покрылись блѣдностью, померкли ихъ вѣнцы,
Когда внезапно Бальдеръ, кроткій Бальдеръ палъ:
Затѣмъ что онъ былъ въ небѣ связію боговъ.
Отъ той поры во всемъ твореніи война
Свирѣпствуетъ, нося свой щитъ изъ края въ край.
Въ Валгаллѣ пѣтелъ съ гребнемъ золотымъ поетъ,
Кровавый пѣтелъ на землѣ и въ мракѣ безднъ
Поетъ, будя войну. Но нѣкогда былъ миръ
Повсюду — и въ чертогахъ Асовыхъ и здѣсь;
Онъ жилъ въ душѣ людей, какъ и въ груди боговъ;
Затѣмъ что все, творящееся на землѣ,
Сперва въ иномъ размѣрѣ было въ небесахъ.
Нашъ родъ — Валгаллы малый образъ; Саги щитъ,
Покрытый рунами, есть зеркало небесъ.
У всякаго свой Бальдеръ въ сердцѣ есть. Скажи,
Ты помнишь ли тѣ дни, когда въ груди твоей
Цвѣлъ миръ, и жизнь была такъ сладостно-тиха,
Такъ восхитительна, какъ вольной птички сонъ
Средь лѣтней ночи? теплый вѣетъ вѣтерокъ,
Качаются головки дремлющихъ цвѣтовъ
И колыбель пѣвицы. Кроткій Бальдеръ жилъ
Еще тогда въ твоей душѣ, о Асовъ сынъ,
О странствующій неба образъ на земли!

Не умеръ Бальдеръ для младенцевъ: каждый разъ,
Когда на свѣтъ родится новый человѣкъ,
Свою добычу Гела міру отдаетъ;
Но рядомъ съ Бальдеромъ растетъ у насъ въ душѣ
И братъ его слѣпой: все злое, какъ медвѣдь,
Рождается слѣпымъ, и ночь — одежда зла
(Добро всегда бываетъ въ свѣтъ облечено).
Является лукаво искуситель Локъ
И подаетъ слѣпцу копье; оно летитъ,
И Бальдеръ имъ сраженъ, любимецъ всѣхъ боговъ.
Проснулася вражда, насилье поднялось,
Голодный волкъ меча скитаться началъ вкругъ
По доламъ и горамъ; драконы поплыли
По окровавленнымъ волнамъ. А кротость въ тмѣ
У Гелы тѣнію безсильной возсѣдитъ.
Отъ храма Бальдера остался прахъ одинъ.
Такъ жизнь высокихъ Асовъ образцомъ была
Для бренной жизни человѣка: обѣ суть
Лишь неизмѣнная Альфадерова мысль.
Что было, что свершится, то вѣщаетъ пѣснь
Премудрой Валы. Колыбельная то пѣснь
Вѣковъ и вмѣстѣ погребальный ихъ напѣвъ.
Земная лѣтопись звучитъ согласно съ ней,
И мужъ въ ней слышитъ собственную быль свою.
„Вы поняли ль меня?“ такъ Вала говоритъ.
 Ты хочешь примириться. Ясно ли тебѣ,
Что значитъ примиренье? Сынъ мой, посмотри
Мнѣ въ очи, не блѣднѣя. Знай, что по землѣ
Проходитъ примиритель — онъ зовется: Смерть.
Что время? возмущенный вѣчности потокъ;
Земная жизнь? то отпаденіе существъ
Отъ трона общаго Отца. Опять взнестись
Къ нему очищеннымъ — вотъ примиренья смыслъ.
И сами Асы пали, но настанетъ день
Ихъ примиренія, — кровавый день, когда
Они на полѣ страшной битвы смерть найдутъ.
Тогда и Зло умретъ навѣки, а Добро
Къ иному бытію возстанетъ, просвѣтлѣвъ,
Изъ пламени вселенной. Правда, упадетъ
Съ шатра небесъ увянувшій вѣнокъ свѣтилъ,
Земля потонетъ въ морѣ: но изъ водъ она
Прекраснѣй прежняго подымется опять,
Вѣнчанная цвѣтами; тихо поплыветъ

Надъ нею строй божественно-блестящихъ звѣздъ.
На злачныхъ холмахъ Бальдеръ будетъ управлять
Возобновленнымъ родомъ Асовъ и людей.
Тогда Валгаллы чада средь травы найдутъ
Скрижали золотыя, на зарѣ вѣковъ
Утраченныя. — Такъ смерть падшаго Добра
Есть какъ-бы очищеніе его въ огнѣ,
Есть примиреніе, рожденье къ бытію
Иному, высшему; туда, гдѣ началась,
Жизнь снова воспаритъ и будетъ тамъ играть
Безпечно какъ младенецъ на рукахъ отца.
Ахъ! за могилою все лучшее живетъ:
Здѣсь на землѣ все низко, здѣсь нечисто все;
Но примиреніе уже и въ жизни есть, —
Заря того, что насъ въ надзвѣздномъ мірѣ ждетъ.
Оно подобно приступу пѣвца, когда
Искусными перстами онъ легко скользитъ
По арфѣ, чтобъ ее настроить для игры, —
Пока онъ не ударитъ мощно по златымъ
Струнамъ ея, и изъ могилы старина
Священная возстанетъ, и Валгаллы блескъ
Вдругъ очи озаритъ восторженной толпѣ.
Земля есть неба тѣнь, земное бытіе —
Преддверіе небесныхъ Бальдера палатъ.
Народъ приноситъ Асамъ жертвы, онъ ведетъ
Къ закланію коня подъ золотымъ сѣдломъ
Съ пурпурною уздой. То знакъ, въ которомъ скрытъ
Глубокій смыслъ, затѣмъ что примиренья дню
Должна предшествовать его денница — кровь.
Но знакъ не дѣло; онъ не въ силахъ примирять;
Вину свою ты можешь искупить лишь самъ.
Умершій на груди Альфадера найдетъ
Желанный миръ, — живой лишь въ собственной душѣ.
Одну я знаю жертву: для боговъ она
Милѣй, чѣмъ дымъ пролитой крови; жертва та
Есть жертва мщенья твоего, вражды твоей.
Когда ихъ лезвея не можешь притупить,
Когда ты не готовъ прощать, то для чего
Пришелъ ты въ этотъ храмъ? къ чему воздвигъ его?
Нѣтъ, камнями ты Бальдера не укротишь;
Съ своимъ врагомъ, съ самимъ собою примирись:
Тогда и съ богомъ свѣта будешь примиренъ. —
На югѣ слухъ идетъ о Бальдерѣ иномъ:

Сынъ Дѣвы, отъ Альфадера онъ присланъ былъ
Въ сей міръ для объясненья полныхъ тайны рунъ,
Которыми покрыты грозныхъ Норнъ щиты.
Его воинскимъ кликомъ межъ людей былъ миръ,
Любовь была его свѣтящимся мечомъ,
На шлемѣ же своемъ серебряномъ носилъ
Онъ непорочность будто голубицу. Онъ
Смиренно поучалъ и умеръ и простилъ;
Подъ сѣнію далекихъ пальмъ стоитъ въ лучахъ
Его могила. Слышно, заповѣдь его
Идетъ изъ края въ край, мягчитъ сердца людей,
Связуетъ съ дланью длань и зиждетъ на землѣ
Владѣнье мира. Я ученія того
Не знаю въ точности, но въ свѣтлые часы
Уже не разъ душой угадывалъ его,
И въ каждомъ сердцѣ то жъ сбывается порой.
Предвижу: нѣкогда, какъ голубь, тотъ законъ,
Достигнувъ сѣверныхъ утесовъ, распрострѣтъ
Надъ ними крылья снѣжнобѣлыя свои.
Но сѣверу тогда для насъ ужъ не бывать,
Надъ холмами забытыхъ дубу зеленѣть.
Счастливые потомки! новый свѣтъ въ тѣ дни
Изъ лучезарной чаши пить вамъ суждено!
Я васъ привѣтствую: о, да разгонитъ онъ
Всѣ тучи, кои влажной пеленой досель
Предъ нами застилали солнце бытія.
Но насъ не презирайте: пристально нашъ взоръ
Искалъ его божественныхъ лучей; одинъ
Альфадеръ, вѣстниковъ лишь много у него.

Ты ненавидишь Беловыхъ сыновъ. За что?
Они не согласилися, чтобъ ихъ сестра
За сына бонда вышла: ибо въ ней течетъ
Одина кровь; въ Валгаллѣ предки ихъ сидятъ
На тронахъ; то внушаетъ гордость имъ. „Но родъ
Есть счастье, — не заслуга“, возразишь ты мнѣ:
О юноша! заслугой не гордимся мы
Ни въ чемъ, а счастьемъ, ибо все, чѣмъ дорожимъ,
Есть даръ благихъ боговъ. И самъ гордишься ты
Геройскими дѣлами, силою своей.
Но самъ ли ты себѣ далъ мощь? Не богъ ли Торъ
Сплелъ крѣпко жилы рукъ твоихъ, какъ дуба вѣтвь?
Не Тора ль духъ отважный весело кипитъ

Въ крутой груди твоей, — оградѣ изъ щитовъ?
Не Тора ль молнія блеститъ въ твоихъ очахъ?
Уже ты въ колыбели слышалъ пѣсни Норнъ
О славѣ дѣлъ своихъ, но ею ты себѣ
Обязанъ столько же, какъ конунга дитя
Своимъ рожденіемъ обязапо себѣ.
Не осуждай другихъ за гордость, чтобъ за то жъ
Тебя не осудили... Конунгъ Гелгъ погибъ." —
Тутъ Фритьофъ прерываетъ: „Конунгъ Гелгъ погибъ?
Когда и гдѣ?" — „Ты знаешь самъ, межъ тѣмъ какъ здѣсь
Ты строилъ, онъ въ горахъ у Финновъ воевалъ.
Въ глуши стоялъ тамъ на утесѣ древній храмъ,
Воздвигнутый во славу Юмалѣ [1]). Теперь
Давно уже онъ замкнутъ и покинутъ былъ;
Но на вратахъ еще старинный бога ликъ —
Чудовищный — висѣлъ, къ паденію клонясь.
Никто къ святилищу приблизиться не смѣлъ:
Межъ Финнами повѣрье изстари жило,
Что Юмалу увидитъ, кто отворитъ храмъ.
Услышавъ то, съ слѣпою злобой Гелгъ пошелъ
На бога вражьяго по сумрачнымъ стезямъ,
И ниспровергнуть капище хотѣлъ. Когда
Пришелъ онъ къ мѣсту, были замкнуты врата
И ржавый ключъ какъ бы приросъ къ нимъ. Ухватясь
За вереи, потрясъ онъ рухлые столбы:
Съ ужаснымъ трескомъ палъ внезапно истуканъ,
И сынъ Валгаллы былъ раздавленъ имъ. Такъ Гелгъ
Увидѣлъ Юмалу. Вчерашней ночью вѣсть
О томъ гонецъ привезъ, и Гальфданъ ужъ одинъ
Сидитъ теперь на тронѣ Бела; такъ простри жъ
Ему ты длань, пожертвуй местію богамъ:
Сей жертвы Бальдеръ хочетъ, и, какъ жрецъ его,
Я требую, мой сынъ, во знаменье того,
Что бога милосердья ты не обманулъ.
Когда откажешь, храмъ напрасно ты воздвигъ
И я напрасно говорилъ." —

Вдругъ Гальфданъ самъ
Вошелъ чрезъ мѣдный прагъ, и съ робкимъ взоромъ сталъ
Отъ страшнаго поодаль и безмолвенъ былъ.
Бронекрушителя тутъ Фритьофъ отвязалъ
Отъ стана, щитъ златой приставилъ къ алтарю

---

[1]) Финскій богъ.

И безъ оружія приблизился къ врагу.
„Въ сей распрѣ", съ кротостью сказалъ онъ, „будетъ тотъ
Великодушнѣй, кто сперва предложитъ миръ."
Тутъ Гальфданъ, покраснѣвъ, совлекъ съ руки своей
Желѣзную перчатку, и опять сплелись
Давно разрозненныя длани; какъ скала,
Надежно, крѣпко было рукожатье то!
Старикъ тогда сложилъ проклятіе съ главы
Изгнанника, того, кто Волкомъ храма слылъ.
И въ тотъ же мигъ явилась Ингеборга къ нимъ
Въ нарядѣ брачномъ, въ горностаевомъ плащѣ,
И дѣвы шли за ней, какъ звѣзды за луной.
Въ слезахъ она въ объятья Гальфдана спѣшитъ,
А онъ, растроганный, прекрасную сестру
Склоняетъ къ Фритьофу на грудь. И вотъ она
Предъ жертвенникомъ руку подаетъ тому,
Кого отъ сердца любитъ, кто ей съ дѣтства милъ.

Литература „Фритіофссаги“, ея переводовъ и проч. [1]).

Первое полное изданіе поэмы „Frithiofs-Saga“ появилось въ Стокгольмѣ въ 1825-мъ году. Второе вышло тамъ же въ томъ же году; третье въ 1827; четвертое въ 1828; пятое въ 1831; шестое въ 1840 г. и т. д. Каждый разъ печаталось отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ экземпляровъ. Теперь (*1841 г.*) въ моихъ рукахъ 12-е стокгольмское изданіе 1854. Позднѣйшія мнѣ неизвѣстны, за исключеніемъ напечатаннаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Стокгольмѣ же, роскошнаго изданія Мальмстрема съ рисунками, изъ которыхъ, однакоже, многіе довольно плохи. [2]) При первоначальномъ переводѣ „Фритіофссаги“ я пользовался выборгскою перепечаткою 1827 года, изданіемъ, въ которомъ къ этой поэмѣ присоединены еще другія два произведенія Тегнéра: *Первое причащеніе* и *Аксель*.

I. Переводы.

А. — Всей поэмы вполнѣ.

Нѣмецкіе.

1. Amalie von Helwig, geborne Freyin von Imhoff, Stuttgart 1826; — 2-е изданіе, тамъ-же 1832; — 3-е тамъ-же 1844 (слѣд. изд. 1851, 53, 62, 79 гг.).
2. Ludolf Schley, Upsala 1826.—Перепечатанъ въ Вѣнѣ 1827; потомъ въ Митавѣ 1841.
3. Gottlieb Mohnike, Stralsund, 1826; 2-е изд. 1830; 3-е изд. Leipzig 1836; 4-е изд. 1840 и т. д. (до 90-хъ гг. еще ок. 15-ти изд.).
4. E. J. Mayerhoff, Berlin 1835.
5. Er. Jansen, Hamburg 1841.
6. F. v. Heinemann (съ иллюстраціями), Braunshweig 1845, 1862.
7. C. Hartmann, Leipzig 1842, 1846.
8. Gottfried v. Leinburg; Frankfurt am Main 1846; 2-е изд. мнѣ неизвѣстно; 3-е изд. Leipzig 1865, 4-е изд. Berlin 1870, и проч.
9. Jul. Minding, Berlin und Stralsund 1842, 1846.
10. A. E. Wollheim, Hamburg 1840, 1841, 1845, 1846; еще изд. 1851 и 1852.
11. G. Berger, Stuttgart 1843, 1854, 59, 62, 66 гг. etc.
12. M. Ant. Niendorf, Berlin 1854, 1858.
13. Edmund Lobedanz, Leipzig 1860, 1862 и проч.
14. Karl Simrock, Stuttgart 1863, 68, 75 гг.
15. F. W., Hamburg 1868.

---

[1]) Предлагаемый списокъ составленъ Я. К. Гротомъ сначала для 1-го изданія „Фритіофа“, а потомъ дополненъ въ 1850-хъ годахъ. Позднѣе онъ провѣрилъ и пополнилъ его въ 1873 году въ Стокгольмской Королевской библіотекѣ. — Этотъ списокъ мы позволяемъ себѣ насколько намъ возможно дополнить указаніями литературы „Фритіофссаги“ съ 1870-хъ гг. по нынѣшнее время, равно какъ недостающими ссылками для прежняго времени. *Ред.*

[2]) До 1885 г. всѣхъ шведскихъ изданій „Фритіофссаги“, считая и иллюстрированныя и въ полн. собраніи Сочиненій Тегнера, насчитывалось 35. Послѣднія изъ явившихся послѣ того: Frithiofssaga. Med tecknigar af Aug. Malmström (3-е изд.) Stockholm 1888; Frithiofssaga, 27 uppr. Stockh. 1895; послѣднее изд. Сочиненій Тегнера „Samlade Skrifter. National—uppl. 2 тома, Stockh. 1893. *Ред.*

Послѣ 1874 года. кромѣ новыхъ изданій переводовъ: A. v. Hellwig (Stuttg.), Leinburg (Leipz., 1893, 15 Aufl.) Berger (Stuttg,. 1887, 11 Aufl.),Lobedanz (Stuttg.), Mohnike (Berl. 1890; Leipz. 1893, еще 1894; Halle; Leipz., 1897. Mit Illustr. v. Malmström) *и нов. перераб. послѣдняго перев.* P. I. Willatzen (изд. 20—24, Halle, 1889—95), *явились еще переводы:*

Pauline Schanz (Dresden 1879; 3 Aufl. Frankf. a/м. 1896).
Freytag (Bremen, 1867, 74, 83 гг.).
Viehoff (Leipzig, 1892.; 1-е изд. 1865).
Ohnesorge (Leipzig, 1892).
O. v. Nordenskjöld, München 1880.
Cristensen (Leipzig и München 1895), *и другіе*

Датскіе. 1. J. P. Miller, Kjöbenhavn 1826. Въ этомъ переводѣ XXI-я пѣснь принадлежитъ финну Магнуссену.
2. A. E. Boye, Kjöbenhavn 1838. (слѣд. изд. 1840, 50, 59, 67, 75 гг.)
3. E. Lembcke, Kbhn, 1883.
(въ Норвегіи) 4. H. Foss, Bergen 1826. — 2-е изд. Christiania 1827. (слѣд. изд. 1846, 57, 59, 60 гг.).
5. C. Monsen, Christiania 1843. (слѣд. изд. 1846, 48, 53 гг.).

Исландскій. Matthias Jochumsson, Reykjavik 1866.

Англійскіе. 1. Rev. Wm. Strong, London and Leipzig 1833 и 1836.
2. Разныхъ рукъ: H. G., W. E. F., and R. C. Paris and London 1835.
3. R. G. Latham. M. A. London 1838.
4. G. S., Stockholm and London 1839. Всѣ напечатанныя при этомъ переводѣ приложенія изданы въ 1839-мъ году на шведскомъ языкѣ отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: *Bihang till Frithiof's Saga* (полное имя переводчика: George Stephens). Его-же перев. изд. въ Чикаго 1878 (Viking tales of the North).
5. O. Baker, London 1841.
6. C. W. Heckethorn, London 1856.
7. K. Muckleston, Oxford. London 1862.
8. William Lewery Blackley, Dublin 1857 и New-York 1867.
9. H. Spalding, London 1872.

Съ 1870-хъ гг. еще: Leopold Hamel, London 1874; L. A. Sherman, Boston 1878; Thomas A. E. Holcomb and Martha Holcomb, Chicago, 1877 и новое изданіе W. Lewery Blackley, Belfast. 1880. *Переводъ Л. Хамеля* отмѣченъ еще самимъ Я. К. Гротомъ въ его экземплярѣ перевода „Фритіофа" съ такой замѣткой: „Рецензентъ (этого перевода) насчитываетъ до этого 17—18 англійскихъ переводовъ. The Academy 1875, Oct. 9, стр. 378; онъ не хвалитъ этого перевода".

Французскіе. 1. M-lle R. du Puget, Paris 1838.—Этотъ переводъ въ прозѣ.
2. Léouzon Le Duc, Paris 1850; 2 изд. 1867.

Кромѣ названныхъ здѣсь были еще:

Frithiof, poème, trad. du suédois par H. Desprez et F. R. 1843.
Frithiof et Ingeborg, Poème suédois. Traduction de Louis Boutillier, Rennes 1851.
Quatre chants de la Saga de Frithjof de E. Tegner. Essai de traduction par L. T. (Ténint), Stockholm 1869.

Наконецъ послѣднимъ (ок. 1887 г.) *явился переводъ въ прозѣ:*
Frithiof, traduction nouvelle, avec étude sur la vie et l'oeuvre de Tegner, Paris (изд. Nouvelle Bibliothèque Populaire, H. Gauthier).

Италіанскій. Aless. Bazzani, Verona 1851.
Голландскій. P. C. von Eichstorff, Amsterdam 1851, 1861, 1876.
Польскіе. 1. Ludw. Jagielskiego, Poznan 1856.
2. Iózefa Grajnerta, Warszawa 1859.
3. Jana Wiernikowskiego, Petersburg 1861.
Чешскій. I. V. Sladek, v Praze 1891.
Финскій. 1. C. J. Blom, Helsingi 1872.
2. Em. Tamminen. Porvoossa 1885.
Мадьярскій. György Vilmos, Pest 1867.
Русскіе. 1. Я. Грота. Гельсингфорсъ 1841. До изданія всей поэмы, были напечатаны изъ нея: 1) „Прощаніе" и „Счастіе" въ *Телескопѣ* 1836 г.; 2) пѣснь VII („Счастіе Фритіофа") въ *Современникѣ* 1840 г. (т. XVIII), и 3) пѣснь XI („Фритіофъ у Ангантира") въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1840 же г. (№ 5) [1]).
2. Нѣкоторыя пѣсни „Фритіофа" переведены неизвѣстнымъ лицомъ въ прозѣ и напечатаны въ 1845 году подъ заглавіемъ: „Избранныя мѣста изъ поэмъ Владиміръ Великій, соч. Стагнеліуса, и Фритіофссага, соч. Тегнéра. Съ шведскаго И. Ш—й. Въ 8; 61 стр. Москва".

Здѣсь можно упомянуть еще о вышедшемъ недавно изданіи: „*Фритіофъ. Древне-скандинавское преданіе*, изложилъ для русскаго юношества Н. А. Борисовъ. Спб. 1893 г.".

Къ отдѣлу переводовъ поэмы можно также отнести другого рода литературную передѣлку „Фритіофссаги", именно изданную на шведскомъ же языкѣ пародію этой поэмы, подъ заглавіемъ: Brynolfs äfventyr. En dikt i sjutton Sånger. Calmar 1828 г. (Приключенія Брюнольфа, поэма въ 17-ти пѣсняхъ).

Б. — Частей поэмы (въ періодич. изданіяхъ).

1. K. Lappe, въ прозѣ, Wiener Zeitschrift für Kunst, Litteratur und Theater.
2. C. A. Valentiner, Originalien aus dem Gebiete der Wahrheit, Kunst, Laune und Phantasie. Jahrg. 1832. N:o 29.
3. Wilh. v. Souhr, Das Morgenblatt, N:o 149 — 151.
4. Herman v. Pommer Ephe, Sundine 1834.
5. J. J. Ampère, Litterarische Blätter der Börsenhalle, 1832.
6. Blackwood's Edinburgh Magazine, Febr. 1828.
7. Foreign Quarterly Review N:o V. Sept. 1828.
8. Prof. Longfellow, North American Review, Boston and New-York, N:o 96. July 1837.

---

[1]) Критическія статьи о 1-мъ изданіи перевода Я. Грота можно найти въ слѣдующихъ журналахъ: 1) *Современникъ* 1841, г. XXII, стр. 26; т. XXIII, стр. 47; 1845, т. XL, стр. 100. 2) *Библіотека для Чтенія* 1841, т. XLVI, Лит. Лѣт. стр. 69, 3) *Русскій Вѣстникъ* 1841, т. III, стр. 400. 4) *Отеч. Зап.* 1841, т. XVII, Библіог. Хр. стр. 40. Эта статья перепечатана въ „Сочиненіяхъ Бѣлинскаго" (ч. V, стр. 328; ср. тамъ же стр. 58), но съ довольно важнымъ и ничѣмъ необъяснимымъ пропускомъ двухъ мѣстъ, изъ которыхъ въ одномъ отдается справедливость обстановкѣ перевода и, между прочимъ, сказано: „Словомъ, изданіе перевода г. Грота, не въ примѣръ русскимъ книгамъ, *европейское* въ полномъ смыслѣ этого слова"(*см. ниже*).—Для оцѣнки точности перевода важна шведская статья (покойнаго учителя всеобщей исторіи Колана), напечатанная въ Финляндской газетѣ „Helsingfors Morgonblad" 1841 г., № 39.

Сюда можно бы присоединить еще не мало отрывочныхъ переводовъ „Фритіофа", появившихся съ 1830-хъ годовъ, но перечислять ихъ здѣсь не считаемъ необходимымъ. Обращаемъ читателя къ I тому полн. собранія Сочиненій Тегнера Samlade Skrifter 1885, 2 тома, гдѣ есть библіографія „Фритіофссаги" съ 1825 по 1885 г. *Ред.*

II. *Музыкальныя переложенія:*

1. Tolf Sånger ur Frithiofs Saga, af B. Crusell; Stockholm 1826 Вновь изданы въ Лейпцигѣ, 1827.
2. Sånger ur Frithiofs Saga, af Crusell, arrangerade för Guitarre, af Hildebrand; 4 тетради.
3. Tre Sånger ur Frithiofs Saga, af (Grefvinnan) Hedda Wrangel. Stockholm 1828.
4. Sånger ur Frithiofs Saga, satte i Musik at P. C. Boman. Stockholm 1828.
5. Fyra Sånger ur Frithiofs Saga, componerade af Adolf Sandberg. Stockholm 1829.
6. Tre Sånger ur Frithiofs Saga, satte i Musik af S. M. Zanders. Stockholm 1830.
7. Schwedische Lieder aus Axel und Frithiof, in Musik gesetzt von Caroline Ridderstolpe. Stockholm 1829.
8. Vikinga-Balk (XV Gesang aus Frithiofs Sage) von Joseph Panny. Mainz, Paris, Antwerpen 1822.
9. Drey Lieder aus der Frihiofs Sage, von F. Silcher. Tübingen 1836.
10. XII Songs to Frithiofs Saga (4 unchanged from Crusell) in the English Translation by G. S.

III. *Гравюры:*

1. H. Hamiltons Tjugufyra Teckningar till Frithiofs Saga, 4 тетради. Stockholm 1828.
2. Framnäs och Balestrand, Frithiofs och Ingeborgs hem, målade af C. J. Fahlcrantz, lithografierade af Ankarsvärd, Stockholm 1828.
3. Holmbergssons XXIV (неудачные) Teckningar. Въ 5-мъ изданіи 1831.
4. II Lithographs in Strong's Translation (from Mohnike).
5. XVI Original topographical and antiquarian Engravings on Stone, in the last English Translation (by G. S.).

Примѣчаніе. Послѣдніе два отдѣла не были пополняемы ни Я. К. Гротомъ, ни нами, и остаются здѣсь въ томъ же видѣ, въ какомъ были напечатаны при 1-мъ изданіи русскаго перевода.

Считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь цѣликомъ отзывъ Бѣлинскаго о переводѣ Я. К. Грота, какъ любопытный самъ по себѣ, а также въ виду тѣхъ пропусковъ, которые допущены въ изданіяхъ „Сочиненій" Бѣлинскаго (также и послѣднемъ), и о которыхъ переводчикъ упоминаетъ выше въ примѣчаніи. *Ред.*

...„Фритіофъ" — поэма шведскаго поэта Тегнéра, созданная имъ изъ народныхъ сказокъ и преданій, слѣдовательно по преимуществу произведеніе народное, которое должно быть мало доступно и мало интересно

для всякой другой публики, кромѣ шведской. Но „Фритіофъ", несмотря на свою народность, общедоступенъ, понятенъ и въ высшей степени интересенъ для всякой публики и на всякомъ языкѣ, если переданъ хоть такъ хорошо, какъ передалъ его на русскій языкъ г. Гротъ. Причина этому — общечеловѣческое содержаніе и самый характеръ скандинавской народности. Чтобъ эта мысль была для всѣхъ ясна, мы должны въ краткомъ очеркѣ изложить содержаніе „Фритіофа".

Изложивъ затѣмъ сжато содержаніе поэмы съ обильными выдержками изъ перевода, критикъ продолжаетъ такъ:

„Вотъ содержаніе поэмы лауреата Швеціи. Какіе элементы жизни, и какъ было такому даровитому поэту не создать изъ нихъ такой превосходной поэмы! Великодушное геройство, неукротимая, рьяная любовь, стремленіе къ славѣ и великимъ дѣламъ, ненасытимая жажда мести за оскорбленную честь и достоинство—и готовность прощать; бурное, гордое вольнолюбіе — и благоговѣйное уваженіе къ законамъ нравственности и истины; любовь къ женщинѣ могучая, безпредѣльная, страстная и вмѣстѣ кроткая, нѣжная, покорная, дѣвственная, чистая: — вотъ они, эти романтическіе элементы, это зерно будущаго рыцарства! А между тѣмъ, нравы дики, воинственность отзывается звѣрствомъ, право сильнаго торжествуетъ, кровь льется безпрестанно. Да, народная поэзія *такого* племени доступна всѣмъ народамъ и всѣмъ вѣкамъ: изъ нея смѣло могутъ черпать поэты новѣйшаго времени и изъ ея элементовъ созидать произведенія мировыя и вѣчныя! Все дѣло въ идеѣ: чѣмъ общѣе идея, тѣмъ родственнѣе духу человѣческому форма, выразившая ее. А какая же идея общѣе, человѣчнѣе, родственнѣе всѣмъ вѣкамъ и народамъ, какъ не идея мужества, доблести, правды, любви, и всего, чѣмъ гордится человѣчество, въ чемъ люди сознаютъ свое братство, свое единокровное родство въ Богѣ?...

Не зная подлинника, не можемъ утвердительно судить о достоинствѣ поэмы Тегнéра; можемъ сказать только, что чѣмъ болѣе нравился намъ переводъ г. Грота, тѣмъ несравненно выше представлялся нашей фантазіи подлинникъ... Какіе грандіозные образы, какая сила, энергія въ чувствѣ, какая свѣжесть красокъ, какой дивно-поэтическій колоритъ! Это совершенно новый, оригинальный міръ — полный безконечности, величавый и сумрачный, какъ даль океана, какъ вѣчно-суровое небо сѣвера, опирающееся на исполинскія сосны... Отъ всей души благодаримъ г. Грота за его прекрасный подарокъ русской публикѣ...

Что касается до достоинства перевода, нельзя не отдать полной справедливости таланту г. Грота, какъ переводчика. Онъ умѣлъ сохранить колоритъ скандинавской поэзіи подлинника, и потому въ его переводѣ есть жизнь: а это уже великая заслуга въ дѣлѣ такого рода! Жаль только, что между прекрасными стихами, у него нерѣдко попадаются стихи прозаическіе, неточность въ выраженіи, а отъ того и темнота. Можетъ быть это происходило и отъ желанія быть какъ можно вѣрнѣе смыслу подлинника: въ такомъ случаѣ, мы самые недостатки готовы принять за достоинства, тѣмъ болѣе, что со временемъ г-ну Гроту легко будетъ исправить ихъ [1]). Впрочемъ, нѣкоторыя пѣсни пере-

---

[1]) Переводчикъ такъ и сдѣлалъ впослѣдствіи при 2-мъ изданіи, и послѣ онъ еще дѣлалъ поправки въ своемъ экземплярѣ, которыми мы и воспользовались въ настоящемъ изданіи. *Ред.*

ведены прекрасно, особенно XIX-я. Намъ очень нравится, что г. Гротъ каждую пѣсню переводилъ размѣромъ подлинника. Такъ какъ форма всегда соотвѣтствуетъ идеѣ, то размѣръ отнюдь не есть случайное дѣло, — и измѣнить его въ переводѣ значитъ поступить произвольно. Можетъ быть, такой переводъ будетъ и выше самого подлинника, но тогда онъ — уже передѣлка, а не переводъ.

Переводъ г. Грота снабженъ всѣми вспомогательными средствами, облегчающими для читателя уразумѣніе поэтическаго произведенія: объясненіемъ непонятныхъ словъ, разсказомъ о нравахъ, обычаяхъ и миѳологіи древней Скандинавіи, извѣстіемъ о переводѣ „Фритіофа" на всѣ языки, письмомъ Тегнéра, касающимся до его поэмы. Словомъ, изданіе перевода г. Грота, не въ примѣръ русскимъ книгамъ, *европейское* въ полномъ смыслѣ этого слова. Видно, что г. Гротъ занялся переводомъ „Фритіофа" съ любовью и усердіемъ, долго изучалъ его"...

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Древне-исландскія саги.

Къ числу важнѣйшихъ памятниковъ скандинавской древности принадлежитъ собраніе сагъ, изданное въ Копенгагенѣ незабвеннымъ профессоромъ Рафномъ (1829, 1830). Въ нихъ рѣчь идетъ о происшествіяхъ, случившихся въ Скандинавіи до времени Гаральда Лѣповласаго, или заселенія Исландіи въ IX-мъ столѣтіи. Вотъ почему въ этихъ сказаніяхъ нельзя искать строго-историческаго содержанія, хотя они по большей части и не лишены исторической основы. Согласно съ младенческимъ состояніемъ тогдашнихъ народовъ, въ сагахъ являются сверхъестественныя силы и божества, принимающія непосредственное участіе въ дѣлахъ человѣческихъ.

„Фритіофссага" считается одною изъ древнѣйшихъ по происхожденію и интереснѣйшихъ по содержанію сагъ. Знаменитый копенгаенскій профессоръ Мюллеръ (издавшій въ 1818 г. свою извѣстную „Библіотеку сагъ") полагаетъ, по языку Фритіофссаги, что она была въ первый разъ *записана* въ Исландіи въ концѣ XIII или въ началѣ XIV столѣтія; въ немногихъ только выраженіяхъ саги Мюллеръ видитъ слѣды подновленія ея въ болѣе близкое къ намъ время. „Можетъ быть, говоритъ онъ, отдѣльныя происшествія были нѣсколько украшены, но главное событіе таково, что оно во всѣ времена способно возбуждать человѣческое любопытство, и особенно становиться предметомъ народной поэзіи. Испоконъ-вѣку было повѣрье, что вѣдьмы могутъ вызывать бурю и потомъ посреди самой непогоды являться передъ кораблемъ въ образѣ кита или другого морского звѣря. Во многихъ сагахъ можно видѣть, что важнымъ дѣломъ считалось въ

бурю убить подобное, приближавшееся къ кораблю животное.“. Самое происхожденіе саги относится, вѣроятно, къ гораздо болѣе отдаленному времени. „Еслибъ, продолжаетъ Мюллеръ, разсказъ былъ изобрѣтенъ не прежде XIV столѣтія, то сочинитель не удовольствовался бы подвергнуть героя бурѣ во время мирнаго плаванія къ Фарейскимъ островамъ: онъ бы навѣрное отправилъ его въ Біармію или Морландію (т. е. Африку) на борьбу съ великанами или на освобожденіе какихъ-нибудь принцессъ“. Время жизни Фритіофа Мюллеръ относитъ вѣка за два до Гаральда Лѣповласаго; но на этотъ счетъ мнѣнія ученыхъ очень различны, и ничего вполнѣ достовѣрнаго сказать нельзя. Торфеусъ думаетъ, что Фритіофъ жилъ уже въ началѣ II-го вѣка; Шёнингъ принимаетъ III-е, а Сумъ IV-е столѣтіе. По позднѣйшимъ изслѣдованіямъ все это слишкомъ рано. По мнѣнію историка Мунка, который, считая событія саги вымышленными, признаетъ, однакожъ, героя ея лицомъ историческимъ, — Фритіофъ жилъ въ концѣ VII или въ началѣ VIII вѣка. Нѣмецкій ученый Монике, которому Фритіофссага такъ много обязана (онъ перевелъ и поэму Тегнѐра), относитъ событія саги къ концу VIII столѣтія, на томъ основаніи, что, по его мнѣнію, сподвижникъ Фритіофа Бьёрнъ былъ не кто иной какъ Бьёрнъ Буна изъ Согна, о которомъ говоритъ книга „Ланднама“ (исторія занятія Исландіи) и внукъ котораго Тордъ переселился въ Исландію.

Объ отцѣ и дѣдѣ Фритіофа есть особое сказаніе — сага о Торстенѣ Викингсонѣ. Она, вѣроятно, новѣе и полна баснословныхъ происшествій, почему и не заслуживаетъ большого довѣрія; для полноты укажемъ однакоже на главныя черты ея содержанія. У конунга Логи, прозваннаго Могучимъ (Hàlogi), былъ ярлъ Вифель. Сынъ Вифеля Викингъ много странствовалъ, много испыталъ приключеній и, между прочимъ, началъ войну съ конунгомъ Ньёрве въ Упландіи. Но такъ какъ эти два противника были равны по силамъ и притомъ находили, что ни у одного изъ нихъ не было на корабляхъ такого богатства, изъ-за котораго стоило-бы воевать, то они заключили миръ и братство, и Викингъ сдѣлался ярломъ у Ньёрве. Этотъ Ньёрве впослѣдствіи прижилъ одиннадцать сыновей, а Викингъ — девятерыхъ. Когда тѣ и другіе выросли, то между ними вспыхнула вражда, и они перебили другъ друга; наконецъ, въ живыхъ остались только двое: Іокуль, сынъ Ньёрве, и Торстенъ, сынъ Викинга. Сами же Ньёрве и Викингъ сохраняли между собою дружбу до конца жизни. Торстену пришлось воевать съ Беломъ, согнскимъ конунгомъ. Когда первый побѣдилъ, то они заключили братство, и Торстенъ женился на сестрѣ Бела Ингеборгѣ, за которою и получилъ селеніе Фрамнесъ. Послѣ того Торстенъ и Белъ совершили вмѣстѣ много далекихъ морскихъ походовъ и на одномъ изъ нихъ повстрѣчались съ Ангантиромъ, съ которымъ и дрались цѣлый день безъ рѣшительнаго успѣха. Ангантиръ

былъ принятъ ими въ братскій союзъ и помогъ имъ завоевать Оркнейскіе острова, гдѣ и былъ посаженъ ярломъ подъ условіемъ платить Белу ежегодную дань. Торстенъ же предпочелъ сдѣлаться *герсомъ* (воеводою, правителемъ округа) подъ властію Бела.

Изъ всѣхъ сагъ скандинавскихъ „Фритіофссага" пріобрѣла наибольшую извѣстность въ Европѣ. Этимъ она обязана особенно Тегнѐру, который, по словамъ одного шведскаго писателя, принялъ ее подъ покровительство своего генія и облекъ въ новый, великолѣпный нарядъ: „какъ прекрасно-отдѣланное золото, говоритъ онъ далѣе, заставляетъ иногда позабывать кусокъ руды, изъ которой оно добыто, такъ и въ настоящемъ случаѣ Тегнерова поэма почти затмила прозаическую сагу; но всякій, кто прочтетъ это первоначальное произведеніе, убѣдится, что и оно заслуживаетъ полнаго вниманія". Еще до Тегнѐра другіе два скандинавскіе поэта пробовали воспользоваться богатымъ содержаніемъ саги для художественнаго созданія [1]); историкъ же Мункъ такъ отзывается о ней: „Сага эта необыкновенно-хорошо составлена и читается очень легко; она заключаетъ въ себѣ многія любопытныя черты быта древней Норвегіи, и, за исключеніемъ разсказа о вѣдьмахъ, подобные которому встрѣчаются и въ другихъ, вообще достовѣрныхъ сагахъ, въ цѣломъ повѣствованіи нѣтъ собственно ничего невѣроятнаго" [2]).

Прозаическая „Фритіофссага" сохранилась въ большомъ числѣ списковъ, которые въ частностяхъ не вполнѣ сходны между собою. Особенно же отличается отъ всѣхъ прочихъ одна рукопись, гдѣ разсказъ гораздо короче и представляетъ разныя особенности: она состоитъ только изъ 5-ти главъ и передаетъ событія по большей части другими словами, а иногда и въ другомъ порядкѣ. Полагаютъ, что это не что иное, какъ сокращеніе болѣе древней подлинной саги. „Фритіофссага" издана была два раза: 1, въ Стокгольмѣ Бьёрнеромъ, въ 1737 году, и 2, въ Копенгагенѣ Рафномъ, въ 1829 г. [3]), Оба изданія отличаются одно отъ другого болѣе или менѣе существенными разночтеніями.

Исландская сага была переводима на разные языки: уже Бьёрнеръ приложилъ къ подлиннику латинскій и шведскій переводы; по-шведски и по-датски она была издаваема нѣсколько разъ, начиная съ 1826 года. Къ англійскому переводу поэмы Тегнéра, сдѣланному Стивенсомъ, присоединенъ и переводъ прозаической саги. Самымъ важнымъ пособіемъ для изученія саги служитъ нѣмецкій ея переводъ Монике, изданный въ Стральзундѣ (гдѣ онъ былъ университетскимъ профессоромъ) въ 1830 г. подъ заглавіемъ: „Die Saga von Fridthjof dem Starken, aus dem Islän-

---

[1]) Samsöe основалъ на ней романтическую повѣсть, а Söeoft — драму.

[2]) „Det norske folkshistorie" ч. I.

[3]) Послѣднее (дипломатич.) изданіе исландской саги: Sagan ock rimorna om Fridhiófr hinn frakni utj. av L. Larsson. København 1893 (Samfund til udgiv af gammel nord. litteratur, № XXII). *Ред.*

dischen von G. Ch. Fr. Mohnike". При этомъ переводѣ помѣщены подробныя, очень дѣльныя примѣчанія и хорошо составленная карта норвежской мѣстности, гдѣ происходятъ главныя событія саги. На шведскомъ языкѣ новѣйшій переводъ, съ критическими примѣчаніями, изданъ, для полученія степени магистра, г. Нюстрёмомъ 1867 года въ Упсалѣ. На русскій языкъ прозаическую сагу въ первый разъ перевелъ г. Карлъ Ленстрёмъ; его переводъ напечатанъ въ 1852 году, въ С.-Петербургѣ, въ сборникѣ: „Опыты историко-филологическихъ трудовъ студентовъ Главнаго Педагогическаго института". Переводъ этотъ, сдѣланный съ исландскаго, вообще удаченъ; но переводчикъ иногда удаляется отъ простоты подлинника и употребляетъ выраженія, очень хорошія для нашего времени, но въ произведеніи древности дѣлающіяся анахронизмами; напр., у него въ 1-й главѣ конунгъ Белъ говоритъ: „Эта болѣзнь сведетъ меня въ гробъ", тогда какъ Норманны гробовъ вовсе не знали. Поэтому настоящій переводъ съ исландскаго подлинника, начатый очень давно, казался не лишнимъ; занимаясь имъ, переводчикъ на каждой строкѣ чувствовалъ, какъ трудно на какомъ бы то ни было новомъ языкѣ, а тѣмъ болѣе на языкѣ совершенно другого склада, передать первобытную простоту, краткость и свѣжесть своеобразныхъ исландскихъ оборотовъ; не мало стоило ему усилій соединить точность перевода съ возможною легкостью слога.

Представляя теперь свой переводъ на судъ читателей, съ удовольствіемъ признаю, что для вѣрнѣйшаго уразумѣнія подлинника и повѣрки своихъ толкованій, я принялъ въ соображеніе труды почти всѣхъ другихъ переводчиковъ саги, а въ томъ числѣ и русскаго моего предшественника. Въ подлинникѣ проза смѣняется иногда стихами, въ которыхъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, надобно видѣть остатки древнѣйшаго эпическаго состава саги. Г. Ленстрёмъ справедливо сомнѣвается въ основательности такого взгляда, замѣчая, что поэтическая форма всегда упорно держится въ памяти народа и что онъ никогда не перелагаетъ стиховъ въ прозу: „народъ не даромъ говоритъ, что изъ пѣсни слóва не выкинешь. Далѣе, самый слогъ саги, складъ рѣчи отрывистый, простой, безыскусственный, не имѣетъ никакихъ слѣдовъ перехода стиховъ въ прозу. Напротивъ, весь тонъ этой саги носитъ на себѣ признаки первобытной, подлинной древности, признаки первичной формаціи, какъ она вышла изъ творческой силы народнаго духа". Послѣдняго выраженія, однакожъ, нельзя признать умѣстнымъ, такъ какъ саги не были конечно произведеніями народной литературы, а составлялись скальдами, и только въ основѣ ихъ могли дѣйствительно находиться народныя преданія или пѣсни. Что касается до перевода стиховъ, встрѣчающихся въ прозаической „Фритіофссагѣ", то я не счелъ нужнымъ слѣдовать примѣру прочихъ ея переводчиковъ и передавать эти мѣста стихами же: здѣсь мнѣ каза-

лось самою важной задачей — сохранить вполнѣ смыслъ подлинника, и я тѣмъ болѣе предпочелъ прозу же, что въ сагѣ исландскіе стихи менѣе отличаются истинною поэзіей, чѣмъ извѣстными внѣшними особенностями, какъ-то своеобразными размѣрами и созвучіями въ началѣ словъ (аллитерація), которыя очень трудно, безъ измѣненія смысла, воспроизвести въ переводѣ. Отъ употребленія въ этомъ случаѣ прозы читатель, какъ мнѣ кажется, ничего не проиграетъ. Совершенно другое дѣло — переводъ истинно-поэтическаго произведенія, котораго передача въ прозѣ, по словамъ одного уважаемаго критика, „не вводитъ читателя въ точное уразумѣніе красотъ подлинника.“ [1]).

Сага о Фритіофѣ смѣломъ.

Глава I.

О смерти конунга Бела и Торстена Викингсона и ихъ дѣтяхъ.

Такъ начинается эта сага. Конунгъ Белъ правилъ областью Согнъ въ Норвегіи. У него было трое дѣтей. Гелгомъ звали одного сына, другого Гальфданомъ, а дочь Ингеборгой. Ингеборга была прекрасна и разумна; она была лучшее дитя конунга. По западной сторонѣ къ морскому заливу тянулся берегъ [2]); тамъ было большое селеніе, называвшееся Бальдерсгагой [3]); въ этомъ мирномъ убѣжищѣ находился обширный храмъ, окруженный высокимъ тыномъ. Тамъ было много боговъ, всѣхъ же болѣе чтили Бальдера. Язычники такъ уважали святость этого мѣста, что никто не смѣлъ тамъ причинять вреда ни звѣрю, ни человѣку, и мужчины не могли имѣть сообщества съ женщинами. Сирстрандомъ [4]) (Syrstrand) назывался участокъ, которымъ владѣлъ конунгъ, а по то сторону залива стояло селеніе и называлось оно Фрамнесомъ [5]). Тамъ жилъ мужъ по имени Торстенъ, сынъ Викинга; его селенье стояло противъ конунгова. Торстенъ съ женою своей прижилъ сына по имени Фритіофа; онъ былъ изъ всѣхъ мужей самый рослый и сильный, и пріученъ къ отважнымъ дѣламъ уже смолоду; его прозвали *Фритіофомъ Смѣлымъ*. Онъ былъ такъ любимъ,

---

[1]) См. *Современникъ*. 1845, т. XL.

[2]) Чтобы понять это выраженіе, надобно представить себѣ, что Согнскій морской заливъ шелъ отъ запада къ востоку; въ восточномъ углу онъ пускалъ отъ себя еще маленькій заливъ къ сѣверу: по западной сторонѣ этого-то внутренняго залива и тянулся берегъ, о которомъ рѣчь идетъ.

[3]) Baldershage. Hage зн. роща.

[4]) Къ югу отъ Бальдерсгаги, на томъ же берегу.

[5]) Framnäs зн. передовой, выдающійся мысъ.

что всѣ желали ему добра. Дѣти конунга были еще малолѣтны, когда умерла ихъ мать. Гильдингомъ звали добраго бонда (поселянина, землевладѣльца) въ Согнѣ; онъ вызвался взять на воспитаніе дочь конунга, и была она воспитана у него хорошо и заботливо; ее прозвали *Ингеборгой прекрасной.* Фритіофъ также воспитывался у бонда Гильдинга, и сталъ онъ (по воспитанію) побратимомъ конунговой дочери, и были они лучше всѣхъ другихъ дѣтей. У конунга Бела стало убывать движимое добро, потому что онъ состарѣлся. Торстенъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи треть государства, и былъ онъ главною опорою конунга. Торстенъ чрезъ каждые три года давалъ конунгу роскошный пиръ, а конунгъ чрезъ каждые два года давалъ пиръ Торстену. Сынъ Бела Гелгъ рано сдѣлался усерднымъ жрецомъ боговъ, но онъ и братъ его не были любимы народомъ. У Торстена былъ корабль, который звали Эллидой; на немъ помѣщалось, съ каждой стороны, по пятнадцати гребцовъ; онъ на обоихъ концахъ круто выгибался и былъ крѣпокъ, какъ морское судно; бортъ былъ обитъ желѣзомъ. *Фритіофъ былъ такъ силенъ,* что могъ грести двумя веслами на носу Эллиды (длиною въ тринадцать локтей), а каждымъ изъ прочихъ веселъ управляло по два человѣка. Фритіофъ считался первымъ изъ молодыхъ людей того времени, и сыновьямъ конунга было завидно, что его хвалили болѣе ихъ. Между тѣмъ конунгъ Белъ занемогъ, и когда сталъ терять силы, то призвалъ сыновей своихъ и сказалъ имъ: „Отъ этой болѣзни будетъ мнѣ смерть, и потому прошу васъ, сохраняйте дружбу съ тѣми, которые были мнѣ друзьями: мнѣ кажется, что Торстенъ и Фритіофъ будутъ вамъ нужны и для совѣта, и для дѣла. Насыпьте курганъ надо мною“. Затѣмъ Белъ умеръ. Послѣ того занемогъ Торстенъ; онъ сказалъ Фритіофу: „Родимый! прошу тебя, оказывай покорность сыновьямъ конунга, это подобаетъ ихъ сану; впрочемъ я предчувствую, что ты будешь счастливъ. Желаю, чтобъ меня похоронили противъ самаго кургана Бела, по сю сторону залива, у моря; тамъ будетъ намъ привольно перекликаться о предстоящихъ событіяхъ“. Бьёрномъ и Асмундомъ звали побратимовъ Фритіофа; они были рослые и сильные люди. Вскорѣ Торстенъ испустилъ духъ; онъ былъ похороненъ, какъ приказалъ; Фритіофъ же наслѣдовалъ его землю и движимость.

Глава II.

Фритіофъ сватается за Ингеборгу, сестру конунговъ.

Фритіофъ сталъ знаменитѣйшимъ мужемъ и велъ себя храбро во всѣхъ воинскихъ дѣлахъ. Бьёрнъ, побратимъ его, былъ ему особенно дорогъ; Асмундъ же служилъ имъ обоимъ. Корабль Эллида былъ

лучшимъ сокровищемъ, доставшимся ему послѣ отца; вторымъ сокровищемъ было золотое кольцо, которому не было равнаго въ Норвегіи.

Фритіофъ былъ такъ щедръ, что большинство людей ставило его не ниже обоихъ братьевъ, находя, что ему недоставало только сана конунга. За это Гелгъ и Гальфданъ возненавидѣли Фритіофа и досадовали, что молва отдавала ему преимущество передъ ними; притомъ же они замѣтили, что ихъ сестра Ингеборга и Фритіофъ полюбили другъ друга. Случилось, что конунги поѣхали на пиръ къ Фритіофу во Фрамнесъ, и онъ по обыкновенію угостилъ ихъ пышно. Ингеборга также была тамъ, и Фритіофъ долго разговаривалъ съ нею. Дочь конунга сказала ему: „У тебя есть доброе золотое кольцо.“ — „Есть“, отвѣчалъ Фритіофъ. Послѣ того братья отправились домой, и зависть ихъ къ Фритіофу еще усилилась. Вскорѣ Фритіофъ сталъ очень грустенъ; Бьёрнъ, побратимъ его, спросилъ, какая тому причина. Онъ сказалъ, что у него на сердцѣ разыгралось желаніе свататься за Ингеборгу: „хотя я по званію ниже ея братьевъ, однакожъ думаю, что не менѣе ихъ значу“. Бьёрнъ сказалъ: „Такъ и сдѣлаемъ“. Тогда Фритіофъ съ нѣсколькими изъ своихъ мужей поѣхалъ къ братьямъ. Конунги сидѣли на курганѣ своего отца. Фритіофъ, привѣтствовавъ ихъ учтиво, высказалъ свою просьбу, сватался за сестру ихъ Ингеборгу, дочь Бела. Конунги отвѣчали: „Не разумно ты требуешь, чтобъ мы выдали ее за человѣка не знатнаго рода, и потому рѣшительно отказываемъ“. Фритіофъ сказалъ: „Тогда дѣло мое кончено; но я отплачу вамъ, и ужъ никогда не подамъ помощи, хотя бы вы во мнѣ и нуждались“. Они сказали, что не будутъ тужить о томъ. Поѣхалъ Фритіофъ домой и сталъ по прежнему веселъ.

Глава III.

Конунгъ Рингъ объявляетъ войну сыновьямъ Бела.

Жилъ конунгъ по имени Рингъ; Онъ правилъ Рингарикіею, также въ Норвегіи. Онъ былъ сильный областной конунгъ и добрый человѣкъ, но ужъ старъ лѣтами. Онъ сказалъ своимъ мужамъ: „Я слышалъ, что сыновья конунга Бела поссорились съ Фритіофомъ, однимъ изъ славнѣйшихъ мужей. Теперь отправлю пословъ къ конунгамъ объявить имъ, что или они должны покориться мнѣ и платить дань, или я пойду на нихъ войною, и это будетъ мнѣ легко, такъ какъ они не могутъ сравниться со мною ни числомъ войска, ни разумомъ; а мнѣ было бы великою славою на старости лѣтъ побѣдить ихъ“. Послѣ того отправились послы конунга Ринга и нашли братьевъ Гелга и Гальфдана въ Согнѣ и сказали имъ: „Конунгъ Рингъ велитъ вамъ

объявить, чтобы вы прислали ему дань, а не то онъ опустошитъ вашу область". Они отвѣчали, что не намѣрены въ молодые годы учиться тому, чего не желаютъ знать въ старости, то-есть позорно служить ему: „а соберемъ рать, какую можемъ добыть". Такъ и сдѣлали. Но когда увидѣли, что рать ихъ мала, то послали воспитателя Гильдинга къ Фритіофу съ просьбой пріѣхать на помощь къ конунгамъ. Фритіофъ сидѣлъ за шахматной доской, когда вошелъ Гильдингъ и сказалъ: „Конунги наши шлютъ тебѣ поклонъ и требуютъ твоей помощи въ войнѣ противъ конунга Ринга, который хочетъ нагло и несправедливо вторгнуться въ ихъ область". Фритіофъ не отвѣчалъ ему ничего, а сказалъ Бьёрну, съ которымъ игралъ: „Тутъ пустое мѣсто, братецъ; но ты не перемѣняй хода; лучше я нападу на красную шашку, и посмотрю, защищена ли она." Гильдингъ продолжалъ: „Конунгъ Гелгъ просилъ сказать тебѣ, Фритіофъ, чтобъ ты также шелъ въ походъ, иначе тебѣ будетъ плохо, когда они воротятся." Тогда Бьёрнъ сказалъ: „Тутъ сомнительно, какъ поступить, и сыграть можно двояко." Фритіофъ сказалъ: „Тогда разумнѣе напасть прежде на главную шашку, и сомнѣнію будетъ конецъ." Иного отвѣта Гильдингъ не дождался; онъ поспѣшно поѣхалъ назадъ къ конунгамъ и передалъ имъ рѣчи Фритіофа. Они спросили Гильдинга, какъ онъ разумѣетъ эти слова. Гильдингъ сказалъ: „Говоря про пустое мѣсто, онъ намекалъ, конечно, на свое неучастіе въ вашемъ походѣ, а когда сбирался напасть на красную шашку, то выразилъ намѣреніе итти къ Ингеборгѣ, сестрѣ вашей. Берегите же ее хорошенько. Когда я грозилъ ему вашимъ гнѣвомъ, то Бьёрнъ увидѣлъ въ дѣлѣ сомнѣніе, а Фритіофъ сказалъ, что лучше прежде напасть на главную шашку; тутъ онъ разумѣлъ конунга Ринга." Послѣ того конунги стали снаряжаться и велѣли заблаговременно отправить Ингеборгу съ восемью дѣвушками въ Бальдерсгагу. Они сказали, что Фритіофъ не рѣшится ѣздить туда на свиданіе съ нею: ибо никто не смѣетъ дѣлать тамъ зло. И братья отправились на югъ къ Ядару и нашли конунга Ринга въ Сокнарзундѣ [1]). Конунгъ же Рингъ былъ особенно раздраженъ отзывомъ братьевъ, что имъ стыдно воевать съ такимъ старикомъ, который не въ силахъ взлѣзть на лошадь безъ чужой помощи.

[1]) *Ядаръ* (нынѣ Joederen) — береговая полоса земли, нынѣ часть Ставангерскаго округа. *Сокнарзундъ* — проливъ между двумя островами, недалеко къ сѣверу отъ Ставангера. Война должна была, какъ изъ этого видно, происходить на морѣ.

Глава IV.

Поѣздки Фритіофа въ Бальдерсгагу.

Только-что конунги отправились, Фритіофъ надѣлъ свое праздничное платье, а на руку свое доброе золотое кольцо. Потомъ побратимы пошли къ морю и сѣли на Эллиду. Бьёрнъ спросилъ: „Куда держать путь, побратимъ?“ Фритіофъ говоритъ: „Къ Бальдерсгагѣ, чтобъ потѣшиться съ Ингеборгой.“ Бьёрнъ сказалъ: „Не слѣдуетъ накликать на себя гнѣвъ боговъ.“ Фритіофъ сказалъ: „Отважусь на это; мнѣ важнѣе ласки Ингеборги, чѣмъ гнѣвъ Бальдера.“ Послѣ того они переправились на веслахъ черезъ заливъ и пошли въ Бальдерсгагу, въ палату Ингеборги. Она сидѣла тамъ съ восемью дѣвушками; ихъ было также восемь. Когда они вошли туда, все было тамъ убрано паволоками и дорогими тканями. Ингеборга, вставъ, сказала: „Какъ у тебя достало смѣлости, Фритіофъ, притти сюда вопреки запрещенію моихъ братьевъ, и тѣмъ раздражить противъ себя боговъ?“ Фритіофъ говоритъ: „Что бы ни случилось, твоя любовь мнѣ важнѣе, чѣмъ гнѣвъ боговъ.“ Ингеборга отвѣчаетъ: „Будь тогда моимъ дорогимъ гостемъ со всѣми твоими мужами.“ Потомъ она посадила его возлѣ себя и пила за его здоровье лучшее вино, и такъ они сидѣли и забавлялись. Тутъ Ингеборга увидѣла доброе кольцо на рукѣ его и спросила, ему ли принадлежитъ сокровище. Фритіофъ сказалъ, что ему. Она много хвалила кольцо. Фритіофъ сказалъ: „Я дамъ тебѣ кольцо, если ты обѣщаешь не выпускать его изъ рукъ и прислать мнѣ назадъ, когда не захочешь болѣе имѣть его, и такимъ образомъ мы дадимъ другъ другу обѣтъ вѣрности.“ При этой помолвкѣ они помѣнялись кольцами. Фритіофъ часто бывалъ по ночамъ въ Бальдерсгагѣ и между тѣмъ ѣздилъ туда каждый день и забавлялся съ Ингеборгой.

Глава V.

О Фритіофѣ и сыновьяхъ Бела.

Теперь надобно сказать о братьяхъ, что они встрѣтили конунга Ринга и что у него было болѣе войска. Вотъ стали ходить взадъ и впередъ мужи и старались помирить ихъ, чтобъ дѣло обошлось безъ войны. Конунгъ Рингъ сказалъ, что онъ готовъ на миръ, съ условіемъ, чтобъ конунги покорились ему и отдали прекрасную Ингеборгу, сестру свою, съ третьею частью всего своего имущества. Конунги согласились на это, видя противъ себя превосходныя силы. Примиреніе было закрѣ-

плено договоромъ, и свадьбѣ назначено быть въ Согнѣ, куда пріѣдетъ конунгъ Рингъ за своей невѣстой. Братья съ дружиной своей отправились во-свояси и были въ большой досадѣ. Между тѣмъ Фритіофъ, догадываясь, что братья скоро воротятся, сказалъ конунговой дочери: „Хорошо и любезно вы насъ угощали, и Бальдеръ на насъ не гнѣвался; когда вы узнáете, что конунги ваши возвращаются, то развѣсьте ваши холсты надъ храминой Дисъ [1]): она здѣсь въ селеніи всего выше и мы увидимъ это съ своего дома.“ Конунгова дочь говоритъ: „Вы поступили не по примѣру другихъ мужей; но мы должны были принимать васъ какъ нашихъ друзей, когда вы приходили.“ Потомъ Фритіофъ уѣхалъ домой, а на другое утро вышелъ рано и, возвратясь къ себѣ, пропѣлъ:

„Скажу я нашимъ мужамъ, что ужъ кончены прогулки.
Ужъ воинамъ не ѣздить на кораблѣ: ибо холсты выставлены
на бѣлильнѣ“.

Они вышли и увидѣли, что вся храмина Дисъ завѣшена бѣленымъ полотномъ. Бьёрнъ сказалъ: „Теперь конунги конечно возвратились и намъ недолго просидѣть спокойно: такъ лучше созвать войско“. Такъ и сдѣлали, и собралось множество мужей. Братья тотчасъ узнали о намѣреніяхъ Фритіофа и объ его дружинѣ. Тогда конунгъ Гелгъ сказалъ: „Странно мнѣ, что Бальдеръ сноситъ отъ Фритіофа всякое поруганіе: пошлю къ нему мужей освѣдомиться, какое удовлетвореніе онъ намъ предложитъ; а не то вышлю его изъ края, ибо у насъ нѣтъ достаточной силы, чтобы бороться съ нимъ на этотъ разъ.“ Воспитатель Гильдингъ отправился съ порученіемъ конунговъ къ Фритіофу, а съ нимъ были и Фритіофовы друзья. Они сказали: „Конунги для примиренія съ тобою требуютъ, Фритіофъ, чтобъ ты съ Оркнейскихъ острововъ привезъ дань, которой не платили съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Белъ; ибо они нуждаются въ деньгахъ, выдавая сестру свою Ингеборгу замужъ съ большимъ приданымъ.“ Фритіофъ говоритъ: „Одно обязываетъ насъ къ соблюденію мира — уваженіе къ отшедшимъ отцамъ нашимъ; но братья не исполнятъ договора, и потому я ставлю условіемъ, чтобы все наше имущество было неприкосновенно, пока я буду въ отсутствіи.“ Это было обѣщано и утверждено клятвою. Вотъ Фритіофъ пускается въ путь, выбравъ себѣ въ помощь храбрыхъ и сильныхъ мужей; всѣхъ было восемнадцать. Они спросили Фритіофа, не хочетъ ли онъ прежде заѣхать къ конунгу Гелгу и примириться съ нимъ и отмолить отъ себя гнѣвъ Бальдера. Фритіофъ говоритъ: „Клянусь никогда не просить мира у конунга Гелга.“ Послѣ того онъ сѣлъ на Эллиду и они пустились вдоль по Согнскому заливу. По отъѣздѣ Фритіофа Гальфданъ сказалъ брату своему Гелгу: „Было бы

[1]) Дисы — богини.

справедливѣе какъ-нибудь наказать Фритіофа за его преступленіе: сожжемъ его дворъ и подымемъ на него и на людей его такую бурю, чтобъ имъ никогда не оправиться.“ Гельгъ сказалъ, что это слѣдуетъ сдѣлать. Тогда они сожгли всѣ строенія во Фрамнесѣ и расхитили все имущество. Потомъ послали они за двумя колдуньями, Гейдой и Гамгламой, и дали имъ денегъ, съ тѣмъ, чтобы онѣ накликали на Фритіофа и мужей его такую непогоду, отъ которой бы всѣ погибли въ морѣ. Онѣ изготовили чары и взошли на подмостки съ колдовствомъ и заклинаніями.

Глава VI.

Плаваніе Фритіофа къ Оркнейскимъ островамъ.

Только-что Фритіофъ съ своими людьми вышелъ изъ Согна, посвѣжѣлъ вѣтеръ и поднялась сильная буря; сдѣлалось большое волненіе и корабль понесся быстро, ибо онъ былъ легокъ на ходу и лучшаго не могло быть на морѣ. Тогда Фритіофъ запѣлъ пѣсню:

> „Я велъ корабль изъ Согна, а дѣвы пили медъ; невѣста грустить начала среди Бальдерсгаги. Стала ревѣть буря; добрый день, невѣсты; вы къ намъ ласковы, хотя бы Эллида пошла ко дну“.

Бьёрнъ сказалъ: „Лучше бы тебѣ заняться другимъ дѣломъ, чѣмъ пѣть о дѣвахъ Бальдерсгаги.“ — „Отъ того не стало бы тише“, сказалъ Фритіофъ. Вдругъ ихъ понесло на сѣверъ къ проливу между островов, называемыхъ Солундскими; тутъ вѣтеръ былъ всего сильнѣе. Фритіофъ запѣлъ:

> „Море вздувается высоко и ударяется о тучи; это производятъ старыя колдуньи, сдвигающія буруны съ мѣста. Не стану я въ бурю бороться съ Эгиромъ [1]). Пусть острова Солундскіе насъ защитятъ отъ женъ морскихъ.“

Они пристали къ островамъ, называемымъ Солундскими, и рѣшились тамъ обождать; между тѣмъ погода утихла. Тогда они перемѣнили намѣреніе и отчалили отъ острова. Плаваніе казалось имъ пріятнымъ, ибо вѣтеръ сначала былъ попутный, но вдругъ пучина забушевала. Тогда Фритіофъ запѣлъ:

> „Бывало, живя во Фрамнесѣ, я ѣздилъ на веслахъ въ гости къ Ингеборгѣ; теперь на парусахъ поѣду при свѣжемъ вѣтрѣ, заставлю проворно бѣжать длиннаго звѣря.“

И когда они отплыли далеко отъ земли, море во второй разъ сильно взволновалось и встала великая буря съ такою снѣжною мятелью, что съ одного конца судна не видно было на другой, и волны

[1]) Эгиръ — богъ моря.

такъ заливали корабль, что нужно было безпрестанно выкачивать воду; Фритіофъ запѣлъ:

„Изъ-за страшной бури не видать другихъ людей; мы попали въ бурунъ, славная дружина; изъ виду пропали Солундскіе острова; восемнадцать мужей воду качаютъ, спасая Эллиду.“

Бьёрнъ говоритъ: „Многое увидитъ, кто далеко поѣдетъ.“ — „Правда, побратимъ,“ сказалъ Фритіофъ и запѣлъ:

„Гелгъ производитъ, что выростаютъ волны инеегривыя: это не то, что въ Бальдерсгагѣ цѣловать свѣтозарную невѣсту. Не одинаково меня любятъ Ингеборга и конунгъ; лучше хотѣлъ бы я ей поручить мое счастье.“

„Можетъ быть, сказалъ Бьёрнъ, она желаетъ, чтобъ тебѣ было лучше теперешняго, но и этимъ нечего огорчаться.“ Фритіофъ говоритъ, что теперь удобно испытать добрыхъ спутниковъ, хотя пріятнѣе было бы въ Бальдерсгагѣ. Они принялись за работу бойко, ибо тутъ сошлись все молодцы, и корабль былъ изъ лучшихъ, какіе виданы въ сѣверныхъ странахъ. Фритіофъ запѣлъ пѣсню:

„Изъ-за страшной бури ничего не видать, мы попали въ западное море; все мнѣ является какъ будто бы сквозь туманъ, пучина реветъ; высоко встаютъ лебединые холмы, Эллиду бросаютъ свирѣпыя волны.“

Вотъ налетаютъ огромные валы, всѣ люди качаютъ воду. Фритіофъ запѣлъ:

„Много пьетъ за мое здоровье дѣва; а если я погружусь въ лебединый курганъ, то она будетъ плакать тамъ, на востокѣ, гдѣ холстъ висѣлъ на солнцѣ.“

Бьёрнъ сказалъ: „Не думаешь ли ты, что согнскія дѣвы много плачутъ по тебѣ“? Фритіофъ сказалъ: „Конечно, мнѣ приходитъ это на мысль?“ Потомъ волны такъ ударили въ передній конецъ, что онѣ полились водопадами; но къ счастью корабль былъ крѣпокъ и на немъ работали надежные спутники. Тогда Бьёрнъ пропѣлъ пѣсню:

„Не дѣва тутъ пьетъ за твое здоровье, не убранная кольцами подзываетъ тебя къ себѣ; солонъ глазъ, омоченный морскою водой, крѣпкая рука изнуряется трудомъ.“

Асмундъ отвѣчаетъ: „Не бѣда, что вамъ пришлось испытать силу рукъ, ибо вы не жалѣли о насъ, когда мы протирали себѣ глаза, въ то время какъ вы такъ рано вставали въ Бальдерсгагѣ.“ — „Но чтожъ ты не поешь, Асмундъ?“ говоритъ Фритіофъ. — „За этимъ дѣло не станетъ,“ сказалъ Асмундъ и запѣлъ пѣсню:

„Здѣсь жутко было у мачты, когда море шумѣло вокругъ корабля: я работалъ на немъ съ восемью человѣками; веселѣе было носить завтракъ въ дѣвичій теремъ, нежели въ бурю выкачивать изъ Эллиды воду.“

„Ты не низко цѣнишь свою помощь, сказалъ Фритіофъ и улыбнулся: однакожъ ты уподобляешься рабскому племени, желая заняться приготовленіемъ кушанья.“ Тутъ вѣтеръ снова такъ усилился, что волны, которыя со всѣхъ сторонъ рвались на корабль, казались бывшимъ на немъ похожими на утесы и скалы. Фритіофъ запѣлъ:

> „Сидѣлъ я на подушкѣ въ Бальдерсгагѣ, пѣлъ, какъ могъ, передъ конунговой дочерью; теперь неизбѣжно попаду на ложе Раны [1]), другому достанется ложе Ингеборги.“

Бьёрнъ сказалъ: „Горькій раздается плачъ, побратимъ, и уныніе слышится въ твоихъ словахъ; жаль такого добраго молодца.“ Фритіофъ говоритъ: „Это не уныніе и не плачъ, хоть я и пою о нашихъ любовныхъ поѣздкахъ; но можетъ статься, объ нихъ говорено болѣе, чѣмъ слѣдовало. Однакожъ большей части людей смерть казалась бы вѣрнѣе жизни, еслибъ съ ними случилось то, что съ нами; но я тебѣ еще что-то скажу.“ И онъ запѣлъ:

> „Тебѣ не досталось мое счастье — при восьми дѣвушкахъ бесѣдовать съ Ингеборгой; мы съ нею помѣнялись червлеными кольцами въ Бальдерсгагѣ; далече былъ тогда Вигле, стерегущій землю Гальфдана.“

Бьёрнъ сказалъ: „Будемъ, побратимъ, довольны тѣмъ, что случилось.“ Вдругъ валъ обрушился на корабль съ такою силой, что клампы и оба галса были оторваны, и за бортъ выброшены четыре человѣка, которые всѣ и потонули. Тогда Фритіофъ запѣлъ:

> „Оба галса порвались при страшномъ волненіи моря; погрузились четыре товарища въ глубокую пучину.“

Теперь похоже на то, сказалъ Фритіофъ, что нѣкоторые изъ нашихъ людей отправляются къ Ранѣ. Но наше появленіе не покажется приличнымъ, если мы придетъ туда, не снарядившись какъ подобаетъ храбрымъ. Мнѣ сдается, что каждому изъ мужей слѣдовало бы имѣть при себѣ нѣсколько золота.“ И онъ разрубилъ на части кольцо Ингеборги и роздалъ куски своимъ людямъ, и запѣлъ пѣсню:

> „Червленое кольцо, нѣкогда принадлежавшее богатому родителю Гальфдана, я разрублю тебя, прежде нежели насъ уничтожитъ Эгиръ. Пусть на гостяхъ увидятъ золото, когда имъ нужно угощенье. Это прилично храбрымъ воинамъ въ палатахъ Раны“.

Бьёрнъ сказалъ: „Это еще не вѣрно, хотя и вѣроятно“. Тогда Фритіофъ и люди его замѣтили, что корабль унесло далеко впередъ; но они не знали куда, ибо ихъ отовсюду окружала мгла, такъ что ничего не видно было между кормой и носомъ за волненіемъ и бурей, туманомъ и снѣгомъ и страшною стужей. Вотъ Фритіофъ взлѣзъ на мачту, и сказалъ своимъ товарищамъ, спустившись: „Я видѣлъ чудное

---

[1]) Богиня моря, жена Эгира. Ложе Раны — дно морское.

зрѣлище: огромный китъ обвился кольцомъ вокругъ корабля; догадываюсь, что мы приблизились къ какой-то землѣ и что онъ хочетъ помѣшать намъ пристать; мнѣ сдается, что конунгъ Гелгъ поступаетъ съ нами не дружески и посылаетъ намъ что-то недоброе. Вижу двухъ женщинъ на хребтѣ кита, и онѣ-то конечно вызвали эту грозную бурю своими злыми чарами и заклинаніями. Теперь мы испытаемъ, чтó сильнѣе, наше счастье, или ихъ колдовство: вы правьте прямо на нихъ, а я острогáми задамъ этимъ чудовищамъ." И онъ пропѣлъ пѣсню:

„Вижу двухъ вѣдьмъ на волнѣ; ихъ прислалъ сюда Гелгъ; имъ спину разрѣжетъ пополамъ Эллида, прежде нежели остановится."

Сказываютъ, что у Эллиды была способность понимать человѣческую рѣчь. Вотъ Бьёрнъ сказалъ: „Теперь мы увидимъ, каково расположеніе къ намъ братьевъ," и онъ бросился къ рулю, Фритіофъ же схватилъ шестъ, побѣжалъ къ носу корабля и пропѣлъ пѣсню:

„Ура, Эллида! Бѣги по волнамъ; разбей вѣдьмамъ зубы и лобъ, скулы и челюсти злымъ бабамъ; переломи ногу, или и обѣ этимъ чудовищамъ".

Тутъ онъ пустилъ рогатиной въ одну изъ вѣдьмъ-оборотней; передній же конецъ Эллиды попалъ въ спину другой, и у обѣихъ проломанъ былъ хребетъ; китъ же пошелъ поспѣшно ко дну, и его болѣе не видали. Вѣтеръ сталъ утихать, но корабль съ трудомъ держался на водѣ. Фритіофъ кликнулъ своихъ людей и велѣлъ имъ отливать судно. Бьёрнъ замѣтилъ, что это безполезный трудъ. „Берегись отчаяваться, побратимъ!" сказалъ Фритіофъ: „прежде водилось у храбрыхъ людей помогать, пока есть силы, чтó бы потомъ ни случилось." И онъ пропѣлъ пѣсню:

„Молодцамъ нечего бояться смерти; будьте веселы, товарищи: мнѣ сны предвѣщаютъ, что Ингеборга будетъ моею".

Между тѣмъ они отлили судно и подошли близко къ бéрегу, но вдругъ противъ нихъ опять поднялась буря. Тогда Фритіофъ схватилъ два весла въ передней части судна и сталъ грести ими во всю мочь. Скоро погода прояснилась; они увидѣли, что прибыли къ Эфьезунду [1]), и причалили. Спутники страшно устали; но Фритіофъ былъ такъ бодръ, что перенесъ на берегъ восемь человѣкъ, Бьёрнъ двоихъ, а Асмундъ одного. Тогда Фритіофъ запѣлъ:

„Я перенесъ къ огню изнуренныхъ непогодой молодцовъ; я сложилъ парусъ на песокъ: не легко бороться съ морскою дѣвой."

[1]) Проливу между Оркнейскими островами; *Эфья* было, вѣроятно, названіе нынѣшняго пролива Майнланда (иначе Помона).

Глава VII.

Фритіофъ у Ангантира.

Ангантиръ былъ въ Эфье, когда Фритіофъ и его люди вышли на берегъ. У Ангантира былъ обычай, что пока онъ пировалъ съ друзьями, у окна пирной палаты долженъ былъ сидѣть одинъ изъ мужей его—наблюдать погоду и быть на стражѣ; онъ долженъ былъ пить изъ звѣринаго рога, и осушивъ одинъ, наливалъ себѣ другой. Гальвардомъ звали мужа, бывшаго на стражѣ, когда прибылъ Фритіофъ. Увидѣвъ, какъ приплывалъ Фритіофъ съ своими товарищами, Гальвардъ запѣлъ:

„Вижу, какъ въ бурю мужи на Эллидѣ выкачиваютъ воду; ихъ шестеро, а семеро гребутъ; тотъ, который на переднемъ концѣ управляетъ веслами, похожъ на смѣлаго Фритіофа."

И осушивъ рогъ, онъ бросилъ его въ палату черезъ окно и сказалъ женщинѣ, наливавшей ему питье:

„Женщина съ красивою походкой, подыми съ полу выпуклый рогъ, опорожненный мною. Я вижу на морѣ людей, утомленныхъ ненастьемъ; имъ нужна помощь для входа въ пристань."

Услышавъ слова, произнесенныя Гальвардомъ, ярлъ спросилъ, что новаго? Гальвардъ отвѣчалъ: „Сюда прибыли какіе-то люди; они очень устали, а кажется, это добрые бойцы; одинъ изъ нихъ такъ силенъ, что переноситъ остальныхъ на берегъ." Ярлъ сказалъ: „Подите къ нимъ на встрѣчу и примите ихъ съ честью, если это Фритіофъ, сынъ воеводы Торстена, моего друга, знаменитый всякими подвигами." Тогда заговорилъ мужъ, по имени Атли, великій боецъ: „Теперь окажется, справедлива ли молва, будто Фритіофъ поклялся никогда прежде другого не просить мира." — Ихъ было вмѣстѣ десять человѣкъ, злобныхъ и алчныхъ берсерковъ; сошедшись теперь съ Фритіофомъ и людьми его, они взялись за оружіе, и Атли сказалъ: „Тебѣ, Фритіофъ, лучше всего обратиться на насъ: вѣдь повернувшись одинъ къ другому, орлы дерутся. Вотъ, Фритіофъ, тебѣ случай сдержать свое слово и не заговаривать ранѣе другихъ о мирѣ." Фритіофъ устремился на нихъ и запѣлъ:

„Гдѣ вамъ, бородатые трусы-островитяне, справиться съ нами? Чѣмъ мнѣ просить мира, пойду одинъ на десятерыхъ."

Тутъ подоспѣлъ Гальвардъ и сказалъ: „Ярлъ васъ всѣхъ приглашаетъ къ себѣ, и никто не посмѣетъ напасть на васъ." Фритіофъ отвѣчалъ, что онъ охотно принимаетъ зовъ, но готовъ и на другое. Затѣмъ они пошли къ ярлу, и онъ радушно принялъ Фритіофа и всѣхъ его людей. Они прожили у ярла всю зиму и были у него въ

большомъ почетѣ. Онъ часто разспрашивалъ о ихъ странствованіяхъ и Бьёрнъ пропѣлъ пѣсню:

„Воду качали мы, удалые молодцы, пока била вода черезъ оба борта.
Десять дней, да еще восемь дочери Раны мучили мореходца.“

Ярлъ сказалъ: „Конунгъ Гелгъ строилъ вамъ козни, и бѣда имѣть дѣло съ такими конунгами, которые только и умѣютъ губить людей колдовствомъ. Знаю также, сказалъ Ангантиръ, какое порученье дано тебѣ, Фритіофъ: ты присланъ сюда за данью, и я коротко тебѣ отвѣчу: конунгу Гелгу отъ меня дани не будетъ; но ты получишь сколько тебѣ угодно денегъ и всякаго добра, и ты можешь, если пожелаешь, назвать это данью или какъ тебѣ вздумается.“ Фритіофъ сказалъ, что онъ готовъ принять деньги.

Глава VIII.

Конунгъ Рингъ получаетъ Ингеборгу.

Теперь будетъ разсказано, что́ происходило въ Норвегіи послѣ отъѣзда Фритіофа. Братья велѣли сжечь все строеніе во Фрамнесѣ; между тѣмъ колдовавшія сестры свалились съ колдовскихъ подмостковъ и обѣ переломили себѣ спину. Въ ту осень конунгъ Рингъ пріѣхалъ на сѣверъ въ Согнъ, чтобы жениться, и былъ великолѣпный пиръ, когда онъ праздновалъ свою свадьбу съ Ингеборгой. „Какъ тебѣ досталось доброе кольцо, что̀ у тебя на рукѣ?“ сказалъ конунгъ Рингъ Ингеборгѣ. Она говоритъ, что оно прежде принадлежало отцу ея. Конунгъ отвѣчалъ: „Это даръ Фритіофа, и ты его сейчасъ же сними съ руки: у тебя не будетъ недостатка въ золотѣ, когда ты попадешь въ Альфгеймъ“ [1]). Тогда она отдала кольцо женѣ Гелга и просила передать его Фритіофу, когда онъ воротится. Конунгъ же Рингъ отправился восвояси съ своею женою и очень полюбилъ ее.

Глава IX.

Фритіофъ возращается съ данью.

Въ слѣдующую весну Фритіофъ уѣхалъ съ Оркнейскихъ острововъ и дружелюбно разстался съ Ангантиромъ. Гальвардъ отправился съ Фритіофомъ. Прибывъ въ Норвегію, они узнали, что жилище его сож-

---

[1]) Великолѣпное жилище альфовъ. Не означаетъ ли Рингъ этимъ именемъ въ переносномъ смыслѣ своего владѣнія?

жено, и, по пріѣздѣ во Фрамнесъ, Фритіофъ сказалъ: „Почернѣлъ домъ мой и не друзья хозяйничали въ немъ“, и онъ пропѣлъ пѣсню:

„Нѣкогда мы, удалые молодцы, пировали во Фрамнесѣ съ отцомъ моимъ; теперь вижу здѣсь пожарище, и жестоко отплачу конунгамъ“.

Тогда онъ сталъ совѣтоваться съ своими мужами, что̀ ему предпринять; но они просили, чтобъ онъ самъ подумалъ о томъ. Онъ сказалъ, что прежде всего хочетъ вручить дань. Они поплыли на веслахъ чрезъ заливъ въ Сирстрандъ. Тамъ услышали они, что конунги въ Бальдерсгагѣ при жертвоприношеніи Дисамъ. Фритіофъ отправился туда съ Бьёрномъ, Гальварду же и Асмунду поручилъ потопить между тѣмъ всѣ суда, большія и малыя, стоявшія по близости; такъ они и сдѣлали. Потомъ Фритіофъ и Бьёрнъ пошли къ воротамъ Бальдерсгаги. Фритіофъ хотѣлъ войти, но Бьёрнъ совѣтовалъ ему не ходить безъ товарища. Фритіофъ попросилъ его остаться передъ входомъ на стражѣ и запѣлъ:

„Одинъ войду я въ храмъ; не нужно мнѣ товарищей, чтобы отыскать конунговъ. Подожгите ихъ домъ, если я не возвращусь нынче вечеромъ“

Бьёрнъ отвѣчалъ: „Хорошо сказано.“ Затѣмъ Фритіофъ вошелъ и увидѣлъ, что въ хороминѣ Дисъ не много народу. Конунги были при жертвоприношеніи Дисамъ, сидѣли и пили. На полу былъ разложенъ огонь, а передъ огнемъ сидѣли женщины и грѣли боговъ; другія мазали ихъ и тканями вытирали. Фритіофъ подошелъ къ конунгу Гелгу и сказалъ: „Теперь ты конечно желаешь получить дань“. Тутъ онъ замахнулся кошелькомъ, въ которомъ было серебро, и ударилъ конунга по носу такъ сильно, что у него вывалилось изо рта два зуба, а самъ онъ упалъ съ сѣдалища въ безпамятствѣ. Гальфданъ, подхвативъ его, не далъ ему упасть въ огонь, Фритіофъ же пропѣлъ пѣсню:

„Возьми ты дань, вождь бойцовъ, передними зубами, если ничего лучшаго не требуешь; серебро лежитъ на днѣ этого кошелька, который мы съ Бьёрномъ вмѣстѣ добыли.“

Въ той храминѣ было не много людей, они пили въ другомъ мѣстѣ. Отходя отъ стола, Фритіофъ увидѣлъ дорогое кольцо на рукѣ у жены Гелга, которая грѣла Бальдера передъ огнемъ. Фритіофъ схватилъ кольцо, но оно крѣпко держалось у нея на рукѣ и онъ потянулъ ее по полу къ двери; тогда Бальдеръ упалъ въ огонь. Жена Гальфдана быстро схватила ее, и тогда богъ, котораго она грѣла, также упалъ въ огонь. Пламя охватило обоихъ боговъ, передъ тѣмъ обмазанныхъ, и потомъ ударило въ крышу, такъ что весь домъ запылалъ. Фритіофъ взялъ кольцо и вышелъ. Тогда Бьёрнъ спросилъ его, что̀ случилось при немъ въ храмѣ; Фритіофъ, держа кольцо въ приподнятой рукѣ, пропѣлъ пѣсню:

„Гелгъ получилъ ударъ, кошелекъ полетѣлъ ему въ лицо, братъ Гальфдана свалился съ почетнаго мѣста. Бальдеръ началъ горѣть, но кольцо я напередъ взялъ, потомъ вытащилъ я изъ огня жену конунга“.

Говорятъ, что Фритіофъ бросалъ головни на крышу, такъ что весь храмъ загорѣлся. И онъ запѣлъ пѣсню:

„Поспѣшимъ къ берегу, потомъ великое предпримемъ; синее пламя распространяется по Бальдерсгагѣ“.

Затѣмъ они пошли къ морю.

Глава X.

Бѣгство Фритіофа изъ отечества.

Только что конунгъ Гелгъ опомнился, онъ послалъ погоню за Фритіофомъ и велѣлъ убить его со всѣми его спутниками: „тотъ заслужилъ смерть, говорилъ онъ, кто не чтитъ никакой святыни.“ Трубою созвана была придворная челядь [1]). Когда они выходили изъ храмины, то увидѣли, что вся она пылала; Конунгъ Гальфданъ отправился туда съ частью войска, а конунгъ Гелгъ пустился за Фритіофомъ и его спутниками; но тѣ были уже на кораблѣ, который качался, отплывая. Тутъ конунгъ Гелгъ и мужи его замѣтили, что всѣ ихъ суда повреждены; они должны были возвратиться къ берегу и потеряли нѣсколько чѣловѣкъ. Конунгъ Гелгъ былъ такъ разгнѣванъ, что пришелъ въ бѣшенство; онъ сталъ натягивать свой лукъ и, положивъ стрѣлу на тетиву, хотѣлъ выстрѣлить въ Фритіофа, но такъ напрягалъ силы, что обѣ дуги разлетѣлись въ куски. Увидѣвъ это, Фритіофъ схватилъ два весла на Эллидѣ и принялся грести съ такимъ напряженіемъ, что оба они также переломились, и онъ запѣлъ пѣсню:

„Я цѣловалъ молодую Ингеборгу, дочь Бела, въ Бальдерсгагѣ; весла на Эллидѣ переломились точно такъ же, какъ лукъ Гелга“.

Послѣ того подулъ вѣтеръ съ земли вдоль залива; они подняли паруса и поплыли; Фритіофъ сказалъ имъ, чтобъ они постарались не слишкомъ долго пробыть тамъ. Они поплыли вдоль Согнскаго залива, и Фритіофъ пропѣлъ пѣсню:

„Какъ плыли мы недавно изъ Согна, огонь разыгрался надъ нашими владѣніями; теперь костеръ горитъ среди Бальдерсгаги; знаю, что меня прозовутъ Волкомъ храма [2])“.

Бьёрнъ сказалъ Фритіофу: „Что теперь предпримемъ, побратимъ?“ — „Не думаю оставаться здѣсь въ Норвегіи, хочу испытать походную жизнь и сдѣлаться викингомъ.“ — Послѣ того они лѣтомъ посѣтили острова и шкеры и добыли себѣ много имущества и славы;

---

[1]) Hird — гридь, дворъ конунговъ, дружина.

[2]) Vargri veum: такъ назывался осквернившій святыню храма.

осенью же отправились они на Оркнейскіе острова, и Ангантиръ принялъ ихъ хорошо, и они тамъ зимовали. Когда Фритіофъ уѣхалъ изъ Норвегіи, конунги держали тингъ, и объявили его изгнаннымъ изъ всѣхъ своихъ владѣній и присвоили себѣ всю его собственность. Конунгъ Гальфданъ поселился во Фрамнесѣ и снова выстроилъ дворъ, на мѣсто сожженнаго, и такимъ образомъ оба брата возстановили всю Бальдерсгагу; но много прошло времени прежде, нежели огонь былъ потушенъ. Конунгу Гелгу было всего больнѣе, что боги сгорѣли, и много стоило издержекъ, чтобы храмъ Бальдера возобновить совершенно въ прежнемъ видѣ. Конунгъ Гелгъ сталъ жить въ Сирстрандѣ.

Глава XI.

Фритіофъ у конунга Ринга и Ингеборги.

Фритіофъ легко пріобрѣталъ богатство и почетъ, куда ни ѣздилъ; злыхъ людей и свирѣпыхъ викинговъ убивалъ онъ, поселянъ же и купцовъ оставлялъ въ покоѣ, и былъ снова прозванъ Фритіофомъ Смѣлымъ. У него собралась многочисленная, благоустроенная рать и накопилась большая добыча. Проведя три зимы въ морскихъ походахъ, Фритіофъ отправился на востокъ и бросилъ якорь въ Викѣ [1]). Тутъ онъ сказалъ, что хочетъ выйти на берегъ, люди же его пускай отправляются на зиму въ походъ: „мнѣ (сказалъ онъ) начинаютъ наскучать эти странствованія; хочу ѣхать въ Упландію и тамъ повидаться съ конунгомъ Рингомъ; вы ждите меня здѣсь къ лѣту, я возвращусь въ первый лѣтній день“. Бьёрнъ говоритъ: „Это неразумное намѣреніе; но дѣлай, какъ знаешь. По мнѣ надобно бы намъ ѣхать на сѣверъ въ Согнъ и умертвить обоихъ конунговъ, Гелга и Гальфдана“. Фритіофъ отвѣчаетъ: „Это ни къ чему бы не повело: лучше поѣду навѣстить Ринга и Ингеборгу“. Бьёрнъ говоритъ: „Не нравится мнѣ, что ты одинъ отваживаешься; можешь попасть въ его руки, ибо Рингъ хитеръ и знаменитъ породою, хотя уже и довольно старъ“. Фритіофъ говоритъ, что онъ о себѣ позаботится: „а ты, Бьёрнъ, позаботься между тѣмъ о людяхъ“. Они сдѣлали, какъ онъ приказалъ; а Фритіофъ поѣхалъ осенью въ Упландію; ему хотѣлось посмотрѣть, какъ любятъ другъ друга конунгъ Рингъ и Ингеборга. Передъ пріѣздомъ туда, онъ надѣлъ сверхъ платья широкую шубу и былъ весь косматъ; у него были двѣ палки въ рукахъ, а на лицѣ маска, и онъ притворился очень старымъ. Встрѣтивъ мальчиковъ-пастуховъ, онъ

[1]) Vik — взморье передъ Христіаніей. Впрочемъ такъ назывались и нѣкоторыя другія мѣста въ южной Норвегіи.

смиреннымъ голосомъ спросилъ: „Откуда вы?“ Они отвѣчали: „Мы живемъ въ Стрейталандѣ, близъ конунгова жилища“. Старикъ спросилъ: „Силенъ ли конунгъ Рингъ?“ Они отвѣчали: „Намъ кажется, ты уже такъ старъ, что могъ бы и самъ знать все, что касается до конунга Ринга.“ Старикъ сказалъ, что онъ болѣе заботится о вываркѣ соли, чѣмъ о дѣлахъ конунговъ. Потомъ онъ отправился къ палатѣ, и подъ вечеръ вошелъ въ палату и представился очень жалкимъ и, занявъ мѣсто у двери, надвинулъ воротникъ (капишонъ) на голову и спрятался подъ нимъ. Конунгъ Рингъ сказалъ Ингеборгѣ: „Тамъ вошелъ въ палату человѣкъ, ростомъ гораздо выше другихъ.“ Княгиня отвѣчала: „Тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго“. Тогда конунгъ сказалъ молодому служителю, стоявшему у стола: „Поди спроси, кто этотъ человѣкъ въ шубѣ, откуда онъ и какого онъ рода“. Молодой человѣкъ побѣжалъ къ пришельцу и сказалъ: „Какъ тебя зовутъ, старикъ? гдѣ ты ночевалъ, откуда ты родомъ?“ Человѣкъ въ шубѣ отвѣчалъ: „Много за-разъ ты спрашиваешь, молодецъ; но сумѣешь ли отдать отчетъ во всемъ, что я тебѣ скажу?“ — „Сумѣю“, отвѣчалъ тотъ. Человѣкъ въ шубѣ сказалъ: „Воромъ (Thiofr) меня зовутъ; у Волка я ночевалъ, въ Кручинѣ я вскормленъ.“ Слуга побѣжалъ къ конунгу и передалъ ему отвѣтъ пришельца. Конунгъ сказалъ: „Ты, парень, хорошо понялъ слышанное; я знаю, что есть округъ, который зовутъ Кручиной; возможно также, что этому человѣку не весело жить на свѣтѣ; онъ конечно умный человѣкъ и мнѣ нравится.“ — Жена конунга сказала: „Мнѣ страненъ твой обычай, что ты такъ охотно разговариваешь со всякимъ, кто сюда придетъ; что же въ этомъ человѣкѣ хорошаго“? — „Тебѣ это не лучше извѣстно,“ сказалъ конунгъ: „я вижу, что онъ думаетъ про себя болѣе, чѣмъ говоритъ, и зорко осматривается кругомъ“. Послѣ того конунгъ велѣлъ подозвать его къ себѣ, и человѣкъ въ шубѣ приблизился къ конунгу совершенно сгорбившись и привѣтствовалъ его тихимъ голосомъ. Конунгъ сказалъ: „Какъ зовутъ тебя, великій мужъ?“ Шуба въ отвѣтъ пропѣлъ пѣсню:

> „Меня звали Фритіофомъ, когда я ѣздилъ съ викингами; Эртіофомъ [1]), когда я огорчалъ вдовъ; Гейртіофомъ, когда металъ копья; Гунтіофомъ когда ходилъ въ бой; Эйтіофомъ, когда опустошалъ острова; Гельтіофомъ, когда убивалъ младенцевъ; Вальтіофомъ, когда побѣждалъ мужей. Послѣ того скитался я съ соловарами, нуждаясь въ помощи передъ приходомъ сюда.“

Конунгъ говоритъ: „Отъ многаго принялъ ты названіе вора (тіофа), но гдѣ ты ночевалъ и гдѣ твое жилище? гдѣ ты вскормленъ и что

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ цѣлый рядъ именъ, составленныхъ изъ слова *Тіофъ* (thiofr) и другого, намекающаго на воинскій характеръ викинга: Herthjofr, Geirtjofr, Gunnthjofr, Eythiofr, Helthiofr, Valthjofr. Вотъ значеніе первой половины этихъ именъ: her — рать; geir — копье; gunn — битва; ey — островъ; val — побѣда; Hel — богиня смерти.

привело тебя сюда?" Человѣкъ въ шубѣ отвѣчаетъ: „Въ Кручинѣ я вскормленъ, у Волка я ночевалъ, желаніе привело меня сюда, жилища не имѣю." Конунгъ отвѣчаетъ: „Можетъ быть, ты нѣсколько времени питался въ Кручинѣ, но возможно также, что ты родился въ Мирѣ (Frid—миръ). Ты долженъ былъ ночевать въ лѣсу, ибо здѣсь по близости нѣтъ поселянина, котораго бы звали Волкомъ; а что ты говоришь, будто у тебя нѣтъ жилища, такъ это можетъ быть потому, что оно для тебя мало имѣетъ цѣны въ сравненіи съ желаніемъ, привлекшимъ тебя сюда." Тогда сказала Ингеборга: „Поди, Тіофъ, въ другое мѣсто, — въ людскую" [1]). Конунгъ возразилъ: „Я ужъ достигъ до такихъ лѣтъ, что самъ могу назначать мѣсто своимъ гостямъ. Скинь съ себя шубу, пришлецъ, и садись по другую сторону возлѣ меня". Жена конунга говоритъ: „Да ты отъ старости впалъ въ дѣтство, что сажаешь нищихъ подлѣ себя." Тіофъ сказалъ: „Не подобаетъ, государь; лучше сдѣлать такъ, какъ говоритъ княгиня, ибо я болѣе привыкъ варить соль, нежели сидѣть у владѣтельныхъ мужей." Конунгъ сказалъ: „Сдѣлай, какъ я приказываю, ибо хочу поставить на своемъ." Тіофъ сбросилъ съ себя шубу, и былъ подъ нею темносиній кафтанъ, и на рукѣ доброе кольцо; станъ былъ обтянутъ тяжелымъ серебрянымъ поясомъ, за которымъ былъ большой кошель съ свѣтлыми серебряными деньгами, а на бедрѣ висѣлъ мечъ. На головѣ онъ носилъ большую мѣховую шапку; у него были очень глубокіе глаза и все лицо обросло волосами. „Вотъ та́къ лучше, сказалъ конунгъ: ты, княгиня, припаси ему хорошій и приличный плащъ." Княгиня говоритъ: „Твоя воля, государь; а мнѣ мало дѣла до этого Тіофа." Потомъ ему принесли прекрасный плащъ и посадили его на почетное мѣсто возлѣ конунга. Княгиня покраснѣла какъ кровь, когда увидѣла доброе кольцо; однакожъ не захотѣла ни единымъ словомъ обмѣняться съ гостемъ; конунгъ же былъ очень ласковъ къ нему и сказалъ: „У тебя на рукѣ доброе кольцо, и конечно ты долго варилъ соль, чтобы добыть его." — Тотъ отвѣчалъ: „Это — все мое наслѣдство послѣ отца". — „Можетъ быть, сказалъ конунгъ, у тебя не болѣе этого, но я думаю, что мало равныхъ тебѣ соловаровъ, если только старость не слишкомъ затемняетъ мнѣ глаза." Тіофъ прожилъ тамъ всю зиму и былъ радушно угощаемъ и всѣми любимъ; онъ былъ ласковъ и веселъ со всѣми. Княгиня рѣдко съ нимъ говорила, но конунгъ всегда былъ къ нему привѣтливъ.

[1]) Gestaskáli, особое строеніе, бывшее у богатыхъ людей, куда отсылались незначительные гости, которыхъ не принимали въ главной палатѣ.

Глава XII.

Конунгъ Рингъ ѣдетъ въ гости.

Разсказываютъ, что конунгъ Рингъ однажды собрался ѣхать на пиръ, а также и княгиня, со многими мужами. Конунгъ сказалъ Тіофу: „Хочешь ли ты ѣхать съ нами, или останешься дома?“ Тотъ отвѣчалъ, что лучше поѣдетъ. Конунгъ сказалъ: „Это мнѣ болѣе нравится.“ Они отправились и въ одномъ мѣстѣ должны были ѣхать по льду. Тіофъ сказалъ конунгу: „Ледъ кажется мнѣ ненадеженъ, и мы здѣсь неосторожно поѣхали.“ Конунгъ сказалъ: „Часто бываетъ видно, что ты о насъ заботишься.“ Вскорѣ ледъ подъ ними проломился; Тіофъ подбѣжалъ и рванулъ къ себѣ новозку со всѣмъ, что было на ней и внутри ея; конунгъ и княгиня сидѣли въ ней оба; все это и лошадей, запряженныхъ въ повозку, онъ вытащилъ на ледъ. Конунгъ Рингъ сказалъ: „Ты славно вытащилъ насъ, и самъ Фритіофъ Смѣлый не сильнѣе потянулъ бы, еслибъ онъ былъ здѣсь; вотъ каково имѣть удалыхъ спутниковъ“. Пріѣхали они на пиръ; тамъ ничего особеннаго не случилось, и конунгъ отправился домой съ почетными дарами. Прошла зима; но когда наступила весна, погода стала теплѣе, лѣсъ зазеленѣлъ, трава начала расти и корабли могли ходить изъ края въ край.

Глава XIII.

Конунгъ Рингъ въ лѣсу.

Однажды конунгъ Рингъ сказалъ своимъ гриднямъ: „Желаю, чтобы вы сегодня поѣхали со мною въ лѣсъ погулять и полюбоваться прекрасными мѣстами“. Такъ и сдѣлали; множество людей отправилось съ конунгомъ въ лѣсъ. Случилось, что конунгъ и Фритіофъ очутились вмѣстѣ въ лѣсу, вдали отъ другихъ мужей. Конунгъ сказалъ, что чувствуетъ усталость: „хочу соснуть“. Тіофъ отвѣчалъ: „Поѣзжай домой, государь: это знатному мужу приличнѣе, чѣмъ лежать подъ открытымъ небомъ.“ Конунгъ сказалъ: „Этого мнѣ бы не хотѣлось.“ Потомъ онъ легъ на землю, и крѣпко уснулъ и громко захрапѣлъ. Тіофъ сидѣлъ вблизи отъ него и вынулъ мечъ изъ ноженъ и отбросилъ его далеко отъ себя. Черезъ нѣсколько мгновеній конунгъ приподнялся и сказалъ: „Не правда ли, Фритіофъ, что многое приходило тебѣ на умъ, противъ чего ты однакожъ устоялъ? За это будетъ тебѣ у насъ большой почетъ. Я тотчасъ же узналъ тебя въ первый вечеръ, когда ты вошелъ въ нашу палату, и мы не скоро тебя отпу-

стимъ; можетъ быть, тебѣ предстоитъ здѣсь что-нибудь великое". Фритіофъ говоритъ: „Вы меня, государь, честно и дружески угощали, но мнѣ въ путь пора, потому что дружина моя скоро пріѣдетъ ко мнѣ на встрѣчу, какъ я ей назначилъ." За тѣмъ они верхомъ поѣхали домой изъ лѣсу; къ нимъ присоединилась челядь конунга, и они возвратились въ палату и пировали вечеромъ. Тогда народу стало извѣстно, что Фритіофъ Смѣлый прогостилъ у нихъ зиму.

Глава XIV.

Фритіофъ получаетъ Ингеборгу.

Однажды рано утромъ послышался стукъ въ дверь палаты, гдѣ спали конунгъ и княгиня и многіе другіе мужи. Конунгъ спросилъ, кто тамъ стучится. Тогда стоявшій за дверью отвѣчалъ: „Это Фритіофъ; я готовъ къ отъѣзду." Дверь отворили, вошелъ Фритіофъ и пропѣлъ пѣсню:

„Теперь поблагодарю тебя, ты угощалъ меня щедро; храбрый мужъ собрался въ дорогу, гость хочетъ снова взяться за весла. Буду помнить Ингеборгу, покуда оба мы живы; да здравствуетъ она, за поцѣлуи дарю ей сокровище".

Тогда онъ бросилъ Ингеборгѣ доброе кольцо и просилъ ее принять его. Конунгъ улыбнулся этой пѣснѣ и сказалъ: „Такъ вотъ ее благодарятъ за зимовку болѣе, нежели меня, хотя она и не была къ тебѣ ласковѣе, чѣмъ я". Послѣ того конунгъ послалъ своихъ служителей за напитками и яствами и сказалъ, чтобы всѣ ѣли и пили передъ отъѣздомъ Фритіофа: „Сядь и ты, княгиня, сказалъ онъ Ингеборгѣ, и будь весела." Она возразила, что не можетъ ѣсть такъ рано. Конунгъ Рингъ сказалъ: „Мы всѣ вмѣстѣ будемъ теперь кушать". Такъ и сдѣлали. Когда они пображничали нѣсколько времени, конунгъ Рингъ сказалъ: „Я бы желалъ, чтобъ ты здѣсь остался, Фритіофъ, потому что мои сыновья по возрасту еще дѣти, а я уже старъ и не въ состояніи защищать страну, еслибъ кто пошелъ на нее войною." Фритіофъ сказалъ: „Тотчасъ уѣду, государь", и запѣлъ пѣсню:

„Живи ты, конунгъ Рингъ, счастливо и долго, славнѣйшій владыка на землѣ. Храни, вождь, супругу и край; мнѣ съ Ингеборгой уже не видаться".

Тогда запѣлъ конунгъ Рингъ:

„Не уѣзжай такъ отсюда, Фритіофъ, дорогой воитель, съ мрачной душою. Я воздамъ тебѣ за твои дары лучше, нежели ты самъ ожидаешь".

И еще пропѣлъ онъ:

„Я отдаю знаменитому Фритіофу жену, а съ нею и все мое имущество"

Фритіофъ подхватилъ и запѣлъ:

„Я не приму твоихъ даровъ, конунгъ, если у тебя нѣтъ смертельной болѣзни.“

Конунгъ сказалъ: „Я бы тебѣ не предлагалъ того, еслибъ не чувствовалъ приближенія смерти; я боленъ и тебѣ предпочтительно предоставляю эти дары, потому что ты лучше всѣхъ мужей въ Норвегіи. Передаю тебѣ также и имя конунга, потому что братья Ингеборги не предоставятъ тебѣ такой чести и не дадутъ тебѣ такой жены, какъ я.“ Фритіофъ сказалъ: „Много благодарю васъ, государь, за ваше благодѣяніе, которое болѣе, чѣмъ я ожидалъ; я удовольствуюсь именемъ ярла, высшаго сана не желаю.“ За тѣмъ конунгъ Рингъ, ударивъ по рукамъ, передалъ Фритіофу господство надъ страною, которою онъ владѣлъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и имя ярла: Фритіофъ долженъ былъ править, пока сыновья конунга Ринга достигнутъ совершеннолѣтія и будутъ способны сами управлять своею областью. Конунгъ Рингъ лежалъ недолго; когда же умеръ, то по немъ былъ большой плачъ въ государствѣ. Надъ нимъ насыпанъ былъ курганъ и туда положено, по его приказанію, много имущества. Послѣ того, когда прибыли мужи Фритіофа, онъ задалъ имъ роскошный пиръ; тутъ отпраздновали разомъ и тризну Ринга, и свадьбу Фритіофа съ Ингеборгой. Потомъ Фритіофъ сѣлъ тамъ на царство и сталъ знаменитымъ мужемъ. Онъ съ Ингеборгой прижилъ многихъ дѣтей.

Глава XV.

О Фритіофѣ и братьяхъ Гелгѣ и Гальфданѣ.

Согнскіе конунги, братья Ингеборги, услышали вѣсть, что Фритіофъ былъ конунгомъ въ Рингарикіи и женился на ихъ сестрѣ Ингеборгѣ. Гелгъ сказалъ Гальфдану, брату своему, что это — необычайное и дерзкое дѣло, что она досталась сыну простого мужа. Они собрали большую рать и пошли съ нею въ Рингарикію, намѣреваясь убить Фритіофа и покорить его царство. Узнавъ это, Фритіофъ собралъ войско и сказалъ Ингеборгѣ: „Новая война посѣтила наше царство; чѣмъ бы она ни кончилась, мы не желаемъ видѣть васъ недовольною“. Она отвѣчала: „Дошло до того, что мы желаемъ тебѣ первенства“ (побѣды). Тогда Бьёрнъ прибылъ съ востока на помощь Фритіофу. Они вмѣстѣ пошли на войну и было по прежнему: Фритіофъ шелъ впереди въ опаснѣйшихъ случаяхъ. Онъ выдержалъ единоборство съ конунгомъ Гелгомъ, и Фритіофъ убилъ его. Тогда Фритіофъ велѣлъ выставить щитъ мира и война прекратилась. Фритіофъ сказалъ конунгу Гальфдану: „Предлагается тебѣ одно изъ двухъ важныхъ условій: либо все

предоставить въ мою власть, либо принять смерть, какъ твой братъ: кажется, мнѣ болѣе удачи, нежели вамъ.“ Тогда Гальфданъ избралъ первое условіе: подчинить себя и свое царство Фритіофу. Вотъ и сталъ Фритіофъ господствовать надъ Согнскою областью, Гальфданъ же долженъ былъ сдѣлаться воеводою въ Согнѣ и платить Фритіофу дань, пока тотъ управлялъ Рингарикіей. Потомъ Фритіофъ получилъ имя конунга Согнской области; онъ передалъ Рингарикію сыновьямъ конунга Ринга, а послѣ того покорилъ себѣ Гордаландію [1]). У нихъ (у Фритіофа съ Ингеборгой) было двое сыновей, Гунтіофъ и Хундтіофъ; и стали оба они знаменитыми мужами. Здѣсь оканчивается сага о Фритіофѣ Смѣломъ.

[1]) Землю къ югу отъ Согна.

Цѣна **75** коп.

